

очарование

Тесса Дэр

Бражные
Узлы

Annotation

Несколько лет Мэдлин Грейсчерч удавалось избегать замужества благодаря письмам к выдуманному ею жениху – герою Наполеоновских войн капитану Маккензи. Но наконец цель Мэдлин была достигнута – ее оставили в покое, она получила изрядное наследство и замок в Шотландии... Самое время «убить» бравого капитана на поле битвы и посвятить жизнь любимой живописи.

Каково же было изумление Мэдлин, когда на пороге ее нового дома вдруг появился целый, невредимый и вполне реальный капитан Логан Маккензи, более чем заинтересованный неизвестно откуда взявшейся «любящей невестой», чьи письма он читал все эти годы, и имеющий к ней немало вопросов. И постепенно девушка понимает, что любовь, которую она придумала, завладевает ею в действительности...

- [Тесса Дэр](#)
  -
  - [Пролог](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Эпилог](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Тесса Дэр

Брачные узы

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Tessa Dare

WHEN A SCOT TIES THE KNOT

Перевод с английского Я. Е. Царьковой

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

© Eve Ortega, 2015

© Перевод. Я.Е. Царькова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

«21 сентября 1808 года

Дорогой капитан Логан Маккензи,

Пишу вам это нелепое письмо и утешаюсь только тем, что вы, мой дорогой, лишь плод моего воображения, а раз вы не существуете, то и прочесть этот бред будет некому.

Но я забегаю вперед. Вначале мне следует представиться.

Меня зовут Мэдлин Элоиза Грейсчерч, и глупее меня вряд ли сыщется девица во всей Англии. Боюсь, я повергну вас в ужас, но вы по уши влюбились в меня, когда наши пути так и не пересеклись в Брайтоне.

А теперь мы помолвлены».

Мэдди уже и припомнить не могла, когда впервые взяла в руки карандаш. Казалось, она родилась с ним в руках и с тех пор не расставалась. Если точнее, одним карандашом дело не ограничивалось: обычно Мэдди держала при себе два или три: рассовывала по карманам фартука и втыкала в узел волос вместе со шпильками, когда ей нужно было держать руки свободными для того, чтобы влезть на дерево или перелезть через забор.

Грифель она расходовала экономно, так что от карандаша не оставалось и огрызка. Мэдди рисовала певчих птиц, вместо того чтобы учить уроки; она рисовала церковных мышей, когда должна была молиться. Когда Мэдди удавалось вырваться из дома, все живое вокруг просилось на бумагу: от стебелька клевера с пушистой головкой, гордо торчащей между пальцами босых ног, до облаков, деловито плывущих куда-то высоко в небе.

Мэдди нравилось рисовать, и не было ничего, что бы ей рисовать не нравилось. Ну ладно, почти ничего.

И Мэдди очень и очень не нравилось привлекать к себе внимание.

Такой уж она была, и неминуемо приближающийся выход в свет у шестнадцатилетней Мэдди вызывал примерно те же эмоции, что и предписанная доктором касторка или рвотная соль.

Много лет прожив вдовцом, отец ее решил обзавестись новой женой, которая была всего на восемь лет старше самой Мэдди. Анна, молодая жена отца, была женщиной яркой и бойкой. Природа в избытке наградила ее всеми теми качествами, которых никогда не было у Мэдди. Сразу надо

оговориться, что Мэдди больше чем устроила бы роль Золушки, роль одетой в тряпье замарашки, которую злая мачеха запирает в башне, пока все прочие домочадцы веселятся на балу. Но Мэдди, по несчастью, досталась мачеха совсем иного сорта, из тех, что с радостью нарядит падчерицу в шелка, отправит на бал и толкнет в объятия ничего не подозревающего принца. Фигурально выражаясь, разумеется. На принца Мэдди не приходилось рассчитывать. В лучшем случае ей повезет стать женой третьего сына какого-нибудь графа, которому одна дорога – в пастыри, или женой нищего баронета.

А в худшем...

Сказать, что Мэдди неважно чувствовала себя в толпе, будь то рыночная площадь, партер театра или балльный зал, – значит ничего не сказать. В толпе Мэдди теряла способность думать, говорить, двигаться и даже, отчасти дышать. Должно быть, со стороны это выглядело донельзя глупо, но справиться с собой Мэдди была не в силах. При одной мысли о лондонском сезоне ее бросало в дрожь. И потому, вместо того чтобы наслаждаться обществом себе подобных, Мэдди большую часть сезона провела в обществе ракушек. Собирала их на пляже, делала зарисовки в альбоме, стараясь сосредоточиться на этом занятии так, чтобы в голову не лезли мысли о праздниках, балах и джентльменах.

По возвращении домой Анна встретила ее прямым вопросом:

– Итак, ты готова встретить своего единственного?

И вот тогда Мэдди запаниковала. И солгала. Экспромтом. На пустом месте Мэдди сочинила историю, которая определила всю ее дальнейшую жизнь.

– Я уже его встретила.

Мэдди не могла втайне не позлорадствовать, увидев, как полезли на лоб глаза мачехи. Впрочем, уже в следующую минуту Мэдди осознала, какую совершила глупость. Следовало бы догадаться, что ее ошеломляющее заявление не закроет вопрос, как ей бы того хотелось, а вызовет множество новых, на которые ей, Мэдди, придется отвечать.

Когда его ждать с визитом?

Э... Он не может нанести нам визит. Он бы хотел, но ему пришлось срочно покинуть страну.

Покинуть с какой целью?

Он человек военный, офицер, и обязан подчиняться приказам. Ему приказали – он отправился воевать.

А его родственники? Мы могли бы познакомиться хотя бы с ними. Нам следует с ними познакомиться.

Увы, это невозможно. Он родом издалека. Из Шотландии, с самого севера. И кроме того, все его родные мертвы.

Но имя его ты можешь нам сообщить.

Маккензи. Его зовут Логан Маккензи.

Логан Маккензи. Вот она и обзавелась поклонником, у которого есть имя, и больше ничего. К вечеру Логан Маккензи обзавелся волосами (каштановыми), глазами (голубыми), голосом (низким, с шотландским раскатистым «р»), званием (капитана) и характером (твердым, но доброжелательным) и недюжинным умом.

В тот же вечер по настоянию домочадцев Мэдди села писать ему письмо.

«...Вот сейчас они смотрят на меня и думают, что я пишу письмо моему тайному возлюбленному, облаченному в килт, а я заполняю страницу всякой ерундой, молясь о том, чтобы никому из них не пришло в голову заглянуть мне через плечо. Самое неприятное во всем этом то, что мне ничего не останется, кроме как отправить этот опус по почте, когда страница будет исписана до конца. Письму моему предстоит осесть в какой-нибудь затхлой армейской конторе, куда стекаются письма, не нашедшие адресата. Во всяком случае, я на это очень надеюсь. Или же письмо это пойдет по рукам, его будут читать и насмехаться над той, которая его писала. И поделом мне.

Как все это глупо! Ужасно глупо. Громко тикают часы, отсчитывая минуты до наступления рокового часа, когда мне придется во всем признаться. Вначале я должна буду признаться, что солгала насчет красавца офицера из Шотландии, пока находилась в Брайтоне. Потом мне придется объяснять, зачем я это сделала. Если я скажу, что не хочу выходить в свет, надо мной просто посмеются. И тогда мне не спастись от того, что должно случиться уже этой весной. Того, чего я так стремилась избежать, воспользовавшись вашими услугами. Я знаю, что мне на роду написано остаться старой девой, и мне совсем не хочется проходить через унижения, чтобы прийти к этому финалу.

Мой дорогой капитан Маккензи, вы – фантом, я же, в отличие от вас, самая настоящая. Самая настоящая неудачница.

Вот вам рисунок улитки!..

«5 октября 1808 года

Дорогой придуманный мной капитан Маккензи.

Возможно, мне и не придется ничего объяснять в этом году. Быть может, мне удастся протянуть до следующего сезона, не будучи

разоблаченной. Должна признать, в вашем лице я нашла удобный выход из положения. К тому же домочадцы смотрят на меня совсем по-другому. Сейчас они видят во мне женщину, которая за пару мимолетных встреч смогла разжечь в мужчине неутолимую страсть и даже, может, любовь навеки. Кто станет спорить с тем, что любовь с первого взгляда – миф? Вы ведь без ума от меня! Одна-две прогулки по берегу моря, и вы уже не мыслите жизни без меня. Сколько вы дали мне обещаний... Я приняла их всерьез не без сомнений, зная, что нашей любви предстоит пройти испытания временем и расстоянием. И угрозой внезапной смерти. Войну ведь никто не отменял! Но вы смогли меня убедить, что ваше сердце не лжет, и я...

Наверное, я слишком много читаю романов».

«10 ноября 1808 года

Дорогой капитан Маккензи, плод моего прихотливого воображения.

Есть ли на свете что-то более отвратительное, чем наблюдать за развитием бурного романа собственного отца? О да, мы все знаем, что ему надо было жениться вновь и произвести на свет наследника, отчего выбор в качестве супруги молодой и плодовитой женщины был самым разумным с практической точки зрения. Но разве я могла ожидать, что он с таким энтузиазмом возьмется за дело, забыв об элементарных приличиях! Будь неладна эта бесконечная война, из-за которой, вместо того чтобы проводить медовый месяц на континенте, они наслаждаются друг другом здесь, в доме, у всех на глазах, каждый день находя для своих утех новые укромные уголки. Слуги, конечно, притворяются, что ничего не замечают. Меня же от этого трясет.

Я знаю, что должна за них радоваться, и я действительно рада за них. Отчасти. Но до тех пор, пока этот проект по созданию наследника не принесет плоды, мне придется писать вам меньше, а гулять больше».

«18 декабря 1808 года

Дорогой капитан Маккензи, моя фантазия.

У меня появилась новая сообщница. К нам приехала погостить тетя Тея. Моя тетя в молодости погубила себя, прослав дамой полусвета. Грехопадение совершилось во Франции, где ее соблазнил коварный граф. Но сейчас она в годах: хрупкая и безобидная старушка.

Тетя Тея прониклась ко мне глубокой симпатией, прознав о том, что я страдаю от тоски по своему возлюбленному, воюющему с Наполеоном. Я так боюсь за жизнь отважного шотландского капитана. Мне даже лгать

почти не приходится.

«Ну конечно, Мэдлин не желает посещать праздники и балы, где веселится столичный бомонд!»

«Разве не видно: бедняжка места себе не находит, думая о своем капитане Маккензи».

Право, мне даже немного не по себе от того, насколько сильно она мне сочувствует. Поддерживая меня, несчастную, она смогла добиться от моего отца невиданных поблажек. Завтрак мне теперь приносят в спальню, словно замужней женщине или прикованной к постели больной. Меня освободили от необходимости посещать увеселительные мероприятия, и мне разрешено проводить столько времени, сколько мне хочется, за рисованием. Каждое утро мне приносят в спальню шоколад, гренки и газету, которую я успеваю прочесть еще до того, как она попадает к отцу.

Я начинаю верить, что вы – воистину гениальная идея».

«26 июня 1809 года

Дорогой капитан Маккензи, капитан Фикция.

Трубите фанфары! Звоните в колокола! О, счастье!

Драйте полы с лимонным маслом. Молодую жену моего отца основательно тошнит каждое утро и почти каждый вечер тоже. Все признаки налицо. Шумное, вонючее, дрыгающееся существо пробьет себе дорогу в этот мир месяцев через семь. Радости их нет предела, и меня оттесняют все дальше и дальше на задворки этой радости.

Ну и ладно. Зато нам принадлежит целый мир. Я имею в виду вас и меня.

Тетя Тея помогает мне проследить маршрут вашего передвижения, отмечая его флажками на карте.

Она развлекает меня рассказами о ландшафтах Франции, чтобы я могла воочию представить себе то, что окружает вас, когда вы тесните Наполеона за Пиренейские перевалы. Запах лаванды – это запах победы, говорит моя тетя. Я вынуждена время от времени напоминать себе, что должна выглядеть печальной и грустной, словно у меня за вас душа болит. И порой, как ни странно, притворство дается мне легко.

Будьте живы и здоровы, мой капитан».

«9 декабря 1809 года

О, мой дорогой капитан.

Вы будете на меня в обиде, но, должна признаться, я по уши влюблена.

Я навсегда отдала свое сердце другому, и имя его – Генри Эдвард

Грейсчерч. Весит он всего 3 кило, он весь лиловый и сморщенный, и он – само совершенство. Не знаю, как я могла называть его существом.

Он – ангел, милее которого во всем мире нет.

Теперь, когда у отца есть наследник, наше имение никогда не перейдет к Жуткому Американцу, и нищета мне более не грозит. Это означает, что мне не обязательно выходить замуж, и я больше не нуждаюсь в фальшивом шотландском ухажере, чтобы меня оставили в покое.

Я могла бы заявить, что наша любовь не прошла проверку разлукой, что мы больше не пара, и положить конец всем этим глупым письмам, но тетя Тея слишком привязалась к вам, а я очень привязана к ней. Кроме того, мне будет не хватать этих писем.

Сама себя порой не понимаю.

Но иногда мне кажется, что вы меня понимаете лучше меня самой».

«9 ноября 1810 года

Дорогой Логан.

(Мы ведь уже можем называть друг друга по имени, верно?)

То, о чем я собираюсь написать, нельзя назвать иначе, чем выставлением напоказ своей самой постыдной слабости. Мне и самой не верится, что я пишу вам об этом, но, возможно, когда я напишу обо всем в письме, моя дурацкая привычка сама себя изживет. Видите ли, у меня есть подушка. Прекрасная подушка, пуховая, ни перышка. Достаточно туго набитая и большая. По ночам я кладу ее на кровать сбоку от себя, а под нее подкладываю горячий кирпич, чтобы ее согреть.

А потом я ложусь рядом, и если я закрою глаза и провалюсь в полусон-полуявь, то мне почти удастся поверить в то, что эта подушка не подушка, а вы. Вы лежите рядом со мной. Вы меня согреваете, вы оберегаете меня. Но ведь на самом деле это не вы, а подушка. И вообще, вас нет. А я не дружу с головой.

Как бы там ни было, привычка сделала свое дело, и теперь я без этой подушки даже уснуть не могу. Без нее мои ночи были бы бесконечно холодными и одинокими.

Где бы вы ни были, надеюсь, вы спите хорошо.

Сладких вам снов, мой капитан Большая Подушка».

«17 июля 1811 года

Мой дорогой шотландский лэрд и капитан.

А ведь вам удалось неплохо подняться для выдуманного мной шотландского горца без роду и племени. Вы ведь и не мужчина даже, а

набитая ложью подушка с грубоватой прошвой характера. Только не умрите от радости! Вам предстоит стать помещиком. Тетя Тея убедила моего крестного, графа Линфорта, упомянуть меня в завещании, оставив мне самую малость. Этой «малостью» оказался замок в шотландском нагорье. Замок под названием Ленер. Этому замку предстоит стать нам домом, когда вы вернетесь с войны. Совершенная в своей абсурдности точка в конце этого абсурдного повествования, вы не находите?

Господи. Замок!»

«16 марта 1813 года

Дорогой капитан, прихоть моего сердца.

Будущий наследник отцовского титула сэра Генри и его младшая сестра Эмма растут как грибы после дождя. В конверт я вложила рисунок с изображением моих любимых племянника и племянницы. Благодаря своей любящей матери они растут славными и набожными людьми и молятся каждый вечер. И каждый вечер перед сном – пишу вам, надрывая сердце, – они молятся за вас. «Да благословит Бог и сохранит в добром здравии храброго капитана Маккензи». Эмми еще не научилась выговаривать все буквы, но тоже исправно молится за вас.

И с каждой их молитвой душа моя все глубже соскальзывает в бездну. Все это зашло слишком далеко. И все же, если я раскрою правду, все станут меня презирать. И скорбеть о вас. В конце концов, с нашей встречи в Брайтоне прошло уже пять лет.

Теперь вы член нашей семьи».

«20 июня 1813 года

Мой дорогой молчаливый друг.

Видит бог, как больно мне это делать, но у меня нет выбора. Тяжесть вины стала для меня неподъемной. И существует лишь один способ покончить со всем этим.

Вы должны умереть.

Мне жаль, вы и представить не можете, как мне жаль. Я обещаю, что сделаю вашу смерть героической. Вы спасете четырех, нет шестерых товарищей, благородно пожертвовав собой. Что касается меня, то я места не нахожу от горя. Слезы, что капают из моих глаз, размывая чернила – самые искренние. И траур, что я буду носить, тоже ничуть не притворный. Знаете, убить вас – все равно, что убить часть себя. Самую романтическую часть, где притаились все наивные мечты и глупые надежды. Теперь моя судьба определена окончательно. Я состарюсь и умру старой девой.

Разумеется, я всегда понимала, что иного пути у меня нет. Я знала, что никогда не выйду замуж, что меня никто никогда не будет любить. Может, написав об этом, мне будет легче привыкнуть к беспощадной правде.

Пора оставить ложь в прошлом. Пора перестать мечтать.

Мой возлюбленный, уходящий в небытие капитан Маккензи...

Прощай».

Глава 1

*Инвернессшир, графство в Шотландии
Апрель 1817 года*

У Мэдди дернулась рука, и на бумаге расплылась клякса. И изящная бразильская стрекоза сразу же стала напоминать пораженного проказой цыпленка.

Два часа работы насмарку из-за одного неверного движения.

Но трудов не будет жаль, если эти пузырьки означают именно то, на что она так надеется: спаривание.

Сердце ее забилось чаще. Она отложила в сторону перо, подняла голову и замерла, вглядываясь в действие, происходящее за толстым стеклом аквариума, наполненного морской водой.

Мэдди была наблюдательна от природы. Она умела слиться с фоном, сделаться незаметной, невидимой даже, будь то лондонский бальный зал с обоями из китайского цветастого шелка или замок Ленер с его спартанской обстановкой и грубой штукатуркой каменных стен. И Мэдди накопила немалый опыт, наблюдая за брачными ритуалами самых причудливых созданий: от английских аристократов до бабочек-капустниц.

В том, что касается любовных ритуалов, лангусты оказались самыми неторопливыми и сдержанными из всех известных Мэдди существ. Настоящие маленькие ханжи – это крабы.

Мэдди ждала вот уже несколько месяцев того момента, когда Флаффи, самочка, начнет линять, тем самым демонстрируя самцу готовность к спариванию. Того же ждал и Рекс, самец краба, живший в том же аквариуме. И неизвестно, кого из них ожидание измучило сильнее.

Возможно, именно сегодня наступит тот самый день. Мэдди затаила дыхание в ожидании чуда. И вот оно: из-за куска коралла боязливо показалась антенна и осторожно качнулась из стороны в сторону в мутном полумраке.

Аллилуйя!

«Вот так, – молча заклинала самочку Мэдди. – Умница, девочка. Продолжай в том же духе. Тебе было так одиноко под этим камнем всю бесконечно долгую зиму, но сейчас ты готова расстаться с одиночеством».

Показалась голубая клешня.

Затем спряталась.

Беззастенчивое кокетство.

– Хватит строить из себя недотрогу.

Наконец, Флаффи отважилась показать всю голову.

И в этот момент кто-то постучал в дверь.

– Мисс Грейсчерч?

И все закончилось, едва начавшись.

Бульк-бульк, и Флаффи скрылась под камнем.

Вот черт.

– В чем дело, Бекки? Тетя Тея заболела?

Иной причины, чтобы беспокоить Мэдлин в студии, просто быть не могло. Слугам строжайше запрещалось отрывать ее от работы без очень серьезного повода.

– Все здоровы, мисс Грейсчерч. Но к вам прибыли с визитом.

– Ко мне? Вот так сюрприз.

Для «списанной в утиль» англичанки, прозябающей в безлюдном шотландском нагорье, любой посетитель был большим сюрпризом.

– И кто же это?

– Мужчина.

Теперь Мэдди была уже не просто удивлена. Она была прямо-таки шокирована.

Мэдди отодвинула безнадежно испорченную иллюстрацию, изображавшую стрекозу, и зачем-то посмотрела в окно. Мэдди выбрала в качестве студии эту комнату в башне в том числе и потому, что от вида, что открывался из окон, захватывало дух. Зеленые холмы и озерная гладь радовали глаз, но ворот отсюда не было видно.

– Мисс Грейсчерч, – явно нервничая, сообщила Бекки. – Он такой большой!

– Святые угодники. А имя у этого большого мужчины есть?

– Нет. То есть я хочу сказать, что имя у него, наверное, есть, ведь людей без имени не бывает, верно? Но он его не назвал. Пока не назвал. Ваша тетя решила, что вам лучше спуститься и самой на него посмотреть.

Да уж. События развивались все в более загадочном направлении.

– Сейчас спущусь. Попроси кухарку приготовить чай, пожалуйста.

Мэдди развязала тесемки фартука, стащила его через голову и повесила на крючок. После чего она окинула взглядом платье и руки. Серое платье как будто не сильно помялось, а вот руки были в чернилах, и с прической беда. Этим утром она не удосужилась заколоть волосы, и искать шпильки не было времени. Мэдди ничего не оставалось, как скрутить свои темные волосы в узел и закрепить на затылке с помощью

оказавшегося под рукой карандаша.

Кем бы ни был этот безымянный большой незнакомец, ей едва ли удастся произвести на него впечатление с прической или без. А значит, и переживать не стоит.

Мэдди спускалась по винтовой лестнице не спеша, раздумывая о том, кому могло прийти в голову почтить ее визитом. Скорее всего, агент по продаже недвижимости, присланный ближайшим помещиком. Лорд Варли должен приехать только завтра, и Бекки его бы узнала.

Внизу Мэдди ждала тетя Тея. Театральным жестом она схватилась за голову, вернее сказать, за неизменно украшавший старушечью голову тюрбан.

– О, Мэдди, наконец-то.

– И где же наш таинственный визитер? В прихожей?

– В гостиной, – сказала тетя и взяла Мэдди под руку. Они вместе пошли по коридору. – Дорогая, ты должна сохранять спокойствие.

– Я и так спокойна. Или, вернее сказать, была спокойна, пока ты мне не напомнила о том, что я должна сохранять спокойствие. – Мэдди пристально посмотрела тете Тее в глаза. – Что происходит?

– Тебя, возможно, ждет потрясение. Но ты не должна паниковать. Как только все закончится, я приготовлю поссет, и тебе сразу станет лучше.

Поссет. О боже!

Тетя Тея воображала себя кем-то вроде фармацевта. И Мэдди ничего не имела бы против тетиного хобби, если бы ее снадобья зачастую не оказывались более губительными, чем сама болезнь.

– Не думаю, что возникнет необходимость лечить меня поссетом. Неужели этот визитер так уж опасен?

Мэдди расправила плечи, готовясь встретить безымянного гостя.

И, ступив за порог, поняла, что тетя готовила ее не зря. Перед ней был не просто мужчина. Перед ней был настоящий мужчина.

Высокий, статный, облаченный в то, что, наверное, являлось шотландской военной формой: килт в темно-зеленую и синюю клетку и красный мундир.

Волосы у него были почти до плеч – каштановые с отливом в медь. Крепкие скулы и мощный подбородок покрывала щетина того же оттенка, что и волосы на голове. Широкие плечи, стройный торс. На поясе висел простой черный спорран – сумка из тех, что традиционно носят шотландские горцы, а на бедре – кинжал в кожаном чехле. На мускулистых ногах были белые гетры, заправленные в потертые черные ботинки.

Мэдди, понимая, что нарушает все приличия, палилась на незнакомца

во все глаза.

Ее можно понять: горец представлял собой весьма колоритное зрелище. Олицетворение необузданной мужской силы.

– Добрый день, – неловко присев в реверансе, произнесла Мэдди.

Незнакомец не ответил ни словом, ни поклоном. Он молча подошел к ней так близко, как не позволил бы себе подойти ни один джентльмен, знакомый с нормами приличия.

Мэдди нервно переминалась с ноги на ногу. По крайней мере, теперь она уже не могла упрекнуть себя за то, что пялится на него во все глаза. Со столь близкого расстояния рассмотреть его целиком не представлялось возможным. От него слегка пахло виски и костром. Она глядела на его растянувшиеся в усмешке губы и не сразу решилась посмотреть ему в глаза.

Глаза его были того небесно-голубого цвета, от которого захватывает дух. И не от умиления. Отнюдь нет. Они рождали ощущение, словно тебя со всего размаху запустили в небо или швырнули в ледяную воду. Словно ты летишь в бездну, откуда нет возврата. Не слишком приятное ощущение.

– Мисс Мэдли Грейсчерч?

И в довершение ко всему этот голос. Низкий, с раскатистым шотландским рыком, который словно придавал знакомым словам дополнительное незнакомое значение.

Мэдди кивнула.

– Я пришел домой. К вам, – сказал он.

– Домой? Ко мне?

– Я так и знала, – сказала тетя Тея. – Это он.

Странный мужчина кивнул.

– Это я.

– Кто такой – я? – не думая, выпалила Мэдди.

Ей не хотелось никому грубить, но она действительно никогда в жизни не видела этого мужчину. Если бы она его хоть раз в жизни увидела, то никогда бы не забыла. Такого невозможно забыть.

– Так вы не узнаете меня, сердце мое? – «Сердце мое» он произнес на гаэльском языке. Так уж случилось, что за время проживания в Хайленде она успела выучить некоторые слова и выражения на местном наречии.

Мэдди покачала головой. С нее было довольно. Хватит морочить ей голову.

Горец криво усмехнулся.

– Капитан Логан Маккензи к вашим услугам.

«Нет, только не это!»

Голова ее закружилась, и перед глазами все поплыло.

– Вы... – Мэдди с трудом шевелила губами. – Не может быть. Вы сказали, что вы капитан...

У нее пропал дар речи. И колени подкашивались. Но Мэдди не упала без чувств и даже не покачнулась. Она буднично опустилась на кушетку.

Шотландец наблюдал за ней, и, кажется, ее реакция его немного развеселила.

– Вы нормально себя чувствуете? – не без легкой иронии поинтересовался капитан Маккензи.

– Нет, я не чувствую себя нормально, – не стала кривить душой Мэдди. – У меня галлюцинации. Я вижу то, чего нет. Не может быть.

Капитана Логана Маккензи не существует. Его нет, и не может быть в живых. И среди мертвых его тоже быть не может.

Почти десять лет она водила всех за нос, заставив окружающих вначале поверить в то, что она не мыслит жизни без своего капитана, а потом в то, что она безутешно скорбит по своему покойному нареченному. И все это время капитан Маккензи был и оставался лишь плодом ее воображения.

Сколько вечеров она провела, строча письма своему капитану! И что же было в этих посланиях? Всякий вздор и наброски бабочек и улиток. Мэдди отказалась посещать балы и праздники, оправдываясь тем, что не может веселиться, когда мужчина, которого она так любит, сражается с врагом. Она всех убедила в своей преданности храброму сыну Шотландского нагорья, мужчине своей мечты, лишь для того, чтобы ее оставили в покое и дали возможность проводить вечера дома за чтением книг.

Крестный отец Мэдди, граф Линфорт, даже отписал ей замок Ленер, чтобы она могла жить поближе к тем местам, где родился и вырос ее возлюбленный. Какой чуткий старичок!

И когда обман стал слишком обременительным для ее совести, Мэдди устроила для своего придуманного шотландского офицера смерть. И весь год после его смерти она носила черное, а затем перешла на серое. Все вокруг считали ее безутешной, а на самом деле ее просто более чем устраивали черный и серый цвета. На них не так видны чернильные пятна и пятна от рисовального угля – неперенных атрибутов ее рабочих будней.

Благодаря капитану Маккензи у нее были дом, доход, работа, которая доставляет удовольствие, и никакого давления со стороны лондонского общества. Мэдди никогда не планировала так долго обманывать свою семью, но как вышло, так вышло. Но ведь никто в итоге не оказался в минусе, ничьи чувства не были задеты. Все получилось как нельзя лучше.

Мэдди так казалось. Вплоть до сегодняшнего дня.

Она медленно повернула голову, принуждая себя посмотреть в лицо горцу, который сел на кушетку рядом с ней. Сердце билось так, что Мэдди боялась, как бы оно не выпрыгнуло из груди.

Если ее капитана никогда не существовало, то кем же был этот мужчина? И чего он от нее хочет?

– Вы не настоящий, – сказала Мэдди и, зажмурившись, ущипнула себя за руку, надеясь очнуться от кошмара. – Вы не настоящий, – с расстановкой повторила она.

Тетя Тея театрально схватилась за горло одной рукой, а другой принялась энергично обмахиваться, словно веером.

– Это чудо, чудо! Только подумать, ведь нам сообщили, что вы...

– Что я мертв? – с сарказмом подсказал горец. – Можете сами меня потрогать и убедиться в обратном.

Вот уж, нет. Трогать его она точно не станет.

Никаких прикосновений!

Но не успела Мэдди понять, что происходит, как капитан схватил ее за руку и засунул себе под китель.

Не удалось обойтись без прикосновений. Очень даже интимных прикосновений.

Мэдди пробила дрожь. Глупый инстинкт! Ей так хотелось быть выше этого. Мэдди никогда не держалась за руки с мужчиной. Каково это? Любопытство оказалось сильнее доводов разума.

У него была широкая крупная ладонь. Сильная. Мозолистая. Покрытая шрамами и следами пороховых ожогов. По этой руке так же ясно читалось его ремесло, как и по ее бледной руке с длинными пальцами со следами вьевшихся чернил. Пальцы иллюстратора. Пальцы воина. Его жизнь полнилась приключениями, тогда как в ее жизни не было ни одного.

Капитан прижал ее ладонь к мягкой от многочисленных стирок льняной рубашке. Под тканью оказалась впечатляющая твердь. Стальная стена из мышц. Только не холодная, как сталь, а теплая.

Живая.

Настоящая.

– Я не привидение, сердце мое. Я обычный человек. Мужчина из плоти и крови.

Сердце мое.

Капитан часто повторял это выражение. Но два этих слова – нежные слова любви – в его устах звучали совсем не ласково. Его будто переполнял гнев. Так мог говорить лишь тот, кто вырвал из груди собственное сердце и

похоронил его в холодной сырой земле. И сделал это давно. Так давно, что и забыл, что у него когда-то было сердце.

Не отпуская ее руки, капитан свободной рукой отвернул лацкан мундира. Из нагрудного кармана торчал край пожелтевшего листка. Мэдди узнала почерк на конверте. Это был ее почерк.

– Я получал твои письма, детка.

Да поможет ей Бог. Он знает.

Он знает, что она лгала. Он знает все.

И он здесь, чтобы заставить ее платить по счетам.

– Тетя Тея, – прошептала Мэдди. – Похоже, мне все-таки понадобится поссет.

«Вот, значит, какая она – эта девушка», – подумал Логан.

Наконец-то она попалась ему в лапы. Мэдлин Элоиза Грейсчерч. По ее же собственным словам, другой такой не сыскать во всей Англии.

Но ведь она сейчас и не в Англии. И, судя по тому, как она побледнела, ей вот-вот может настать конец. Дышит ли она?

Логан решил это проверить, крепко стиснув ее руку. И щеки ее порозовели.

Так-то лучше.

По правде говоря, у него и самого дыхание сперло. Из-за нее, этой девчонки. Он немало времени провел, гадая о том, какая она из себя. Слишком много времени он думал о ней. Она отправляла ему в каждом письме рисунки каких-то жуков, грибов и мотыльков, но ни разу не прислала своего портрета.

Но, видит бог, Мэдди оказалась премиленькой. Гораздо симпатичнее, чем можно было подумать по ее письмам. И еще она была меньше, чем он себе представлял. Маленькая, изящная и хрупкая.

– Итак, – сказала Мэдди, – это значит, что вы...

И язык у нее куда хуже подвешен, чем можно было подумать.

Логан перевел взгляд на тетю, которая отчего-то оказалась в точности такой, какой он ее себе представлял. Узкая в плечах, с бегающим взглядом, на голове тюрбан цвета шафрана.

– Вы не могли бы оставить нас на пару минут наедине, тетя Тея? Могу я звать вас тетей Теей?

– Но... Разумеется, можете.

– Нет, – простонала его нареченная. – Прошу вас, не надо...

Логан отечески похлопал ее по хрупкому плечу.

– Ну, будет вам...

Тетя Тея поспешила извиниться за племянницу.

– Вы должны простить ее, капитан. Мы так долго считали вас погибшим. И Мэдди до сих пор носит траур. Ваше неожиданное возвращение стало для нее слишком сильным потрясением.

– Это понятно, – сказал он.

Действительно, понятно.

Логан и сам бы сильно удивился, если сочиненный им персонаж явился ему во плоти.

Не только удивился, но и, возможно, испугался бы.

Мэдлин Грейсчерч была напугана, это точно.

– Так что вы, говорите, может вам понадобится, сердце мое? Пакет?

– Поссет, – поспешила ответить за Мэдди ее тетя. – Сейчас я его приготовлю.

Как только тетя Тея вышла за дверь, Логан, мертвой хваткой вцепившись в запястье Мэдди, поднялся с кушетки, заставив и ее встать.

Рывок, похоже, вывел ее из транса, развязав язык.

– Кто вы? – прошептала она.

– Я думал, мы уже прояснили этот вопрос.

– У вас совесть есть? Вас сюда никто не звал! Зачем вы пугаете мою тетю, самозванец?!

– Это я – самозванец? – насмешливо протянул Логан. – Нет, девочка, никакой я не самозванец. Но в одном ты права – совести у меня нет ни капли.

Мэдди нервно облизнула губы и тем самым вольно или невольно заставила его приглядеться к очень даже симпатичным пухлым губам, на которые, не коснись она их острым кончиком языка, он бы, может, и внимания не обратил.

В раздумье о том, не пропустил ли он еще чего-нибудь важного, Логан окинул медленным взглядом всю ее: от неопрятного пучка волос на макушке до выглядывающих из-под подола невзрачного серого платья потертых носков черных ботинок. Что за фигура скрывалась под этим почти монашеским одеянием, сказать было трудно. Да и неважно, как вовремя напомнил себе капитан Маккензи. Он явился сюда не по зову плоти.

Он пришел, чтобы забрать то, что ему причитается.

Логан глубоко вдохнул. Ее запах показался ему знакомым.

Запах лаванды – запах близкой победы.

Рука ее вспорхнула к лицу, пальцы коснулись лба.

– Я не могу понять, что происходит.

– Неужели? Так трудно поверить в то, что выдуманные вами звание и

имя могут принадлежать реально существующему человеку? Маккензи – не такая уж редкая фамилия, а капитанов в британской армии – пруд пруди.

– Согласна, но ведь я специально указывала несуществующий номер полка.

– Ну что же, тем не менее...

– Тем не менее мои письма вас как-то нашли. – Мэдди прочистила горло. – И вы... О нет. И вы их читали?

Логан открыл было рот, но Мэдди не дала ему ответить.

– Разумеется, вы их читали. Если бы вы их не прочли, вас бы тут не было.

Логан не знал, то ли досадовать на нее, то ли радоваться за то, что она берет на себя его реплики. Наверное, решил он, она поступает так по привычке. Недаром она вела с ним столько лет одностороннюю переписку.

И все же, когда в нем больше не стало нужды, она хладнокровно его убила.

Хитрая англичанка была уверена, что обвела всех вокруг пальца, обеспечив себе вольготную жизнь, где она сама себе хозяйка. Только вот зря она так решила. Она просчиталась. Очень даже просчиталась.

– О боже, – пробормотала Мэдди. – Меня сейчас стошнит.

– Не слишком-то здесь жалуют солдата, вернувшегося домой.

– Это не ваш дом.

«Это мы еще посмотрим, детка».

Логан решил дать ей минутку на то, чтобы прийти в себя, а себе на то, чтобы осмотреться. Логан медленно прошелся по комнате. Замок впечатлял если не своими размерами, то своей добротностью. И фортификационные сооружения, и башня, и жилые помещения, по крайней мере, на первый взгляд находились во вполне приличном состоянии. Стены этой комнаты украшали старинные гобелены, но только они и напоминали о быте прежних веков. Во всем остальном это было вполне современное жилище, обставленное сообразно вкусам английской аристократии. Впрочем, Логану было плевать на все эти ковры и кушетки.

Он подошел к окну и устремил взгляд вдаль. Куда больше, чем убранство этого замка, его интересовала земля, на которой этот замок стоял. И то, что он видел, его очень даже устраивало.

Вдоль кромки озера протянулась широкой изумрудно-зеленой лентой полоса плодородной земли. Вдали, за озером, на покрытых травой склонах могли бы пастись овцы. Так выглядело Шотландское нагорье тогда, когда он уходил на войну. Он и его боевые товарищи, которых он привел с собой в эти края. Увы, теперь родные края этих солдат выглядели совсем иначе.

Их исконные земли украли жадные английские лорды и старые английские девы вроде той, в чьем замке он сейчас находился.

Тут хватит земли на них на всех. Здесь будет их новый дом, у подножия замка Ленер. Они лишь заберут то, что было у них отнято. Построят себе дома, посеют овес, заведут семьи. И начнут жить заново.

Логан ни перед чем не остановится, чтобы дать им шанс на счастье. Он был перед ними в долгу.

– Вы, – заявила Мэдди, – должны уйти.

– Уйти? Ни за что, сердце мое.

– Вы должны уйти. Сейчас же.

Мэдди взяла его за рукав и потянула к двери. Логан не сдвинулся с места.

Тогда Мэдди оставила в покое его рукав и принялась толкать его в грудь.

Этим она тоже ничего не добилась. Разве что развеселила Логана.

Он был мужчиной крупным, а она – хрупкой невысокой девушкой. Логан не смог удержаться от смеха. Впрочем, кое-чего Мэдди все же добилась. Толкая его в грудь своими маленькими ладошками, она порядком его расшевелила.

И это с ее стороны было весьма опрометчиво. Мэдди не представляла, какую опасность навлекает на себя.

У него очень долго не было женщины.

Слишком долго.

Наконец, она опустила руки, решив прибегнуть к последнему средству.

Ее глаза, большие, карие, молили о пощаде. Бедняжка и не догадывалась, что с ним этот номер не пройдет. Сердце его давно очерствело.

Но, будучи мужчиной, он не мог остаться совсем равнодушным к ее чарам. Она была хорошенькой, эта англичанка. Попытки сдвинуть его с места имели побочный результат: ее симпатичное лицо покраснелось, в глазах появился интригующий блеск.

Ей не к лицу серый цвет, вдруг подумал Логан. К ее темным волосам и сочным губам пойдут яркие цвета: изумрудно-зеленый цвет шотландских холмов и сапфирный синий шотландских озер. Логан поймал себя на том, что улыбается, и очень удивился. Да, в наброшенном на плечо пледе цветов его клана, темно-синем и зеленом, она будет смотреться замечательно.

– Уходите, – сказала Мэдди. – Если вы уйдете сейчас, я смогу убедить свою тетю, что все это было ошибкой. Потому что так оно и есть: это все – чудовищная ошибка. В мои намерения никогда не входило досаждать вам

своими писаниями.

– Может, вы и не собирались посвящать меня в свои дела, но что сделано, то сделано.

– Так вы требуете от меня извинений? Хорошо, я признаю свою вину. Мне жаль, что я доставила вам беспокойство. Очень-очень жаль. И, если вы сообразовываете вернуть мне мои письма и убраться отсюда под добрым покровом, я обещаю щедро отблагодарить вас. Надеюсь, это вас утешит.

Логан покачал головой. Она решила, что может его подкупить?

– Я никуда не уйду, детка. Можете оставить ваши жалкие монеты при себе.

– Тогда чего вы хотите?

– Неужели непонятно? Я хочу того, о чем ты писала в своих письмах. Хочу, чтобы осуществилось то, о чем ты годами рассказывала своей родне. Я – капитан Логан Маккензи, и я получил все твои депеши до последней, и, несмотря на все твои усилия меня убить, я, как видишь, жив-здоров.

Логан коснулся ее подбородка, заставляя посмотреть себе в глаза. Он должен был убедиться в том, что она его слышит и понимает, что он готов осуществить задуманное.

– Мэдлин Элоиза Грейсчерч, я пришел сюда, чтобы жениться на вас.

Глава 2

Тетя Тея села за стол напротив Мэдди. Пригубив чаю, она произнесла:
– Должна признаться, моя дорогая, этот день переполнен сюрпризами.

С этим не поспоришь. Мэдди опустила ложку в чашку со странным сероватым варевом, похожим на жидкую манную кашу с большим количеством комочков.

Недавняя встреча с капитаном Маккензи так потрясла Мэдди, что неаппетитный вид тетиного снадобья не вызывал у нее никаких эмоций, даже привычного отвращения.

Итак, Логан объявил, что пришел за ней. Он собрался жениться на ней.

И как она ему ответила? Категорическим и безоговорочным отказом? Отхлестала его словами так, как она отлично умеет? Навсегда отбила у него охоту вваливаться в дом английской леди со всякими гнусными предложениями? Если бы! Ничего подобного. У нее словно разом отшибло мозги. Она стояла как вкопанная и молчала, словно воды в рот набрала, и очнулась, лишь когда тетя вернулась с посетом.

«Я пришел, чтобы жениться на вас».

Все дело в ее проклятом воспитании. Любая девушка из приличной английской семьи вырастает с сознанием того, что эти слова, произнесенные джентльменом относительно приятной наружности и с честными намерениями, и есть то, к чему девушка должна стремиться с рождения. Всем им, и Мэдди в том числе, тысячи раз повторяли, что брак – это главная ее цель и главное предназначение. Собственно, она и вошла в этот мир с единственной целью: выйти замуж и стать продолжательницей рода. Как бы дико это ни звучало, услышав предложение руки и сердца, Мэдди почувствовала радость, словно хрустальные колокольчики зазвенели в ее голове и тоненький голосок запел: «Ну вот, ты, наконец, сдала экзамен. На тебе хотят жениться!»

К чести Мэдди, она сумела заставить этот голосок замолчать. Она категорически отказывалась считать полученное или неполученное предложение руки и сердце мерилем ее человеческой ценности. В любом случае это предложение вступить в брак, по сути, предложением не являлось. Оно являлось угрозой. Угрозой, полученной со стороны мужчины, которого нельзя считать джентльменом, намерения которого отнюдь нельзя назвать благородными, а что касается привлекательности...

Пожалуй, его наружность тоже не относилась к категории относительно приятной.

– Я и представить не могла, что такое возможно, – сказала Мэдди, продолжая машинально размешивать поссет. – Представить не могу, как такое произошло.

– Честно говоря, я и сама ошеломлена. Но это понятно: нечасто люди возвращаются с того света. – Тетя Тея подперла голову рукой и устремила взгляд в окно. – Какой мужчина! Только взгляни на него...

Мэдди последовала совету тети и устремила взгляд в окно. Капитан Маккензи о чем-то говорил со своими спутниками. Как оказалось, он явился в замок не пешком, а верхом, и не один, а в сопровождении целого, пусть и небольшого, конного отряда. Вся эта маленькая армия теперь расположилась лагерем во дворе замка. Видит бог, Мэдди уже чувствовала себя на осадном положении. Как она такое допустила? Ответ прост: точно так же, как она допустила все то, что этой осаде предшествовало.

В том, что происходило сейчас, была виновата только она сама.

Много лет назад она допустила ошибку. Будто слепила снежок вроде тех, что лепят дети зимой. Маленький комок, легко уместившийся в руку. А потом этот снежный комок укатился прочь от нее и, набирая скорость, помчался вниз с горы, делаясь все больше и больше. Одна ложь громоздилась на другую, и вскоре этот огромный ком лжи зажил своей жизнью, и Мэдди, когда-то слепившая тот маленький комок, уже не имела над этой лавиной никакой власти.

– Подумать только, кого сумела завлечь в свои сети моя маленькая Мэдди в нежном возрасте шестнадцати лет! А я-то была уверена, что ты ходишь на море ракушки собирать, – задумчиво протянула тетя Тея, вращая браслет на запястье. – Когда ты нам рассказывала о своем капитане, я, грешным делом, полагала, что ты сильно преувеличиваешь его достоинства. А теперь я вынуждена признать, что ты не отдавала ему должное. Будь я лет на тридцать моложе, я бы...

– Тетя Тея, пожалуйста...

– Теперь я понимаю, почему ты так противилась браку с кем-то другим. Сравнения с ним не выдержит ни один мужчина. Не мудрено, что ты навсегда отдала ему свое сердце. Я знаю, о чем говорю. Так же было со мной. Когда я повстречала графа Монтеклер, я... Ах, как часто мне вспоминается та весна в Версале. – Тетя Тея вздохнула. – Мэдди, ты не притронулась к поссету.

С сомнением уставившись в чашку с липкой, похожей на плохо размешанный клейстер, массой, Мэдди сказала:

- Пахнет как-то странно.
- Ничего странного там нет: горячее молоко с пивом, немного сахара, анис и гвоздика.
- Ты уверена? Никаких секретных ингредиентов?
- Ах да, совсем забыла. Я добавила всего лишь каплю фирменного эликсира доктора Харгривс. Для большей пользы. И еще щепотку специй для вкуса. Подкрепись, детка, до ужина еще далеко. Да, кстати, я сказала твоему капитану, что мы ждем его на ужин, и пусть приходит не один, а со своими товарищами.
- Тетя, разве ты не понимаешь: стоит один раз прикормить бродячих псов, и они уже никуда не уйдут. Стоит ли рисковать? И кухарке это точно не понравится.
- Они – солдаты, им не нужны кулинарные изыски. Хлеб, говядина, пудинг – этого достаточно. Если только, – и тут тетя взметнула бровь, – ты не желаешь попотчевать их крабами.
- Мэдди пришла в ужас от такого кощунства.
- Ты о Флаффи и Рексе? Как тебе такое могло прийти в голову?
- Я всего лишь хотела намекнуть, что пора тебе перестать подглядывать за крабами.
- Это не моя блажь! Тебе известно, что мистер Оркни заказал мне серию рисунков, иллюстрирующих жизненный цикл крабов. И совокупление всего лишь часть их жизненного цикла. А прожить они могут и лет двадцать, и больше.
- Кроме иллюстраций к жизнеописанию крабов, Мэдди занималась еще несколькими проектами, не очень престижными и не слишком хорошо оплачиваемыми. Но она надеялась, что с помощью лорда Варли ей удастся получить по-настоящему крупный заказ. Если удача будет на ее стороне, этот заказ даст Мэдди вожаделенную независимость, потому что сможет кормить ее до конца дней.
- Ты о себе не забывай. У тебя ведь тоже есть жизнь. Со своим, замечу, жизненным циклом. – Тетя Тея ласково взяла племянницу за руки.
- Раз уж твой капитан вернулся, надо бы побыстрее сыграть свадьбу. При условии, конечно, что ты все еще хочешь выйти за него замуж. Или ты передумала?
- Мэдди встретила с тетей глазами. Вот он – момент истины. Шанс вдребезги разбить гигантский ком лжи.
- «Если честно, тетя Тея, я не хочу выходить за него. Видишь ли, этот великолепный образчик мужественности вовсе не моя добыча. Я ни разу его не видела, вплоть до сегодняшнего дня. Никакого капитана Маккензи

не было. Я солгала. Да, это глупо, но я запаниковала и солгала, чтобы избавить себя от неизбежного и унижительного разочарования, какое только и ждало меня во время сезона. Я всех ввела в заблуждение, и мне очень жаль. И мне очень стыдно».

Мэдди прикусила губу.

– Тетя Тея, я...

– Ничего не отвечай, – сказала Тея и, резко встав из-за стола, направилась к буфету. – Для начала я хочу налить себе бренди. Сегодня у нас есть повод для праздника. Я понимаю, что праздник этот в первую очередь твой, ведь это твой возлюбленный вернулся домой. Но в определенном смысле этот праздник и мой тоже. Сколько мне пришлось выдержать сражений с твоим отцом, стремившимся вернуть тебя в лоно светской жизни, и в итоге победа оказалась на моей стороне. Я так за тебя рада. И за себя тоже. Десять лет моей жизни не прошли зря.

Тея вернулась за стол с бокалом бренди в руке. У Мэдди защемило сердце.

– Ты ведь знаешь, как я тебя люблю, тетя.

– Конечно, знаю. Меня нетрудно любить.

– Тогда, надеюсь, ты сможешь меня простить.

– Простить тебя? – Тея рассмеялась. – За что, моя девочка?

У Мэдди раскалывалась голова. Она стиснула ложку так, что побелели костяшки.

– За то, что я не могу выпить твой поссет, – сказала Мэдди и простодушно улыбнулась тете. – Я чувствую себя гораздо лучше. Можно я тоже выпью бренди?

Мэдди так и не смогла найти в себе силы признаться. К тому же было бы жестоко заставлять тетю Тею страдать. И если подумать о последствиях, то тяжелее всего придется именно тете Тее. Расплачиваться за ошибки своей племянницы будет ни в чем не повинная старушка. Дело в том, что у тети Теи совсем не было средств. Она жила на полном иждивении Мэдди. Но зато во всем остальном тетя Тея была для Мэдди надежной опорой. Правда слишком больно ударила бы по ним обеим.

Из этого следовало, что Мэдди самой предстояло справляться с проблемой.

Очень большой и грозной проблемой.

Спутники Логана в тревоге ждали вестей.

– Ну как? – спросил Каллум, едва Логан вышел из замка. Судя по лицам его солдат, на добрые вести никто не рассчитывал.

– Все прошло, как я и ожидал, – ответил Логан. На самом деле по некоторым параметрам все прошло даже лучше. Логан был готов увидеть женщину, обезображенную оспой или заячьей губой. В лучшем случае его бы встретила заурядная дурнушка. Иначе для чего бы англичанке благородного происхождения придумывать себе возлюбленного?

Но Мэдлин на вид оказалась очень даже привлекательной особой. Конечно, у нее могли быть скрытые недостатки, которые сразу не заметишь, но одно ясно – дурнушкой она никак не была.

Хорошенькая маленькая лгунья.

Логан пока не решил, стоит ли радоваться этому обстоятельству или наоборот.

– Если все прошло так хорошо, то почему ты сейчас здесь, с нами, а не там, с ней? – резонно поинтересовался Рабби.

– Она была уверена в том, что меня нет в живых, – сказал Логан. – Я даю ей время на то, чтобы прийти в себя от шока.

– Тебе повезло уже в том, что ты застал ее живой и здоровой, – заметил Каллум. – Я не могу похвастать такой удачей.

К ним подошел Монро, полевой хирург.

– От твоей девушки по-прежнему никаких вестей, Каллум? – спросил Монро.

Каллум пожал плечами.

– Никаких вестей. Мой дядя в Глазго проверил все записи о пассажирах того корабля, что отправлялся в Новую Шотландию. Мисс Мэри Айлен Фрейзер в списках нет.

– Так это же хорошо, – сказал Монро. – Значит, она все еще здесь, в Шотландии.

Круглолицый солдат покачал головой.

– Я сказал, что в списках не было мисс Мэри Айлен Фрейзер. Зато там была миссис Мэри Айлен Мактавиш. Так-то вот она меня ждала.

Хирург, который был на несколько лет старше Каллума, похлопал парня по плечу.

– Сочувствую, парень, но не стоит убиваться. Если она тебя не дождалась, то и жалеть о ней нечего – она не заслуживает твоей любви.

– Мне не в чем ее винить, – сказал Каллум, ударив себя в грудь кулечей левой руки. Монро не смог спасти парню руку. – Кому я такой нужен?

– Поверь мне, у девчонок ты будешь нарасхват, – икнув, сказал Файф, – стоит только захотеть.

Логан достал из сумки флягу с виски и передал Каллуму. Он никогда не умел подобрать нужных слов для сочувствия, но зато всегда был готов

угостить всех виски. Когда полк, в котором служил Логан, высадился в Дувре прошлым летом, их встречали как героев. Но чем дальше на север, чем ближе к родной Шотландии, тем меньше оставалось у этих солдат иллюзий. Они сделали свое дело и больше никому не были нужны. Кучка неприкаянных калек, покинутых возлюбленными, согнанных с земли их предков вероломными англичанами. Теми самыми английскими лордами, что позвали их воевать с общим, как тогда казалось, врагом. И Логан, их боевой командир, ничего не мог сделать, чтобы хоть как-то скрасить безрадостное возвращение солдат домой. Не мог до сегодняшнего дня.

Теперь он заберет то, что ему причитается, и отдаст достойным.

Нескладный великан, стоявший поодаль, вдруг вздрогнул.

– Так что это за место? Где мы?

– Полегче, Грант.

Грант был самым жалким калек в этой компании. В битве при Катр-Бра Гранта сильно контузило, и с тех пор его память хранила лишь события текущего часа. Впрочем, о том, что было до контузии, он помнил прекрасно, но все, что было потом, не удерживалось в памяти.

– Мы в замке Ленер, – объяснил ему Монро. Логан всегда восхищался терпением полевого хирурга. – Война закончилась. Мы дома, в Шотландии.

– Дома? Как славно.

Ни у кого не хватило бы духу оспорить это заявление.

– Скажи, капитан, скоро ли мы отправимся в Росшир? Мне не терпится увидеть свою бабушку и малышей.

Логан нехотя кивнул.

– Завтра туда и отправимся, если хочешь.

Разумеется, ни в какой Росшир они не пойдут, да только ведь Грант все равно ничего не вспомнит. Бабушка его давно почилла от старости, а дети скончались от тифа. Их маленький домик выгорел дотла. Ничего у него не осталось: ни семьи, ни дома.

– Завтра так завтра, – миролюбиво согласился Грант и, помолчав немного, захихикал себе под нос. – Я вам рассказывал шутку про свинью, шлюху и волюнку?

Ответом ему был дружный стон.

Логан взглядом приказал своим бойцам молчать. В свое время Грант один удерживал целый взвод лягушатников, дав возможность товарищам отступить. Он спас им жизнь, и в благодарность они могли бы, по крайней мере, не поморщившись, выслушать непристойную шутку еще раз.

– Я всегда готов послушать хорошую шутку, приятель, – сказал Логан.

Рассказ у Гранта получился долгим, с бесконечными запинками и повторами: не раз ему приходилось начинать все сначала – непросто собраться с мыслями тому, у кого память как решето. Когда, наконец, Грант дополз до финала, слушатели хором вторили ему скучающим тоном:

– Верещи громче, детка. Верещи громче.

Грант один смеялся от души и, хлопнув Логана по плечу, добавил:

– Отличная шутка, верно? Жду не дождусь, когда вернусь домой и расскажу ее своим.

«Ты уже вернулся домой. Другого дома у тебя нет и не будет», – подумал Логан.

– Приказываю всем разойтись, – громко скомандовал Логан. – Пусть каждый выберет участок, на котором построит себе дом.

– Никто не позволит нам здесь поселиться, – сказал Рабби. – Ты что, не понимаешь? Прошло больше восьми лет с тех пор, как ты поцеловал ее на прощание. Теперь эти земли в руках англичан. У твоей любимой есть отец или брат, и они уж точно не дадут нам тут пустить корни. Не успеем оглянуться, как окажемся на каторжном корабле по дороге в Австралию.

Каллум неловко переминался с ноги на ногу.

– Может, нам стоит дождаться, пока она выйдет за тебя замуж, капитан.

Логан расправил плечи.

– На этот счет вам не о чем беспокоиться. Она сегодня же вечером станет моей женой.

Глава 3

Мэдди умылась, глотнула бренди и, исполнившись решимостью, отправилась «на бой» с капитаном Маккензи.

Ей даже из дому выходить не пришлось: они столкнулись в дверях. Капитан сам за ней пришел.

Он медленно окинул ее взглядом с головы до пят, отчего по телу Мэдди почему-то побежали мурашки.

– Вы неважно выглядите, сердце мое. Думаю, глоток свежего воздуха вам не повредит. Давайте прогуляемся. Только вы и я – без посторонних.

– Хорошо, – согласилась Мэдди, пожалев о том, что не предложила ему прогуляться сама. Он перехватил инициативу, и это было дурным знаком. Мэдди предпочла бы полностью контролировать ситуацию, что являлось очень непростой задачей с учетом того, что ей пришлось иметь дело с чрезвычайно сильным во всех смыслах соперником.

Мэдди с трудом успевала за ним: шаг у Логана был широким, он двигался легко и быстро. День выдался на редкость погожим: удивительно теплым для апреля и солнечным. Синее небо отражалось в синих водах озера, одно ярче другого.

– Славный денек для прогулок у воды, – заметил капитан. – Совсем как в прежние времена в Брайтоне.

– Можете себя не затруднять насмешками. Я вполне отдаю себе отчет в том, что в шестнадцать лет мне не хватало ума. Но с тех пор много воды утекло. Я повзрослела и поумнела. Сейчас перед вами вполне зрелая женщина.

– В самом деле?

– Да. Я – взрослая женщина. Независимая. Самостоятельная. Мне по силам справиться и с хозяйством и с прочими проблемами. Так что давайте говорить начистоту.

Мэдди и Логан остановились у озера на поросшем густой травой зеленом мысе, напоминающем изуродованный подагрой указательный палец.

Какой же он все-таки высокий! Мэдди обнаружила, что может смотреть ему в глаза, только если запрокинет голову. Чтобы сравняться с ним, она забралась на широкий плоский валун, кстати оказавшийся поблизости.

Но в этой позиции обнаружились свои недостатки: у него оказались

на редкость красивые глаза, и черты лица отличались особой выразительностью.

Мэдди напомнила себе, что не должна подпадать под влияние его внешней привлекательности. Жизнь – не сказка, в которой сбываются самые заветные мечты, когда никакой надежды на их осуществление уже не осталось. Этот мужчина ничего не имеет общего с тем героическим капитаном Маккензи, которого она себе придумала. Разве что имя у них общее.

И этот капитан Маккензи отнюдь в нее не влюблен.

Этому капитану нужна не она, а что-то от нее. Но что именно? Возможно, если ей удастся это выяснить, она сможет убедить его оставить ее в покое.

– Вы сказали, что вам не нужны деньги. А что вам нужно?

– Вот это, детка, – сказал он и широко обвел рукой вокруг себя. – Замок. Земля. И я готов на все, чтобы получить то, ради чего я пришел. Даже на то, чтобы жениться на вероломной английской лгунье.

Наконец, Мэдди услышала то, во что готова была поверить.

И услышанное повергло ее в ужас.

– Вы не можете заставить меня выйти за вас.

– А мне и не придется вас заставлять. Вы сами с радостью за меня пойдете. Как вы сказали, сейчас вы – независимая женщина. Но если вот эти письма, – и Логан похлопал себя по нагрудному карману, из которого торчал пожелтевший листок, – попадут куда следует...

Он прочистил горло и начал читать:

– «Мой дорогой капитан, моя прихоть, моя причуда!

Сегодня утром к нам заглянула эта мерзкая особа: мисс Прайс. Лавиния постоянно требует от меня новых историй о нашем с вами романе, мой несуществующий друг. Сегодня она спросила, целовались ли мы, и я сказала, что, конечно, мы целовались. А затем, разумеется, ей понадобилось меня спросить, на что похож поцелуй».

По мере того как он читал, лицо Мэдди все гуще заливала краска стыда.

– Прошу вас, остановитесь. С меня довольно.

Логан, как ни в чем не бывало, продолжал читать.

– «Мне бы дать ей какой-то обтекаемый ответ, мол, поцелуй – это довольно приятно или мило, а еще лучше – вообще ничего не ответить. Но...»

– Капитан Маккензи, прошу вас, замолчите.

– «...Но с губ моих отчего-то сорвалось это глупое, хвастливое слово.

Даже не знаю, откуда оно взялось. Но, как говорится, слово не воробей. О, мой капитан, я сказала мисс Прайс, что наш поцелуй был...»

Мэдди потянулась за письмом, и Логан поднял руку так, что ей было не дотянуться. Ее попытка вызвала у него смешок, Мэдди готова была провалиться сквозь землю.

– «Я сказала мисс Прайс, что наш поцелуй был похож на пожар», – закончил Логан.

О боже.

Он сложил листок и вернул его в нагрудный карман.

– Занимательный опус, вы не находите? Но это ведь только начало. Вам отчего-то понравилось писать о личном. Об очень личном. Вы ведь помните?

Да. Она помнила.

Для юной Мэдди эти письма были чем-то вроде дневника, в котором она писала о том, о чем не осмеливалась сказать вслух. Все недовольства, все капризы девочки-подростка находили пристанище в этих письмах. В них она позволяла себе рассуждать о предметах, о которых имела весьма смутное представление, таких, как любовь между мужчиной и женщиной. Она отправляла эти письма капитану Маккензи именно потому, что не хотела, чтобы кто-нибудь их прочел.

А он угрожал ей тем, что отдаст эти письма на прочтение всем желающим!

У Мэдди свело живот от отчаяния и страха.

– Что, если я откажусь выйти за вас? – спросила она.

– Тогда я, пожалуй, перешлю ваши письма кому следует. Тому, кого они очень и очень заинтересуют.

Мэдди болезненно поморщилась.

– Полагаю, вы имеете в виду моего отца.

– Нет. Я, вообще-то, собирался передать ваши письма в редакцию какой-нибудь лондонской газетенки, которая кормится скандалами. Хотя почему бы мне не обратиться сразу в оба места? Посмотрим, кто предложит мне больше денег.

– Невероятное бессердечие.

Логан усмехнулся и, достав сложенное вчетверо письмо из нагрудного кармана, провел уголком по щеке Мэдлин.

– Вы еще даже не догадываетесь, на что я способен, сердце мое. Поверьте мне, я совсем не тот, о ком вы мечтали, и я гораздо хуже, чем вы можете вообразить.

В это Мэдди как раз легко верилось.

А она еще думала, что ей повезло! Удача насмехалась над ней, не иначе, все эти годы. Если письма станут достоянием гласности, унижения Мэдди не избежать, но она бы это пережила. Увы, в ее случае все обстояло куда серьезнее. Над глупцами смеются, а вот обманщиков ненавидят. Возможно, ее обман не был таким уж масштабным, и опасаться того, что ее возненавидит вся Англия, не стоило, но со стороны членов семьи, чьего сочувствия она добилась обманом, и со стороны приятельниц ее возраста, которым она дала немало поводов для зависти, не стоило ждать теплого отношения.

Подумать только, она и замок получила в собственность благодаря обману.

Все знакомые и незнакомые узнают о ее обмане, и разразится скандал. Ее родственникам еще годы придется отмываться от сплетен. И самое важное, кто станет заказывать научные иллюстрации лживой девице? И что тогда? Останется она одна-одинешенька, без гроша в кармане.

Мэдди охватила паника.

— Давайте все обсудим рационально, — сказала она. — Вы шантажируете меня письмами, которые я писала, когда мне было шестнадцать лет. Разве вы не совершали никаких глупостей в свои шестнадцать?

— Еще как совершал.

— Прекрасно, — с энтузиазмом сказала Мэдди. Кажется, у нее появился шанс вызвать в нем сочувствие. Капитан не может не согласиться с тем, что нельзя заставлять человека всю оставшуюся жизнь расплачиваться за ошибки молодости. — И какие именно глупости вы совершили?

— Я записался в армию, — сказал Маккензи. — И вот уже больше десяти лет я расплачиваюсь за свою глупость и все никак не могу расплатиться. И я еще дешево отделался. Большинство моих друзей заплатили жизнью за свой неудачный выбор.

Мэдди прикусила губу.

— Пожалуйста, постарайтесь понять. Если вы читали мои письма, то вы знаете, что я не получаю удовольствия от того, что лгу. Просто я утратила контроль над ситуацией. Сколько раз я жалела о своих словах.

— И вы бы перестали лгать, будь у вас возможность?

— Конечно. Не раздумывая.

Мэдди показалось, что ее готовность отказаться от придуманного возлюбленного задела капитана Маккензи, но, возможно, ей это только показалось. Воображение у нее работало отлично, особенно в том, что касалось мужчин в килтах.

– Если вы хотите поставить точку в этой истории, – сказал Маккензи, – вам придется выйти за меня замуж.

– Не понимаю, какая тут связь.

– Сами подумайте. Вы писали письма своему шотландскому жениху. Я их получал. Это же голые факты, верно?

– Допустим.

– Как только вы выйдете за меня замуж, ложь испарится. Все будет выглядеть так, словно вы все эти годы говорили правду.

– Если не считать одной малости: мы друг друга не любим.

Логан пожал плечами.

– Это и в самом деле несущественное обстоятельство. Любовь – всего лишь сказка, которую мы сами себе придумали.

Мэдди хотела возразить, но не была уверена в том, что ее аргументы прозвучат убедительно. В конце концов, личного опыта у нее было маловато. К тому же, как ни странно, капитану Маккензи удалось ее заинтересовать.

– Так что конкретно вы предлагаете?

– Я предлагаю ничего не усложнять. У каждого из нас есть свои причины для вступления в брак. Я женюсь на вас для того, чтобы получить во владение вашу собственность. Вы выйдете за меня для того, чтобы получить назад свои письма.

– Как насчет... – Мэдди стыдливо потупила взгляд. – Ну, вы знаете.

– Не представляю, о чем вы.

Да все он прекрасно понимал, негодяй. Просто не мог не воспользоваться случаем позабавиться за ее счет.

– Как насчет супружеских обязанностей? – с трудом выдавила Мэдди.

– То есть вы хотите знать, буду ли я принуждать вас к соитию? – Логан приподнял бровь. – Брак должен быть консумирован. Но я не хочу иметь детей.

– О, я тоже не заинтересована в том, чтобы иметь детей.

Мэдди покривила душой. Она любила детей, особенно совсем маленьких.

Но по ряду причин давно оставила мысль о материнстве. Так что, отказ от надежды завести собственных детей не был бы для нее слишком большой жертвой.

– Получается, речь идет об одной-единственной ночи? – спросила Мэдди. – И никаких там нежных чувств?

Логан кивнул.

– Нам придется пожить вместе всего несколько месяцев. Ровно

столько, сколько будет мне нужно, чтобы во мне признали собственника земли. Я построю несколько коттеджей для арендаторов, заложу основу будущего урожая. А потом делайте, что хотите.

– То есть вы предлагаете мне уехать отсюда? И что прикажете сказать моей семье?

– Что мы, как и многие другие пары, которые поспешили связать себя браком, поняли, что не подходим друг другу и хотим жить отдельно.

– Действительно, – согласилась Мэдди, – так нередко случается. И в нашем случае даже лгать не придется.

Голова ее шла кругом.

Вначале сама мысль о браке с этим невесть откуда свалившимся на нее шотландцем казалась нелепой, но, что, если судьба таким образом дает ей шанс избавиться от чувства вины за свою ложь? В словах капитана был свой резон.

Подумать только, впервые за много лет она сможет приехать к родным и не чувствовать себя обманщицей! Ложь опутала ее ядовитой паутиной, мешала жить и заводить подруг из страха разоблачения. И одиночество все больше тяготило Мэдди.

Даже если навещать родственников не захочется, она сможет спокойно работать здесь, в замке. Капитан Маккензи не станет ей докучать: у него хватит своих забот с землей. Всего-то и надо – это один раз разделить с ним постель.

Мэдди украдкой взглянула на торчащие из-под килта волосатые ноги.

Может, не так все будет и страшно. По крайней мере, она сумеет удовлетворить свое любопытство. Каждый день она наблюдала за крабами, терпеливо ожидая развития событий. Изучая брачные игры крабов, она не могла не задумываться о том, в чем эти игры схожи и в чем разнятся с любовными ритуалами у людей.

– Итак, детка, какой будет твой выбор: ты выйдешь за меня замуж или вынудишь меня передать письма заинтересованным лицам?

Мэдди на мгновение закрыла глаза.

– Вы обещаете мне, что никто никогда не узнает правду?

– Клянусь, что от меня правду не узнает никто.

– И вы не станете препятствовать тому, чтобы я занималась тем, что меня интересует?

Логан кивнул.

– У вас своя жизнь, у меня своя.

У Мэдди кружилась голова, словно она стояла на краю пропасти. Она сделала глубокий вдох, собралась с духом и...

– Хорошо, я принимаю ваше предложение. Мы сможем пожениться так скоро, как позволяют приличия.

Логан рассмеялся.

– О каких приличиях речь, детка? Мы в Шотландии. Здесь между помолвкой и свадьбой проходят часы, а не месяцы.

– Но вы обещали, что никто не узнает правды. Что означает, что вы меня любите, а для своей любимой женщины вы хотите такую свадьбу, чтобы она запомнилась надолго. А для подготовки такой свадьбы нужно время.

Логан сократил дистанцию.

– Детка, если бы я и в самом деле был твоим капитаном Маккензи, который все эти годы на войне мечтал об одном: поскорее встретиться со своей ненаглядной, той, которую люблю больше жизни... – Он погладил ее по волосам. – Я бы не стал ждать даже дня.

Мэдди с трудом сглотнула вязкую слюну.

– Правда?

– Правда. Я бы уже час назад это сделал.

Логан склонил голову набок, и взгляд его упал на ее губы. И затем его губы проделали нечто очень странное: они стали к ней приближаться.

Не может быть, чтобы он...

О боже, может, он собирается ее поцеловать?

– Подождите. – Мэдди, запаниковав, уперлась обеими ладонями ему в грудь. – Ваши солдаты, мои слуги... Они, возможно, смотрят на нас.

– Конечно, смотрят. Поэтому мы и должны поцеловаться.

– Но я не знаю, как это делается. Вы знаете, что я не умею целоваться.

Губы его тронула едва заметная усмешка.

– Зато я знаю.

Эти три слова, произнесенные раскатистым басом, несколько не успокоили Мэдди.

Но Логан, слава богу, не стал ее целовать. Склонив голову набок, он смотрел на ее волосы так, словно находил в ее прическе что-то удивительное и занятное. Так мог бы мальчишка смотреть на часовой механизм, гадая о том, как тот работает. И вдруг капитан вытащил карандаш, который служил ей вместо заколки, и выбросил в озеро.

Мэдди услышала негромкий всплеск и оглянулась.

И тут же Логан обхватил ее голову руками, пропуская сквозь пальцы темные шелковистые пряди волос. Нежно, именно так, как сделал бы ее капитан Маккензи. По телу Мэдди побежали мурашки.

– Это был мой лучший карандаш, – сказала она.

– Подумаешь, карандаш.
– У меня таких только два. Мне прислали его из Лондона. Здесь их не купишь.

Маккензи нежно погладил ее по щеке.

– Он чуть не выколол мне глаз. А у меня их тоже только два. И распущенные волосы вам идут больше, чем тот странный кукиш на голове.

– Но, – хотела было возразить Мэдди, но передумала и лишь тихо вздохнула.

Логан обхватил ладонями ее лицо.

В ушах стоял гул. Мэдди уставилась на его губы.

– Мне это не снится, да? – прошептала она, и в тот же момент капитан прижался губами к ее губам.

Мэдди замерла. Отчего-то она думала, что инстинкт подскажет ей, что делать дальше, но чуда не произошло.

Возможно, если она целиком сосредоточится на процессе, ее постыдная неосведомленность не будет так очевидна. Возможно, Маккензи мог бы научить ее целоваться примерно так же, как небо учит озеро быть голубым.

Глупо было так рисковать. Он слишком рано решился на поцелуй. Логан понял это, едва его губы коснулись ее губ, и она словно одеревенела. Вот черт, если этот шаг оказался неверным, он отпугнул ее и со всеми его планами пора прощаться.

Впрочем, еще не все потеряно. Уж он постарается сделать так, чтобы этот поцелуй ей понравился.

– Ну, будет тебе, сердце мое. Полегче.

Маккензи был терпелив и нежен настолько, насколько может быть терпелив и нежен мужчина его конституции. И старания принесли плоды: Мэдди откликнулась на его нежность. Очень робко она провела губами по его губам, и, вместо того чтобы оттолкнуть его, как она собиралась, упершись ладонями ему в грудь, Мэдди теперь тянула его на себя, вцепившись в лацканы мундира. Губы ее разжались, и он быстро просунул между ними язык. Она тихо вздохнула, и Логан понял, что все делает правильно. Не торопясь, он исследовал недра ее рта языком, и терпение его было вознаграждено, когда она легко коснулась языком его языка. И тогда у него едва не подкосились ноги.

«Да! Вот это дело!»

Теперь маленькая кокетка имела кое о чем представление. Когда он наступал, она отступала; когда он брал, она отдавала. И наоборот.

Логан мог бы часами стоять у этого озера с зеркальной гладью вод и

целовать ее. Он мог бы провести тут дни и месяцы, не прерывая своего приятного занятия, не замечая смены времен года. В ней было что-то особенное, какой-то особый вкус. Пряный, сладковатый, теплый. Вкус, заставлявший его желать вновь и вновь лакомиться им, вкус, пробуждающий желание.

Как бы там ни было, он не хотел напугать Мэдди слишком напористым натиском и потому заставил себя оторваться от ее губ. Логан забыл, что она стояла на камне, приподнявшись на цыпочки, и, когда он отпустил девушку, она едва не упала, качнувшись ему навстречу. И он поддержал ее, не дав упасть. Логан не думал, что делает, он вообще ни о чем не думал. Он лишь почувствовал телом ее тело: такое женственно-мягкое, такое теплое, такое живое под предательским траурным нарядом.

И тут Мэдди подняла на него глаза: большие карие глаза, словно у робкой косули. Губы ее покраснелись, припухли и все еще были чуть приоткрыты.

«Святые угодники! У него и правда подкосились колени!»

Логан не лгал ей, когда говорил, что не верит в любовь, что ему от нее нужна лишь эта земля. Любовь – людская выдумка, но похоть – это не выдумка. И то, что он сейчас чувствовал, имело название – похоть. Он хотел Мэдди. Ее, а не ее землю или замок. По крайней мере, в эту самую минуту. Должно быть, это из-за того, что у него давно не было женщины.

Конечно, все дело в этом. Мэдлин даже не была в его вкусе. Будь у Логана выбор, он предпочел бы бойкую шотландскую девчонку со светлыми волосами и озорным блеском в глазах. И уж точно он и не посмотрел бы в сторону стыдливой англичанки, которая ни разу в жизни не целовалась. Хотя за внешней сдержанностью и стеснительностью скрывалась природная чувственность, которую сложно спрятать. Он не мог не задуматься о том, какой Мэдди может быть в постели, когда скинуты все покровы и отброшены все правила благопристойности.

Проклятие. Он опять думал о ней. Гадал о том, какая она.

Логан устал от этого. Слишком долго эта женщина занимала все его мысли. День за днем, ночь за ночью. Год за годом. Она стала его наваждением. Он должен был отыскать ее, увидеть ее, познать ее. Услышать, как она стонет от наслаждения. Хотя бы раз. Когда не остается вопросов, нет и необходимости получить ответ. Она перестанет его интриговать, и наваждение закончится.

Логан опустил ее с камня на землю.

– Капитан Маккензи, – чуть хриплым голосом сказала Мэдди, но он ее перебил:

– Логан. Думаю, теперь вам следует называть меня по имени. Так будет лучше.

– Пожалуй, вы правы, Логан.

– Так что вы хотели сказать?

Мэдди покачала головой.

– Я уже не помню.

Логан решил, что ее забывчивость – хороший знак.

– Пожалуй, я пойду. Надо мне почистить перышки и собрать своих людей, – сказал он. – И вы можете начинать готовиться к церемонии.

– Думаю, что недели мне хватит, – сказала Мэдди, – хотя я бы предпочла получить в свое распоряжение пару недель.

Логан покачал головой.

– Я не буду ждать неделю.

– Ладно, дайте мне хотя бы дня три. Я... У меня нет подходящего платья.

– Мне безразлично, какого цвета будет твое платье, детка. Какая разница, что снимать?

Мэдди молча уставилась на него.

Логан понимал, что не может медлить, потому что, давая ей время на раздумья, он рискует проиграть эту битву. Что, если она решит вообще ничего не предпринимать, пока он не перейдет от угроз к действиям. Логан скосил взгляд на горизонт. Вот-вот зайдет солнце.

– У вас есть три часа. Мы поженимся сегодня вечером.

Глава 4

Мэдди всегда отличалась от прочих девочек, и она всегда об этом знала. К примеру, она была уверена, что ни одна другая невеста не составила бы такой список неотложных дел накануне собственной свадьбы:

- 1) принять ванну;
- 2) причесаться;
- 3) одеться;
- 4) не забыть про крабов.

Через три часа, вымытая, причесанная и одетая, Мэдди стояла у аквариума и, как ни печально для нее, Мэдди, и для него, Рекса, Флаффи не подавала никаких признаков приближающейся линьки.

Простившись с крабами, Мэдди перешла на галерею, откуда могла наблюдать за приготовлениями к собственной свадьбе, которая должна состояться в полном соответствии с традициями Шотландского нагорья – родины ее жениха.

Никаких особых декораций не было. Цветы еще не расцвели, на приобретение лент и прочих украшений не было времени, как не было времени ни для чего другого.

К вечеру погода резко переменилась, что вполне типично для весны, и сейчас за стенами замка бушевала буря. Дождь лил как из ведра, гремел гром и сверкали молнии.

В большом зале повсюду горели свечи. Из-за неизбежных при таком ветре сквозняков язычки пламени метались, отбрасывая на стены зловещие тени.

Слуги Мэдди выстроились вдоль одной из стен, а напротив – люди Маккензи. Все ждали невесту.

А ей больше всего хотелось остаться там, где она была. Или, еще лучше, забраться под камень и спрятаться там вместе с Флаффи.

– Готова, детка?

Мэдди подпрыгнула от неожиданности. Логан успел подняться на галерею по другой, служебной лестнице. Мэдди не услышала, как он поднимался. Логан застал ее врасплох. И дело не только в его умении ступать неслышно. Вымытый, выбритый, причесанный, он выглядел потрясающе. Кто-то успел вычистить его красный мундир и до блеска начистить оловянные пуговицы. Золотой позумент сиял. Мэдди

чувствовала себя серой мышкой рядом с ним. Бекки немало потрудились над ее прической, но платье на ней было серое и старое – других просто не было; вот уже несколько лет как Мэдди не заказывала себе ничего из одежды. Зачем напрасно тратиться? Она никуда не выезжает и никого у себя не принимает. К собственной свадьбе она совершенно не была готова.

– Я не готова к этому, – сказала Мэдди.

Логан окинул ее быстрым взглядом.

– По мне так вы вполне готовы.

Едва ли это были те слова, которые мечтает услышать невеста в день своей свадьбы.

Мэдди окинула взглядом однополчан своего жениха.

– Что, по мнению ваших людей, сейчас происходит?

– Наша свадьба, что же еще?

– Так значит, они знают о письмах?

– Да, они знают, что я их получал. Но они никогда их не читали.

Мэдди хотелось верить в то, что он говорит правду, но отчего-то ей в это не верилось. У солдат на войне развлечений мало, а тут такой случай посмеяться над англичанкой со слишком богатым воображением и полным отсутствием личной жизни! Зачем бы Логан стал прятать письма от сослуживцев? Куда легче верилось в то, что он пускал их по кругу, когда они грелись у костра промозглыми вечерами.

– Тут так много людей, – сказала Мэдди. Она очень не любила находиться там, где былолюдно. В толпе ее охватывала паника. – Из моих писем вам, должно быть, известно, что я стараюсь избегать людных мест и такого рода собраний. Моя застенчивость и была причиной того, что я вас придумала.

– Детка, ты меня не придумала.

– Вы правы, я придумала не вас. Я придумала человека, способного понимать и сочувствовать. – Мэдди обхватила себя руками. Похоже, на такое никто, кроме ее вымышленного возлюбленного, не способен. – Вы никогда не слышали выражения «болезненно застенчивая»? Внимание множества людей к моей персоне для меня все равно, что ледяной ветер в разгар зимы. Вначале все тело мое покрывается мурашками, затем оно немеет, и я застываю.

Логан обхватил ее за плечи и развернул лицом к залу и спиной к себе, затем обнял так, чтобы она почувствовала в нем опору. Подбородок его был на уровне ее виска. Как ни странно, Мэдди почувствовала себя комфортнее.

– Смотрите, – сказал Логан и указал на ближайшего к ним солдата. – Это Каллум. Он потерял руку. А рядом с ним – Рабби, у него в ноге полно

шрапнели. Следующий – Файф. Он каждую ночь будит всех криком, а Монро, тот, что рядом с Файфом, почти не спит. И, наконец, Грант. Тот вообще ничего не помнит из того, что случилось после боя при Катр-Бра. Так что, все мы тут со своими тараканами.

Мэдди изогнула шею, пытаясь заглянуть ему в лицо.

– А у вас какие тараканы? Что за груз лежит у вас на душе?

– Груз долга, – еле слышно ответил Маккензи. – Я вел этих людей в бой. Я вел их в бой усталых, замерзших, трясущихся от страха. Я заставлял их идти на смерть. Я обещал им, что они доживут до того дня, когда вернутся домой и увидят своих жен, своих возлюбленных, своих детей, свою землю. И вот, они вернулись домой, а там – пустота.

Мэдди всем телом чувствовала его ярость.

– Сегодня, сейчас, – сказал он, – я верну им будущее.

– Так вот для чего вам нужна эта земля? Для них?

Логан скупно кивнул.

– И я не останавлиюсь ни перед чем, чтобы вернуть им надежду на счастье. Ложь, шантаж, воровство – все сгодится. Так что, если понадобится, я просто закину тебя к себе на плечо, сердце мое, словно мешок с овсом, и снесу вниз.

– В этом нет необходимости.

Логан галантно протянул ей руку. Оттягивать неизбежное не было смысла. Мэдди чувствовала устремленные на нее взгляды и ежилась, как от ледяного ветра. Впрочем, сегодня с ней рядом был отважный горец, способный защитить ее и отогреть.

Тетя Тея приободрила Мэдди улыбкой, когда та проходила мимо.

И это тоже помощь.

Логан вывел ее на середину зала. По дороге он представил ее своим товарищам. Каждый из солдат поклонился ей. Суровые, без тени улыбки, лица воинов, мечущиеся по стенам тени от колеблемых ветром язычков пламени множества свечей – все это было словно из другого мира, из прежних, темных веков. Вот так в мрачном Средневековье вождь клана представлял свою жену вассалам, и те клялись ей в верности. Мэдди грело душу уже то, что капитаном руководила не одна лишь жадность. Пусть к ней он не питал никаких нежных чувств, но, по крайней мере, ему не чуждо было чувство долга, и своим боевым товарищам он был всецело предан.

– Вот Грант, – сказал Логан, когда они подошли к очень крупному нескладному мужчине, стоявшему последним в шеренге. – Вам предстоит с ним знакомиться не один раз.

– Это что такое, капитан? – тревожно оглядываясь, спросил великан, потирая ладонью бритую голову. – Где мы сейчас?

Логан положил Гранту руку на плечо.

– Расслабься. Мы вернулись в Шотландию, сердце мое. Война закончена, и мы сейчас в замке Ленер в окрестностях Инвернесса.

Великан посмотрел на Мэдди. Похоже, ему с трудом удалось сфокусировать на ней взгляд.

– Кто эта девушка?

Мэдди протянула ему руку.

– Меня зовут Мэдлин.

– Это твоя любимая? – спросил у Логана Грант. – Та, что присылала тебе все те письма?

Логан кивнул.

– Я женюсь на ней. Прямо сейчас.

– Правда? – Грант смотрел на нее несколько секунд, а потом тихо засмеялся и пихнул Логана локтем в бок. – Ты счастливчик, капитан.

И в этот момент Мэдди поняла, что рядовой Мэлком Алан Грант навсегда завоевал ее самую глубокую симпатию.

От слов Гранта она почувствовала себя хорошенькой в день собственной свадьбы. Она была благодарна ему за это и останется благодарна на всю оставшуюся жизнь.

– Скажи, капитан, а скоро мы сможем отправиться в Росшир? – спросил Грант. – Хочу повидать своих малышей и бабушку.

– Завтра, – сказал Логан. – Мы отправимся завтра.

– Вот и отлично.

Уладив вопрос, Логан развернул свою невесту и вновь повел ее на середину зала.

– Пора покончить с формальностями, – сказал он.

– И кто будет проводить церемонию?

– Монро. Священник нам не нужен. Колец все равно нет, так что и благословлять нечего. В Шотландских горах издревле сочетались браком вот так, без лишних формальностей. Простое обручение.

– Обручение? Я думала, обручение лишь временный союз, который длится один год и один день.

– Откуда вы почерпнули эти сведения? Из романов? Когда-то в старину так, возможно, и было, но церковь положила конец временным союзам. Но женихи и невесты продолжают обмениваться клятвами на старинный манер. Вот так, – сказал Логан и, сомкнув пальцы левой руки вокруг ее левого запястья, правой рукой обхватил ее предплечье. – А теперь

и вы сделайте то же, что и я.

Мэдди сделала, как он велел, хотя сомкнуть пальцы вокруг его предплечья ей, конечно, не удалось. Все это напоминало какую-то детскую игру, словно они соорудили колыбельку для кота.

Логан кивнул Монро, и тот, выступив из шеренги, подошел к ним с пледом в руках и обмотал ткань вокруг их сомкнутых рук.

Сердце ее забило чаще, и дыхание тоже участилось. Перед глазами поплыл туман. Должно быть, Логан понял, что с ней что-то не так, потому что он сильнее стиснул ее запястье.

– Мы не могли сделать это наедине?

– Увы, брак не действителен без свидетелей, детка.

– Я понимаю, но зачем так много людей? Просто...

Мэдди не смогла закончить мысль. Немота сковала горло, как это уже не раз бывало прежде. Холод настиг ее, как бы хорошо она ни пряталась, и лед сковал панцирем от макушки до пяток, лишил голоса, не давал пошевелиться. Кровь гудела в ушах, время остановилось.

– Посмотри на меня, – приказал Логан.

Мэдди с трудом повернула голову и подчинилась. Он смотрел ей прямо в глаза.

– Не думай ни о ком. Сейчас здесь только я и ты.

И тогда случилось чудо. Страх отступил, и буря за стенами замка, неровное пламя множества свечей, символизм старинного обряда заставили Мэдди почувствовать себя частью какого-то особенного мистического ритуала, таинственного и романтического.

Вдруг Мэдди посетило чувство, что сейчас происходит именно то, о чем она втайне мечтала с тех пор, как в шестнадцать лет придумала себе сурового, но нежного горца.

«Не обольщайся, – заклинала себя Мэдди. – Не давай воли воображению. Помни о том, что оно, твое неумное воображение, и стало причиной всех твоих бед».

– А сейчас повторяй за мной все то, что я буду говорить, – сказал Логан.

Он говорил на гаэльском наречии, и Мэдди как попугай повторяла за ним, не понимая смысла сказанного.

– Хорошо, – похвалил ее Логан.

И вновь почувствовала, словно оттаивает. Что было, конечно, неразумно с ее стороны.

Потом Маккензи произнес еще одну фразу на своем родном языке. Она услышала свое имя среди незнакомых слов.

Затем к ним подошел Монро и размотал плед, связывающий их руки.

– Что теперь? – спросила Мэдди.

– Только это, – сказал он и, наклонив голову, быстро поцеловал ее в губы. – Вот и все. Дело сделано.

Боевые товарищи Логана грянули ура.

Итак, Мэдди стала замужней леди.

Чувствовала ли она себя по-другому в новом статусе? И должна ли она чувствовать себя по-другому?

– Я не стал бы требовать, чтобы вы отныне носили полный традиционный шотландский костюм, – сказал ей муж, – но, раз вы теперь миссис Маккензи, вы не должны появляться на людях без этого. Один из однополчан Маккензи протянул ему отрез шерстяной ткани в сине-зеленую клетку. Логан перекинул плед через плечо жены. Из своей дорожной сумки он достал нарядную заколку, сделанную из желтого блестящего металла, и скрепил полы пледа сбоку, в районе талии.

– О, какая чудная вещь, – сказала тетя Тея. – Что это?

– Это старинная шотландская брошь, – пояснил Каллум. – У нас в горах принято дарить такую брошь нареченным.

– Тогда вам следовало подарить Мэдлин эту брошь еще тогда, когда вы познакомились в Брайтоне, – резонно заметила тетя Тея.

– Да, я должен был это сделать, но, наверное, забыл, – сказал Логан, с усмешкой взглянув на Мэдди.

И вдруг Мэдди поняла, в чем именно состоит главная перемена в ее жизни. Она вступила в заговор. В ее жизни появился человек, с которым она делила главную тайну своей жизни. Он, капитан Маккензи, стал наперсником, посвященным во все ее секреты и замыслы. Если Маккензи и осуждал ее за ложь, то эта ложь, по крайней мере, не отбила у него желание вступить с ней в отношения. Отсюда следовало, что из всех людей на земле именно этот суровый горец больше всех подходил под определение лучшего друга.

Где-то совсем рядом послышался раскат грома. Должно быть, молнии сверкали прямо над крышей замка.

– Что это? – растерянно спросил Грант и обвел взглядом зал. – Нам надо найти укрытие, капитан.

Теперь Мэдди понимала, что имел в виду Логан, когда говорил о дырявой памяти своего солдата. Бедняга Грант. Логан похлопал Гранта по плечу, вновь объяснил ему, где они находятся и что происходит. Заверил контуженого солдата, что ему ничто не угрожает и что завтра они отправятся в Росшир. Сколько раз Логан терпеливо успокаивал Гранта,

повторяя одно и то же? Сотни раз? Тысячи? Его терпению святой позавидовал бы!

– А кто она такая? – Грант кивком указал на Мэдди.

– Меня зовут Мэдлин, – ответила Мэдди и протянула солдату руку.

– Вы та самая возлюбленная капитана, что написала ему столько писем?

– Да, – сказал Логан. – А теперь она – моя жена.

Грант прищелкнул языком и пихнул Логана в бок локтем.

– Да ты счастливчик, капитан.

Да, подумала Мэдди. Грант по-прежнему оставался ее любимчиком. Неважно, какая у него память, ей будет приятно иметь такого мужчину в своем окружении.

Мэдди уже раздумывала над тем, можно ли поцеловать Гранта в щеку без риска испортить себе репутацию, когда замок вздрогнул от оглушительного громового раската. За окном сверкнула молния, озарив помещение жутким мертвенно-белым светом, и порывом ветра разом задуло все свечи.

– Мэдлин, берегись, – воскликнул Логан, и впервые за много лет первым его побуждением было не успокоить Гранта, не защитить своих солдат, а уберечь от беды заносчивую англичанку, которую он едва знал. И которая только что стала его женой.

Он обнял Мэдди, стараясь прикрыть ее своим телом в случае, если свалится на пол тяжелая люстра или еще что-нибудь там. Решив, что опасность миновала, Логан спросил:

– Как вы? В порядке?

– Да, конечно. Я только немного испугалась.

Логан чувствовал, как трясет Мэдди.

И он догадывался, что трясет ее не только из-за страха перед грозой. Наблюдая за ней, Логан видел, что ей было не по себе на протяжении всей церемонии. С каждой минутой Мэдди все сильнее бледнела, и когда она повторяла за ним брачные клятвы, то смотрела на него и словно не видела.

Выходит, она не драматизировала ситуацию, когда говорила, что не любит бывать там, где много людей. Признаться честно, здесь, в замке, народу было совсем не много. Что же говорить о пышных балах где-нибудь в столице?

Логан привык считать ее избалованной, вздорной девицей. Кто еще мог бы придумать себе возлюбленного и убедить в его существовании всех окружающих? Но теперь его мнение о ней начало меняться. Похоже, не только и не столько каприз побудил ее сочинить всю эту историю с

капитаном из далекой Шотландии.

Проклятие. Он снова думает о ней. Пытается ее разгадать.

Впрочем, сегодня разгадка будет получена.

В конце концов, мотивы ее поступков ему безразличны. Что с того, что ее выдумка была не прихотью избалованной барышни? Что с того, что пойти на обман ее заставил инстинкт самосохранения?

Логан принудил ее к браку не для того, чтобы облегчить ей жизнь.

Но невеста откуда взявшееся желание защитить эту хрупкую миниатюрную девушку, которой он навязался в мужа, было на удивление сильным. Как бы там ни было, Логан только что поклялся в том, что будет защищать ее и беречь, а он был не из тех, кто с легкостью дает слово и с легкостью берет его назад.

Его товарищи ждут праздника: музыки, танцев, вкусной еды и вина. Все было готово для пира.

– Я отведу вас наверх, – предложил Логан.

– Только идите медленно, – еле слышно прошептала Мэдди. – Чтобы я за вами успевала.

– Вам не придется идти, – сказал он. – Я вас понесу.

– Как мешок с овсом?

– Нет, детка. Как свою невесту.

С этими словами Логан подхватил ее на руки и понес к лестнице под восторженные крики своих товарищей.

Однако, когда они оказались на лестнице, Логан сообразил, что понятия не имеет, куда ее нести.

– Где ваша комната? – спросил он.

Мэдлин взяла руководство на себя. Путь до ее покоев оказался неблизким: множество поворотов, множество лестничных пролетов.

– И вы каждый вечер проходите весь этот путь? – спросил Логан, пытаясь не подать виду, что порядком утомился.

– Как правило, я проделываю весь этот путь несколько раз за день.

Шотландские замки с высокими башнями незаменимы на случай войны, но для мирной жизни в них многовато ступенек.

– Почему бы вам не поменяться жильем со слугами? Их – наверх, а вам перебраться куда-нибудь пониже.

Мэдди лишь пожала плечами.

– Мне нравится вид из окна, – сказала она.

Спальня ее оказалась уютной комнатой, теплой, красиво обставленной. Пространство под скатами крыши заполняли книги и всякие странные безделицы. Совсем не так представлял Логан спальню

наследницы-англичанки. Впрочем, Логан читал ее письма и не мог не признать, что эта комната была проникнута духом той, что их писала.

Он обратил внимание на две миниатюры на туалетном столике, изображавшие светловолосых детей: мальчика и девочку. Логан сразу их узнал.

– Это Генри и Эмма, – сказал он.

– Верно. Откуда вы знаете?

Логан пожал плечами.

– Может, я узнал их по вашим письмам.

Если начистоту, он узнал не только детей, но и руку Мэдди.

Им овладело странное чувство: словно он знает ее очень и очень близко. И сразу за этим ощущением пришло чувство вины.

Логан поставил ее на ноги.

– Спасибо, что принесли меня сюда.

– Вы почти ничего не весите.

– Знаете, я хотела бы попросить вас кое о чем. Вы не могли бы вести себя как-нибудь менее обходительно? В вас слишком много от героя-любовника, а ведь наш с вами союз – исключительно брак по расчету. Не так ли?

– Как пожелаете, сердце мое.

Она права. Наличие нежных чувств не предусматривалось в договоре.

Раз уж он принес ее наверх, в спальню, то не пора ли поскорее приступить к осуществлению уже обговоренного ими пункта соглашения?

– Даю вам полчаса на то, чтобы подготовиться, – сказал он, перед тем как покинуть комнату. – А потом я вернусь.

Глава 5

Логан дал ей полчаса на подготовку.

Полчаса?

Мэдди уговаривала себя не поддаваться панике.

Сколько времени нужно, чтобы привыкнуть к мысли о том, что она теперь замужняя женщина?

Дело осложнялось тем досадным обстоятельством, что она, кажется, прониклась нежными чувствами к своему мужу. Мужу, для которого она была не более чем средством к достижению цели.

Абсурд!

Как она могла?

Они и знакомы всего полдня. И бо́льшую часть этого времени Логан не давал ей никаких поводов к тому, чтобы понравиться. Ум спорил с глупым, сентиментальным сердцем.

«Логан тебя шантажировал.

Да, а потом он поцеловал меня у озера.

Он вел себя омерзительно.

Но его преданность своим боевым товарищам не может не восхищать.

Он угрожал взвалить тебя на плечи, словно мешок с овсом, и в таком виде притащить на свадебную церемонию.

И вознес чуть ли не до небес.

Мэдди, ты невменяемая».

Мэдлин вздохнула, пробормотав:

– С этим не поспоришь.

Она решила не звать горничную.

Сняв надетую капитаном Маккензи накидку и платье, Мэдлин напомнила себе, что этот капитан Маккензи не имеет ничего общего с придуманным ею героем. Когда он вернется в комнату – Мэдди посмотрела на часы – ровно через девятнадцать минут, не следует ждать ничего романтического. Он придет, чтобы завершить сделку.

Да, но...

За окном сверкнула молния. Наполовину спустив чулок, Мэдлин замерла, замороженная воспоминанием о том, как Логан обнял ее в тот момент, когда гром потряс замок. За это воспоминание цеплялось другое: как он нес ее на руках, возносил на самую высокую башню...

О да, Мэдлин была в беде и понимала это.

Потом, сидя перед зеркалом, она расчесывала волосы, чувствуя, как по телу горячими волнами прокатывается мелкая дрожь. Тело ее, если не она сама, подготовилось к тому, что должно было произойти.

Мэдлин закрыла глаза и глубоко вздохнула.

Не стоит обольщаться. Не стоит вкладывать в то, что ей предстоит тот смысл, которого там нет. Подобного рода глупости ни к чему хорошему не ведут. Разбитые надежды приносят только боль.

Любовь – это обман.

И ей не привыкать обманывать себя. Обманывать себя – это ее способ жить.

Мэдди еще раз взглянула на часы. Осталось восемь минут.

Мэдди положила щетку на стол, и в этот момент взгляд ее упал на брошь в форме сердца, которую подарил ей Маккензи во время церемонии.

Мэдлин взяла в руки эту брошь, чтобы лучше рассмотреть.

Вещица была выполнена безыскусно, даже грубовато. Окаймленная золотой проволокой в форме сердца, брошь была украшена полукруглыми камнями синего и зеленого цветов, выложенными в виде креста. Мэдди перевернула брошь, чтобы посмотреть, как выглядит ее обратная сторона. Простое, но надежное крепление в виде английской булавки. Мэдди рассеянно провела пальцем по проволоке. На золотой кайме палец нащупал царапины. Что это? Гравировка? Мэдди поднесла брошь к свече и увидела на правой стороне «сердца» крохотные буквы «Л.М.». Логан Маккензи? Да уж, он подготовился основательно. Точно так же исследовав левую половину «сердца», Мэдди обнаружила вторую гравировку. Поднеся брошь к свету, Мэдди была почти уверена в том, что сейчас увидит первые буквы ее имени: М.Г. – Мэдлин Грейсчерч, но увидела совсем другие буквы.

– А. Д. – прочла она вслух.

Невероятно. Очевидно, капитан Маккензи не был так уж чист перед ней. У него, судя по всему, был за плечами кое-какой любовный опыт. Не слишком удачный, с учетом того, что он подарил Мэдди брошь, предназначенную для бывшей возлюбленной.

Повеса. Сердцеед. Негодяй.

Мэдди выронила брошь из рук.

Как бы там ни было, изучение подаренного ей капитаном Маккензи ювелирного изделия пошло Мэдди на пользу: странное покалывание как рукой сняло. Брошь эта словно и была нужна для того, чтобы она начала думать головой, а не сердцем. Теперь у нее было неоспоримое доказательство того, что в этом браке не предусмотрено наличие каких бы

то ни было искренних чувств. Она станет носить эту брошь постоянно, как постоянное напоминание о том, что этот брак всего лишь фарс.

Дверь негромко скрипнула.

Мэдлин нырнула под одеяло. Быстро, но недостаточно быстро для того, чтобы он не заметил ее маневр. Она подтянула одеяло к подбородку и боязливо уставилась на мужа.

Логан снял китель, расстегнул манжеты на рубашке и закатал рукава до локтей. Он пришел к ней босиком – видно, носки и ботинки снял за дверью. На нем были лишь распахнутая у ворота рубашка и килт.

– Вы готовы? – спросил он мрачно.

– Не знаю, какого ответа вы от меня ждете, – сказала Мэдди. – Но я не думаю, что когда-нибудь смогу себя к этому подготовить.

– Если вы устали, мы можем отложить до утра.

– Нет. То есть я хочу сказать, что предпочла бы покончить с этим как можно быстрее. – Затягивать не имело смысла: лишние мысли, лишние тревоги, лишние мучения. И в итоге она может окончательно струсить.

– Ну, тогда ладно.

Лизнув пальцы, Логан загасил все свечи одну за другой. Теперь комнату освещали лишь горящие в камине угольки.

Матрас прогнулся под его весом.

Мэдди вытянулась под одеялом, боясь пошевелиться. Сердце ее билось чаще, чем у пойманной в сети птички. Ее бросало то в жар, то в холод.

– Вот, – сказала она, потянувшись за склянкой, что дала ей тетя. – Тут какая-то мазь. Мне ее дала тетя. Она сказала, вы знаете, что с этим делать.

Логан взял склянку, отвернул крышку и понюхал содержимое.

– Да, я знаю, что с этим делать, – сказал он и швырнул склянку на пол. Она покатилась куда-то в угол.

– Но...

– Я не дам твоей тете загубить меня своими снадобьями, – сказал Логан. – Я слишком хорошо помню, что было с тобой после ее снотворного. Ты писала, что потом две недели ходила вся в волдырях.

Мэдди прикусила губу и плотнее завернулась в одеяло. Он помнит об этом? Даже она сама забыла о том случае. Но на самом деле Мэдди написала правду: даже после того как сошли волдыри, она еще месяц чесалась.

Логан знал о ней так много, что Мэдди было не по себе. Жутко от того, что он многое знал о ней, но совсем не знал ее. А что до нее, так она не имела ровным счетом никакого представления о том, что за человек был сейчас с ней. В создавшейся ситуации преимущество было целиком на его

стороне. Он имел знания, опыт. Он был хозяином положения.

– Выпей-ка лучше это, – сказал Логан, протянув ей маленькую фляжку.

– Это лекарство?

– Горское лекарство. Добрый шотландский виски.

Мэдди осторожно поднесла фляжку к губам.

– Запрокинь голову, он сильнее обжигает, если пить мелкими глотками.

Крепко зажмурившись, Мэдди запрокинула голову и сделала большой глоток. Закашлявшись, она вернула фляжку хозяину.

– Если все делать правильно, нет нужды ни в каких кремах и смазках. – Он обхватил ее икру, прикрытую одеялом. – А я все сделаю правильно. Тебе понравится.

Мэдди судорожно сглотнула и ничего не сказала.

– Но все равно, скорее всего, будет немного больно, когда я...

– Я знаю.

– Но потом все быстро закончится, как бы мне не было стыдно в этом признаться. Так обычно бывает, когда у мужчины долго нет женщины.

Тусклый свет из камина не позволял разглядеть его лицо. Мэдди не сомневалась в том, что Маккензи хотел как лучше; он думал, что в темноте ей будет комфортнее, но она привыкла наблюдать за братьями своими меньшими при дневном освещении. С интересом естествоиспытателя Мэдди наблюдала за тем, в каких именно местах и как соединяются их тела и что в результате получается. Возможно, если бы у нее была возможность подобным образом рассмотреть его тело, она бы не так волновалась. А сейчас сердце билось так, словно хотело выпрыгнуть из груди. Как бы там ни было, в темноте Мэдди все равно ничего не разглядит, даже если он разденется, а попросить его зажечь свечи у нее не хватит духу.

Для нее Маккензи был всего лишь тенью, жаркой тенью с низким волнующим баритоном.

– Не бойся, – сказал он, и ладонь его скользнула по ее телу сверху вниз. – Я знаю, о чем ты думаешь. Тебе любопытно, как соединяются тела мужчины и женщины и что они при этом чувствуют. Я могу все тебе показать. Я сделаю так, что тебе будет хорошо. Очень хорошо.

– Не знаю, получится ли у меня.

– Все у тебя получится. Нет ничего проще. Если бы это было трудно, человечество давно бы вымерло.

– Я думаю, вы недооцениваете мою способность создавать сложности

там, где их, по мнению других людей, нет. – Мэдлин отодвинулась от него, насколько позволяло место на кровати. – Попробуйте понять, – сказала она, – вы годами читали мои письма. Вы так много знаете обо мне, а я о вас почти ничего. Я не знаю, откуда вы родом, как вы жили... Для меня вы почти незнакомец.

– Я – твой муж.

– Да, но у нас нет общего прошлого. И у нас нет общих воспоминаний. Логан пожал плечами.

– Помнишь, как мы встретились в первый раз? Помнишь, как ты упала, приземлившись на задницу? Помнишь, как мы гуляли по взморью и разговаривали о нашей предстоящей свадьбе? Помнишь, как я поцеловал тебя, так крепко, что тебя пробрало до самых печенок?

– Нет, – запальчиво возразила Мэдди, не до печенок. Дело ограничилось мурашками.

Логан обнял ее за талию.

– На этот раз я постараюсь, чтобы пробрало до печенок.

И он наклонился к ней.

Мэдди уперлась ладонью ему в грудь.

– Может, нам все же лучше сначала узнать друг друга?

– Я не вижу смысла в дальнейшей болтовне, – сказал Маккензи. – Мы договорились обойтись без романтических глупостей.

– В этом-то все и дело. Я не хочу никаких романтических глупостей. Я не хочу притворяться. Но когда я закрываю глаза, не вы дотрагиваетесь до меня, а придуманный мной капитан Маккензи. Я знаю, что это плохо, но воображение часто подводит меня. Я склонна принимать желаемое за действительное. Не думаю, что вам понравится, если рядом с вами будет жена, требующая от вас любви и ласки.

– В этом с тобой не поспоришь. Такая жена мне не нужна.

– Я помню, что вы мне сказали насчет любви. Это просто самообман. И потому истинное знание будет самым лучшим противоядием. Как только я вас узнаю лучше, я без труда найду повод, чтобы презирать вас.

– Неужели бесстыдного шантажа было мало?

– Нет, не мало. Так я думала вначале. А потом вы рассказали мне о своих боевых товарищах, и я увидела, как вы преданы им. И сразу прониклась к вам симпатией. Мне нужен новый повод для ненависти к вам, – ответила Мэдди и скрестила ноги.

– Давайте начнем с самого простого, – сказала Мэдди. – Где вы родились?

– К западу отсюда. В деревне Локкэрон.

Мэдди осенила внезапная догадка.

– У вас есть семья, родственники?

– Никого.

– Хорошо. То есть, конечно, для вас это плохо, и я вам глубоко сочувствую, но в нашей ситуации это удобно. Я всем сообщила, что у капитана Маккензи не осталось в живых родственников, и у вас их нет. – Мэдди прикусила губу. – Вы, должно быть, считаете меня эгоисткой, и я действительно иногда ловлю себя на том, что слишком занята собственными проблемами. Но вы и так знаете об этом моем недостатке.

Маккензи кивнул.

– О да. Мне об этом известно.

– Вот видите! Все, как я говорила: вы все знаете о моих недостатках. Вам легко оставаться ко мне безучастным. Но ваши недостатки – тайна для меня.

– Вот вам первый, – сказал Маккензи и, обхватив ее лодыжку, медленно провел пальцем вверх и вниз по щиколотке. – В постели мне нет равных. Проведя со мной ночь, ни одна женщина даже не посмотрит в сторону другого мужчины.

Мэдди отодвинулась еще немного, подтянув ногу к себе. Теперь она знала, что по крайней мере один серьезный недостаток у него имеется: он был хвастлив.

– Назовите свой самый худший поступок, – сказала Мэдди.

Логан провел рукой по волосам.

– Я начинаю думать, что это была женитьба на тебе.

– Нет, только не это! Не заставляйте меня считать, что у вас есть чувство юмора. Вы набираете очки, а мне этого совсем не хочется.

Логан привлек ее к себе и перевернул на спину, прижав к матрасу.

– Ты даже не представляешь, на что еще я способен, детка.

Мэдди судорожно сглотнула.

– Кто такая А.Д.? – спросила она.

– Что?

– На броши, что вы мне подарили, есть гравировка Л.М. и А. Д. Кто такая А.Д.?

Глаза его сделались как льдинки.

– Для меня она важности не представляет, – сквозь зубы процедил Логан.

– Но...

Он наклонился и поцеловал Мэдди в шею, и с губ ее против воли сорвался вздох наслаждения.

Логан его слышал, и иного поощрения ему не требовалось.

Руки его заскользили по ее телу не грубо, не настойчиво. Он ничего не требовал, он просто изучал ее формы.

И пока он исследовал ее тело на свой лад, Мэдди тоже кое-чему училась. Для того чтобы иллюстрации получились действительно качественными, надо тщательно изучить тех, кого рисуешь. Надо понимать, как они устроены, каким целям служат отдельные части их тел, как они функционируют. Например, для чего крабу антенна, для чего шелкопряду мундштук.

Мэдди иногда позволяла себе делать зарисовки не только всяких пауков или крабов, но и людей. Руки, глаза... Но сейчас она наблюдала, как движется его кадык, как играют желваки под скулами, как меняется его взгляд...

Мэдди исхитрилась и вывернулась из-под него.

– Простите. Мне, правда, очень жаль. Не поймите меня превратно, я не имею ничего лично против вас, но я... Я все время думаю о крабах и ничего не могу с собой поделать.

Логан опрокинулся навзничь и уставился в потолок.

– А я-то думал, что меня уже ничем нельзя удивить в постели, – протянул он.

Мэдди села, подтянув колени к груди.

– Вы в курсе, что я придумала себе любовника-горца, написала ему целый ворох писем и много лет плела замысловатую паутину лжи. И после этого вы удивляетесь моей странности?

– Да, пожалуй, ты права. Удивляться тут нечему.

– Насчет крабов. У них процесс ухаживания может длиться месяцами. Перед тем как подпустить к себе самца для спаривания, самка краба должна убедиться в том, что партнер не собирается ее съесть. Понять истинные намерения партнера для нее жизненно важно, потому что для спаривания ей необходимо сбросить панцирь. И самец не считает месяцы, потраченные на ухаживания, пустой тратой времени. Так, если самка краба достойна, чтобы ее обхаживали месяцами, неужели я настолько хуже самки краба? Я просто не могу понять, к чему такая спешка.

– Мы прошли обряд обручения, детка. Мы обменялись клятвами, – со вздохом сказал Маккензи. – И для того чтобы брак стал действительным, нам осталось его консумировать.

Если он хотел завладеть ее вниманием, то ему это вполне удалось.

– Вы хотите сказать, что еще не поздно все вернуть назад?

«Интересный у нее ход мыслей. Очень даже интересный».

– Даже не думай, – сурово сказал Логан. – Позволь мне напомнить тебе о тех причинах, по которым ты не захочешь все отменить.

«Да, – подумала Мэдди. Он прав. Письма у него, и, если он пустит их в ход, ей несдобровать».

Но с другой стороны, еще не все потеряно. Мэдди пришло в голову, что, уговорив его отложить консумацию, она успеет отыскать письма и сжечь их. И вся его власть над ней рассеется, словно дым над костром из писем.

– Ты хочешь общих воспоминаний, так? – спросил Логан.

Мэдди кивнула.

– Помнишь, как в нашу первую брачную ночь я довел тебя до неистовства, как ты стонала и требовала еще и еще?

– Вообще-то, я помню другое. Как мы провели бессонную ночь за разговорами. – И, просто для того чтобы позлить его, она добавила: – И всю ночь мы пролежали в обнимку.

Логан поморщился.

– Я не люблю обниматься.

– Вот и хорошо, – сказала она. – Вы предложили отложить консумацию до утра, если я того пожелаю. Так вот, я ловлю вас на слове. Я не готова сделать это сейчас.

И если ей действительно хочется найти выход из создавшейся ситуации, то готова она не будет никогда. Мэдди выложила в ряд подушки посреди кровати, разделив постель на две половины: его сторону и ее сторону.

– И это должно меня остановить? – насмешливо поинтересовался Маккензи, уставившись на стену из подушек. – У меня свои планы, детка, и я...

Мэдди нырнула под одеяло, придерживая его у самой шеи.

– Странно, как это не пришло в голову Наполеону, – раскатистым баском продолжил капитан Маккензи. – Увидев эту баррикаду из перьев мы, горцы, никогда не осмелились бы...

– Эти подушки здесь не для того, чтобы удержать вас, – сказала Мэдди. – Они тут для того, чтобы предотвратить какую-нибудь случайность.

– Вот как, – протянул он. – Ты не исключаяешь случайных происшествий.

– Вот именно. Ночью я могу случайно перевернуться на другой бок, а я знаю, как вы не любите объятия. Мне бы не хотелось доставлять вам неприятности.

– Хитрая лиса. – Логан сел, взял подушку, что лежала между ними, и сбросил ее на пол. – Вот он – я: твой муж из плоти и крови. Будь я неладен, если уступлю место подушке.

Мэдди затаила дыхание. Какой будет его следующий ход?

– Я буду спать на полу, – сказал капитан Маккензи.

Завернувшись в покрывало, Маккензи устроился на полу перед камином.

Ей бы обрадоваться, но Мэдди не давала покоя мысль о том, что ему будет не слишком удобно спать на жестком полу. Умом Мэдди понимала, что должна сопротивляться подобным импульсам. Она не должна испытывать к нему никаких чувств: ни физического влечения, ни тем более человеческого участия.

– Мы ведь оба взрослые люди и все понимаем, – сказала Мэдди. – Я вас не прогоняю с кровати. Так и быть, никаких баррикад. Я буду спать на своей половине, вы – на своей.

– Я буду спать на полу. Мне так больше нравится.

– Вам больше нравится спать на полу, чем в кровати?

– В настоящий момент, сердце мое, я предпочитаю пол твоей компании. – Ты сказала, что хочешь подождать, – продолжил Логан. – Я бы предпочел думать, что моя честь создает более крепкий барьер, чем баррикада из подушек. Но именно этой ночью я не стал бы подвергать испытанию это убеждение.

Спустя минуту Мэдди сказала:

– Я понимаю.

– Мне все равно, на чем спать. Все первые десять лет своей жизни я спал на полу, и ничего.

– Десять лет вы спали на полу?

– На полу в сарае или на земле на пастбище. До того как викарий приютил меня, я, круглый сирота, был предоставлен самому себе. Вернее, я жил у людей, которые готовы были меня приютить и накормить. А кров и пищу мне давали те, кому нужен был помощник. Я ухаживал за овцами, пас их, был с ними круглые сутки. За это меня кормили овсянкой по утрам и хлебом по вечерам.

О, только не это! Чем больше они общались, тем сложнее было оставаться к нему равнодушной. Что называется, шаг вперед, два шага назад. Заявив, что ему лучше спать на полу, чем с ней, Логан нанес ей оскорбление, пусть и не очень сильное, что с точки зрения задачи, которую Мэдди перед собой поставила, было хорошо. Но то, что она узнала о его детстве, все разом перечеркнуло. Как могла она заставить себя презирать

капитана Маккензи или даже остаться равнодушной к нему, когда воображение уже услужливо рисовало голодного худосочного мальчишку с неопрятной копной рыжевато-каштановых волос, зябко ежащегося от холода и лежавшего, свернувшись калачиком, на покрытой инеем земле?

Мэдди захотелось зажать уши руками и закричать, заставить замолчать свое глупое сердце. Но вместо этого она хорошенько взбила подушку, словно для того, чтобы сделать ее мягче.

– Добрых вам снов, капитан Маккензи.

Что же она наделала? Как раз в тот момент, когда глупая выдумка ее юности, казалось, исчерпала свой потенциал и почил в бозе, случилось то, что случилось. Мэдди согласилась выйти замуж за совершенно чужого ей мужчину, которому нет до нее дела. Не велика ли цена за ошибку юности? Но нет, судьбе, видно, показалось этого мало – она еще и прониклась симпатией к этому чужаку.

Впрочем, не поздно все переиграть. Брак еще можно признать фиктивным. И, если повезет, ей, возможно, и не придется быть его женой.

Глава 6

Логан не рассчитывал на то, что ему удастся хорошо выспаться в первую брачную ночь.

Точно так же он не ожидал, что ему придется провести первую брачную ночь на полу.

Вообще-то, Логан привык спать в любых условиях, но этой ночью ему не спалось из-за непривычной тишины. Он не солгал Мэдлин ни единым словом. В детстве он спал в сарае на голой земле, а иногда и под открытым небом в окружении горных овец и баранов. Он спал под их умиротворяющее блеяние. А потом, в армии, он спал на земле в окружении своих братьев по несчастью – таких же, как он, шотландских парней. Особой разницы между спящими вокруг него овцами и спящими солдатами, по правде говоря, не было, и дружный храп товарищей по оружию действовал на него так же умиротворяюще, как и сонное блеяние овец. Однако, при том что Логан провел немало приятных часов в женском обществе, спать рядом с женщиной он не привык. Спать в обнимку? Это не про него. Ему было как-то не по себе оттого, что Мэдлин находилась в той же комнате. Она все так же представляла собой неразрешенную, если не неразрешимую загадку. Она не храпела во сне, она искушала его и манила. И сладковатый запах лаванды мешал ему уснуть, щекотал ноздри.

Как только за окном рассвело, Логан встал, свернул свою походную постель, опоясался килтом и, выйдя из замка, направился к озеру, любясь тем, как новый день крадется по голубой глади, прогоняя прочь туман.

– Ну, капитан, как самочувствие этим славным утром?

Логан оторвал взгляд от воды и повернулся лицом к Каллуму и Рабби, на лицах которых читался живейший интерес.

Рабби положил руку Каллуму на плечо.

– Ты как считаешь, приятель?

– Думаю, что да, хотя точно не знаю.

Рабби рассмеялся.

– А я вот думаю, что нет.

Логан нахмурился.

– О чем это вы, дьявол вас побери?

Рабби прищелкнул языком.

– Я же говорю, нет. Раздражительность – плохой знак.

– Но он не выглядит отдохнувшим, – заметил Каллум.

– Еще одно очко в мою пользу.

Логан оставил попытки понять, о чем они толкуют. Этим утром ему было не до солдатских шуток.

– Если вам не спится, так могли бы и поработать, – сказал Логан.

После завтрака все они выехали осматривать долину. Неподалеку от озера они увидели пастбище, огороженное наполовину разрушенной каменной стеной. Стена эта лежала в руинах уже лет сто, не меньше, и смысла ее восстанавливать не было никакого. Но камни могли сгодиться на постройку домов для солдат, которых не так давно Логан вел в бой и которых теперь привел в эти места.

Логан решил проверить прочность одного из сохранившихся участков стены толчком, и довольно увесистый камень упал прямо ему на ногу, вернее, на большой палец ноги. Логан подскочил на одной ноге, ругаясь на чем свет стоит. И тут он заметил, что Рабби протянул Каллуму руку ладонью вверх.

– Я готов забрать выигрыш, – сказал Рабби, и Каллум неохотно полез в сумку и, достав оттуда монету, положил Рабби на ладонь.

– Что тут происходит? – спросил Логан.

– Мы заключили с Каллумом пари, и я выиграл, – сказал Рабби.

– Что за пари? – гаркнул Логан.

– Насчет того, переспишь ли ты, капитан, со своей англичанкой или нет в первую брачную ночь, – с ухмылкой сообщил Рабби. – Я сказал, что ты с ней не переспишь, и оказался прав.

Вот проклятие. Неужели так очевидно, что он встал с постели неудовлетворенным?

Логан вспомнил, как он только что выругался из-за камня, и решил, что да, очевидно.

Они слишком долго прожили бок о бок, чтобы с одного взгляда не понять, кто с какой ноги сегодня встал. Логан по походке Каллума мог определить, когда у того особенно сильно ныла культия или когда Файфу предстоит особенно тяжелая ночь. Он знал своих солдат, и они тоже знали своего командира. Стоит ли удивляться, что по его виду они догадались, что этой ночью ему так и не пришлось утолить похоть.

И, как бы Логан ни относился к этому пари, он понимал, что интерес к его личной жизни у солдат отнюдь не праздный. От того, будет ли брак Логана с хозяйкой замка признан действительным, зависит судьба его друзей. Для того чтобы эта земля стала их домом, он должен был как можно скорее консумировать брак.

И пока Логану нечем было порадовать своих друзей.

Пока он не оправдал их надежд.

Логану не нравилось то, что он чувствовал сейчас. На войне он ощущал себя куда увереннее.

Каллум, верный своей роли миротворца, попытался извиниться.

– Мы просто решили немного пошутить над тобой, капитан. Должно быть, она сильно устала к вечеру, да и ты только вчера вернулся к ней. Свалился как снег на голову. Неудивительно, что девушка растерялась. Нет ничего стыдного в том, что ты решил дать ей время привыкнуть к тому, что теперь ты всегда будешь рядом. Скажу больше, я уверен, что твоя женушка благодарна тебе за твою чуткость.

Чуткость? Да будь вы все неладны. Сначала Мэдлин предлагает ему полежать в обнимку, а теперь еще его солдаты обвиняют его в «чуткости».

– Больше никаких пари, а не то не сносить вам головы. Вам что, больше заняться нечем? Вычистили бы, к примеру, замковые конюшни.

– Помилосердствуй, капитан, – огорченно воскликнул Каллум, демонстрируя Логану обрубок руки.

– От меня жалости не дождетесь.

Итак, пока Логана не одолели сомнения, он будет делать то, что делал каждый день на протяжении последних лет: стараться загрузить своих солдат работой под завязку, чтобы не было дурных мыслей. А разговоры вести только о светлом будущем. Под руководством Логана бывшие воины камнями поместили участки под строительство домов и под посадки. Затем он повел их осматривать склоны холма на предмет пригодности для пастбища, потом потащил на вершину, чтобы получше осмотреть местность и провести рекогносцировку.

– Нельзя терять ни одного дня, – говорил Логан. – Если мы хотим собрать осенью урожай, до Белтейна^[1] надо отсечься.

– Будем надеяться, что к маю земли уже точно будут твоими, – сказал Рабби.

– Они уже мои. Я на ней женат.

– Женат-то женат, но только на словах. Англичане слова не держат, сам знаешь, особенно здесь, в Шотландских горах.

– Хочу напомнить, что ты сейчас о моей жене говоришь, – с угрозой в голосе напомнил Логан.

Рабби с насмешкой смотрел на него.

– Правда?

– Да, – с убийственной решимостью ответил Логан.

Мэдди станет его женой, законной женой, женой на всю жизнь, и случится это скоро. Логан дал ей отсрочку по тем самым причинам, о

которых говорил Каллум. Логан принял во внимание пережитое ею потрясение. Но он знал, что Мэдди любопытна, и помнил вкус ее поцелуя. И, принимая во внимание ее реакцию, Логан мог смело предположить, что они не дадут друг другу замерзнуть в постели. И даже больше: ночи у них, скорее всего, будут жаркими. Очень даже жаркими. И было бы большой ошибкой загубить все на корню излишней настойчивостью.

Уж Логан позаботится о том, чтобы все случилось по обоюдному желанию. Мэдлин еще сама будет его упрашивать поскорее исполнить супружеский долг! Он все сделает, как надо. Чтобы, после того как все закончится, у нее совсем не осталось сил и даже мысли не возникло о том, чтобы обниматься.

– Эй, капитан, – Каллум кивнул на замок. – Похоже, к тебе гости пожаловали.

Логан приложил ладонь козырьком к глазам. Действительно, к замку подъехала карета. Логан смотрел, как из кареты вышел элегантный господин в щегольском костюме и, не успев он выйти, как его, Логана, жена, в своем сереньком платье выбежала из замка навстречу разодетому хлыщу. Кажется, Мэдлин ждала этого прохвоста.

– Хотя, если подумать, гости не у тебя, а у твоей жены.

Наступило неловкое молчание.

– Думаю, этот господин приехал по делам, – сказал Монро. – Как вы думаете, англичанки ведут дела сами или у них для этого есть специальные люди?

– Ты видел эту четверку вороных? – сказал Файф. – В таких каретах ездят только бездельники-аристократы.

Логан промолчал. Он не знал, кем был мужчина, прибывший с визитом к его жене. Но Логан был намерен это выяснить.

– Лорд Варли, – вежливо присев в реверансе, поздоровалась с гостем Мэдди, – добро пожаловать. Всегда рада вас видеть.

– И я рад, мисс Грейсчерч.

При этих словах лорда Варли Мэдди испытала некоторое замешательство. Должна ли она поправить его?

Мэдди решила, что не станет его поправлять. Слишком долго придется объяснять, что к чему, к тому же лорд Варли, вполне возможно, уже уедет к тому времени, как Логан вернется в дом.

Если повезет, ей вообще не придется менять имя на миссис Маккензи.

Лорд Варли прочистил горло.

– Могу я увидеть иллюстрации?

– О да, конечно.

Господи, неужели ей никогда не удастся избавиться от пресловутой болезненной робости?

За последний год Мэдлин достаточно часто общалась с лордом Варли, чтобы перестать нервничать в его присутствии. Он был истинным джентльменом, умным и внимательным. И, надо сказать, лорд Варли был импозантным мужчиной. Однако в его темных пытливых глазах и руках с длинными пальцами и ухоженными ногтями было нечто такое, от чего Мэдди делалось не по себе.

«Сосредоточься на работе, Мэдди. Он здесь ради иллюстраций, а не ради тебя».

Мэдди взяла папку и открыла.

– Как мы с вами изначально договорились, я сделала зарисовки чернилами каждого из животных в разных ракурсах.

Мэдди отошла от стола, наблюдая за тем, как лорд Варли перелистывает страницы, оценивая ее работу. Он изучал листы с неторопливой методичностью, именно так, как и должен это делать хороший натуралист.

– Что это? – спросил лорд Варли, указывая на предпоследнюю акварель в папке.

– Я взяла на себя смелость изобразить несколько животных на одном листе в цвете. Я знаю, что для научного журнала такая иллюстрация не годится, но я подумала, что вам, возможно, понравится моя работа и вы захотите взять ее себе. Если же вас она не устраивает, я оставлю акварель себе. Я писала ее просто для удовольствия.

– Понимаю, – протянул лорд Варли, разглядывая акварель с чуть склоненной набок головой.

Наконец, Мэдди не выдержала напряжения.

– Вам не нравятся мои работы? Если вас что-то не устраивает, время еще есть, я внесу необходимые изменения.

Лорд Варли небрежным движением захлопнул папку и лишь после этого развернулся лицом к Мэдди.

– Мисс Грейсчерч, ваши работы удивительные. Они – само совершенство.

– Хорошо, – с облегчением выдохнула Мэдди. Похвала лорда Варли была ей приятна.

Вообще-то Мэдлин рисовала главным образом потому, что ей это нравилось, и еще ее тешило сознание того, что она вносит вклад в науку. Мэдди трудилась не ради славы и даже не ради похвалы. Как бы там ни было, научные журналы читают не так много людей, и стать знаменитым

благодаря такой работе попросту невозможно.

Однако похвала лорда Варли действительно много для нее значила. Хотя что-то в этой жизни Мэдлин делала правильно, и у нее были основания для самоуважения. Она не была безнадежно пропащей, как пытался ей внушить этот невесть откуда свалившийся на нее горец, чтобы наказать за ошибку, совершенную в ранней юности.

– На следующей неделе у себя дома я устраиваю публичную демонстрацию тех образцов, над которыми вы работали. Приглашены все члены общества натуралистов, включая Оркни.

– То есть это будет нечто вроде салона?

– Скорее бал.

– Вот как. – Мэдди почувствовала знакомые симптомы приближающейся панической атаки. – Бал.

– Да. Будет ужин, а потом танцы. Если не предусмотреть развлечения для леди, они проигнорируют собрание.

Мэдди улыбнулась.

– Значит, во мне мало что есть от настоящей леди. Танцы меня не интересуют. Но экспозиция, я думаю, меня бы очень заинтересовала.

– Тогда я надеюсь увидеть вас у себя.

– Меня?

– На этот показ обещал прийти мой добрый друг, мистер Дорнинг. Он ученый из Эдинбурга и занимается составлением энциклопедии.

– Энциклопедии?

Лорд Варли кивнул.

– «Насекомые Британских островов», в четырех томах.

– Многотомные издания – моя слабость!

– Значит ли это, что мне удалось вас заинтересовать?

– Разумеется. Я с удовольствием полистаю этот труд, когда он будет закончен.

Лорд Варли улыбнулся.

– Мисс Грейсчерч, кажется, мы друг друга недопонимаем. Я спрашиваю у вас, желаете ли вы встретиться с моим другом и поинтересоваться, не хотел бы он воспользоваться вашими услугами при составлении энциклопедии. Вы могли бы поработать над его проектом в качестве иллюстратора.

Мэдди лишилась дара речи. Проект такого масштаба снабдил бы ее работой, а средствами на многие месяцы, если не годы.

– И вы действительно готовы оказать мне такую услугу? – не веря своему счастью, спросила Мэдди.

– По правде говоря, я думаю, это вы окажете услугу моему другу, если согласитесь сотрудничать с ним. Качество ваших иллюстраций выше всяких похвал. Если вы сможете почтить меня своим визитом на следующей неделе, я с радостью представлю вас друг другу.

Мэдди прикусила губу. Для нее открывались великолепные возможности, но...

Неужели нельзя было ограничиться демонстрацией образцов? Зачем устраивать бал?

– Можно я приеду пораньше, днем, и уеду до начала собрания? – спросила Мэдди. – Или, если вам будет удобно, на следующее утро? Не хотелось бы мешать веселью разговорами о работе.

– Собственно, мы и собираемся по поводу работы. И вы никак не можете ничему помешать. – Лорд Варли коснулся ее запястья. – Я буду за вами приглядывать. Вам не о чем беспокоиться. Пожалуйста, не обижайте меня отказом.

– У меня есть вопрос, – произнес низкий мужской голос. – Это приглашение на меня распространяется?

О боже.

Логан задержался на пороге ровно столько времени, сколько ему потребовалось для оценки ситуации. Одет он был в домотканую рубашу и килт – наряд вполне пригодный для тяжелой физической работы, чем, судя по всему, он и был занят в долине. Явление горца в килте и домотканой рубаше привело лорда Варли если не в ужас, то в явное замешательство. В его взгляде, обращенном на Мэдлин, читался исследовательский вопрос: «Что это за чудо-юдо?»

Не смущаясь оставленными на паркете грязными следами от ботинок, Логан широким шагом подошел к Мэдди и по-хозяйски обнял ее за талию.

Логан принес с собой запах весеннего мха, озерной воды и оживающего вереска.

Маккензи обращался к Мэдди, но смотрел при этом прямо в глаза лорду Варли.

– Доброе утро, сердце мое. Отчего ты не хочешь представить меня своему приятелю?

У Мэдди пересохло во рту.

– Ах да, – еле ворочая языком, сказала Мэдди. – Лорд Варли, позвольте представить капитана Логана Маккензи.

– Капитан Маккензи? – лорд Варли в недоумении смотрел на Мэдлин. – Вы ведь не хотите сказать, что это тот самый капитан Маккензи. Тот, которого вы...

– Да, – сдавленно прошептала Мэдди.

– Ваш нареченный? – Варли вновь перевел взгляд на Логана. – Простите, сэр. Я полагал, что вы...

– Что я мертв? – услужливо подсказал ему Логан. – Не вы один так думали. Но, как видите, я жив.

– Необычайно. Интересно. Кто бы мог подумать!

– Как бы там ни было, – гладко сказал Логан, – теперь вы не станете заблуждаться на мой счет.

– Мне бы следовало сказать об этом раньше, – сказала Мэдди. – Капитан Маккензи только вчера вернулся. Я еще не оправилась от потрясения. Боюсь, что я все еще немного растеряна.

– Могу представить, мисс Грейсчерч.

– Мисс Грейсчерч теперь уже не мисс Грейсчерч, а миссис Маккензи. – Логан убрал руку с талии Мэдди и положил ей на плечо, всем своим видом давая понять, что эта женщина теперь принадлежит лишь ему одному.

– Вообще-то, – слегка отстранившись, возразила Мэдди, в настоящий момент я все еще мисс Грейсчерч.

– Мы обменялись брачными клятвами вчера вечером.

– Это был всего лишь традиционный шотландский ритуал обручения, а не венчание. Это... Одним словом, все довольно запутанно.

– Понимаю, – произнес лорд Варли, хотя по его виду было件нятно, что он ничего не понимал.

И, по правде говоря, кто бы что понял на его месте? Все это походило на какой-то театр абсурда. Что бы ни сказала сейчас Мэдди для того, чтобы прояснить ситуацию, она бы лишь запутала ее еще сильнее.

– Как я уже рассказывал мисс Грейсчерч, – сквозь зубы процедил лорд Варли, – в среду на будущей неделе я устраиваю у себя бал. Рад буду видеть там вас обоих. – Лорд Варли забрал папку и поклонился. – До встречи в среду.

Лорд Варли ушел, а тяжелая длань Логана продолжала лежать у Мэдди на плече. Атмосфера в комнате была наэлектризована до предела, того и гляди раздастся гром и засверкают молнии.

Мэдди выскользнула из-под его ладони и трясущимися руками принялась складывать в аккуратную стопку разложенные по столу рисунки.

– Мне надо отнести их назад, в свою студию.

– Подожди, – сказал Логан. – Не шевелись.

Мэдди почувствовала слабость в коленях. Как ни заманчиво было свалить вину за неадекватную реакцию организма на мужскую

привлекательность капитана Маккензи, Мэдди предпочла оставаться честной перед собой. Такого рода внимание со стороны противоположного пола было для Мэдди внове, и, как она прекрасно понимала, едва ли какой-нибудь еще мужчина станет добиваться от нее того, чего пытался добиться Логан. Из этого следовало, что, если она сейчас окажет достойное сопротивление, второго шанса может и не быть, и тогда любопытство ее останется неудовлетворенным.

Да, Мэдди была ужасно любознательна. И еще она была непозволительно мечтательной и наивной. И ужасно одинокой.

Не зря говорят, что голод – лучшая приправа, чем соль.

И вот Мэдди, затаив дыхание, ждала, пока Логан сделает свой ход.

Но, когда он этот свой ход сделал, этот ход оказался совсем не тем, что ожидала Мэдди.

С молниеносной быстротой Логан бросился вперед и громко прихлопнул что-то лежащее на столе.

Раздался характерный хруст с хлюпаньем.

– Вот ты и попался, – с видом триумфатора провозгласил Логан, отряхивая ладонь.

– Что вы делаете?

– Я убил это гнусное насекомое до того, как оно успело прыгнуть на тебя.

– Вы убили... – Мэдди стремительно обернулась. – О нет, только не это!

Вот он, на ковре. Жук-рогач, или, как его еще называют за красивые рога, жук-олень. Должно быть, он вывалился из коробки мистера Варли.

– Что вы наделали! – Мэдди опустила на колени перед мертвым жуком.

– Что я наделал? Знаете, вообще-то девушкам обычно не нравится, когда на них садятся жуки. Другая бы была мне благодарна за то, что я его убил.

Мэдди собрала останки жука с пола.

– Вот этот конкретный жук уже был мертв, когда вы на него напали.

А теперь он еще и расплюсцен.

Надо как можно скорее отнести его в студию и посадить в стеклянный ящик, чтобы с ним не приключилось еще чего-нибудь похуже.

Мэдди вышла в коридор, Логан направился следом.

– Не пытайтесь от меня убежать. Я хочу получить ответы на свои вопросы. Итак, чье приглашение я только что принял и что этому скользкому типу нужно от тебя? И почему ты ставишь меня, своего мужа,

третьим в списке после этого мерзкого хлыща и раздавленного жука?

– Лорд Варли – не мерзкий хлыщ. Он вполне респектабельный помещик. В графстве Перт у него есть имение. Мы знакомы по работе. Он – натуралист.

– Натуралист? Ты имеешь в виду одного из тех чудиков, что бегают по окрестностям с голым задом?

– Нет, – спокойно ответила Мэдди. – Эти люди называются нудистами. А натуралисты – ученые, изучающие природу.

– Ну, не знаю. Этого натуралиста, судя по всему, больше всего интересует твоя грудь. Ее он изучал очень внимательно, как я заметил.

– Что?

Логан сократил расстояние между ними.

– Он тебя трогал, – прорычал капитан.

То ли дело было в особых вибрациях его голоса, то ли в чем-то другом, но по спине Мэдди прокатилась дрожь, тело вспомнило прошлую ночь, влажный след от его губ на шее, жаркое дыхание, щекочущее ухо...

И вдруг с ней случилось то, чего не случалось никогда: желание накрыло ее с головой, так, что в глазах потемнело, уши заложило и стало нечем дышать.

И думать тоже стало нечем. Желание заблокировало работу мозга.

И это было самое ужасное.

Наконец случилось то, о чем она так долго мечтала – перед ней открылась возможность стать по-настоящему независимой. Возможность зарабатывать себе на жизнь, иллюстрируя книги. Не просто книги, а научную энциклопедию.

В четырех томах.

Подарок судьбы.

Один неверный шаг – и дверь захлопнется перед ней. Ну почему Логан не мог восстать из мертвых на неделю позже!

– Вы все лучше поймете, если увидите своими глазами, – сказала Мэдди, взявшись за ручку двери. – Проходите.

Сердце Мэдлин забилось чаще, когда она открыла перед ним дверь. Вообще-то она никогда никого не пускала в свою студию, даже тетю Тею, даже лорда Варли, на которого работала. Но Мэдди не видела иного выхода. Она должна была объяснить капитану Маккензи, что за отношения ее связывают с сегодняшним визитером.

И кстати, знакомство с ее студией и с ее работой может отбить у капитана Маккензи всякое желание с ней общаться. Повезет, так он, может стать, убежит, куда глаза глядят, когда увидит воочию, с какой странной

женщиной он связался. И скатертью дорога!

Глава 7

Пресвятые угодники! Выходит, правду говорят об этих старинных замках. Логан оказался в самой настоящей комнате ужасов.

Следом за Мэдлин он поднялся по узкой винтовой лестнице. Окон не было, но во вбитых в стены канделябрах горели свечи. Впрочем, света едва хватало, чтобы осветить ступени.

Комната, куда привела его Мэдлин, была узкой, с высоким потолком и лишь одним небольшим окном. Она чем-то напоминала тюремную камеру. Логан окинул взглядом эту «камеру» и не на шутку встревожился. С полки на стене, всего в полуметре от его лица, на него глядело чучело совы. Да и прочие обитатели этого помещения были не лучше: морские крабы и моллюски, обломки кораллов, птичьи гнезда, сброшенная змеиная кожа, насекомые и бабочки, приколотые к доскам... Но самые жуткие создания плавали в банках с мутной жидкостью.

– Здесь холод собачий, – сказал Логан.

– Так надо для Рекса и Флаффи.

– Кто такие эти Рекс и Флаффи?

– Крабы. Кажется, я их вчера упоминала.

– Да, теперь припоминаю. У тебя есть крабы, которых зовут Рекс и Флаффи.

– То, что мои питомцы – крабы, а не привычные всем собаки или кошки, еще не значит, что я не могу дать им приличные имена. – Мэдди улыбнулась. – Мне понравилось, как вы сказали «Флаффи». У вас так вкусно получилось. Они вот здесь. – Мэдди рукой указала в дальний конец комнаты, туда, где стоял большой стеклянный аквариум. От него пахло морем.

– Вы их для еды выращиваете?

– Нет, что вы! – испуганно воскликнула Мэдди. – Я за ними наблюдаю. Мне заказали иллюстрации их жизненного цикла. Но с этим возникло затруднение. Я все никак не могу дождаться, когда они спарятся. Натуралист, который нанял меня для этой работы, сообщил, что Флаффи – это самка – перед спариванием должна «полинять», то есть сбросить панцирь. И лишь затем самец сможет впрыснуть в нее семя. Вопрос в том, чтобы увидеть этот процесс и запечатлеть его. Я попыталась представить, на что это может быть похоже, и уже сделала несколько зарисовок.

Мэдди подошла к широкому, заваленному листами бумаги и

карандашами столу, и, порывшись в одной из стопок, вытащила несколько листов. На каждом из них были запечатлены крабы, совокупающиеся в разных позициях.

Логан ничего подобного никогда не видел. Мэдлин создала нечто вроде интимного дневника крабов. Он окинул взглядом ее рабочий стол: чернильницы-непроливайки, разложенные в каком-то ей одном ведомом порядке карандаши и перья. Наброски карандашом и пером: то гнездо дрозда, то крыло кузнечика.

Логан взял в руки рисунок стрекозы и посмотрел на просвет. Случилось чудо. Рисунок ожил.

Логан знал о том, что Мэдди хорошо рисует, поскольку рисунки были на полях всех ее писем, иногда в конверт она вкладывала дополнительный листок с каким-нибудь наброском, но о том, насколько она талантлива, Логан даже не догадывался.

Опуская лист со стрекозой, Логан заметил, что Мэдлин изучает его так же пристально, как он изучал рисунок стрекозы. Под взглядом ее внимательных темных глаз Логан вдруг почувствовал себя неудобно.

– Это всего лишь набросок, – сказала Мэдди, покусывая губу. – Над ним еще надо поработать.

– Не надо, – сказал Логан. – Она и так того и гляди вспорхнет с листа.

– Вы действительно так думаете?

Мэдди побледнела, словно его мнение было для нее жизненно важным. Но ведь при наличии такого таланта и таких друзей, как Варли, зачем ей похвала какого-то шотландского солдата?! И тем не менее, в глазах ее было столько трогательной беззащитности, что Логан не мог не откликнуться и предпринял попытку сделать Мэдди комплимент.

Ученые мужи много всего умного говорили об искусстве, но, увы, их высказывания были Логану неизвестны, и потому он сказал первое, что пришло на ум:

– Она такая красивая, эта ваша стрекоза. Еще лучше, чем в жизни.

Мэдди перевела дух, и кровь прилила к ее щекам. Она улыбнулась, и Логан ощутил себя триумфатором.

Столько лет он только и делал, что сеял страх и разорение – такова природа войны, но сейчас пришло иное время. Приятно чувствовать себя способным не только разрушать, но и творить. Вот эту улыбку на ее губах он только что сам сотворил.

– Как вам это удастся? – спросил Логан со вполне искренним интересом. – Как вы так точно их рисуете?

– Вам это может показаться странным, но суть не в том, чтобы

изобразить объект, а в том, чтобы изобразить пространство вокруг него. Выемки, тени, пустоту. Как рисуемый вами объект преломляет свет? Что заменяет собой? Когда я начинаю рисовать животное, да и не только животное, все, что угодно, я внимательно смотрю на него и спрашиваю себя, чего не хватает.

Логану вспомнилось, как Мэдди пару минут назад на него смотрела. Не этим ли вопросом она задавалась тогда, изучая его, Логана? Чего именно ему не хватает?

– Так вы об этом думали, когда я перехватил ваш взгляд?

– Возможно.

– Советую тебе не тратить время попусту, сердце мое.

Мэдди скрестила руки на груди и склонила голову набок, пристально на него глядя.

– Должна сказать, что я провела не один год, наблюдая за самыми разными существами. Знаете, что я заметила? Те, что стараются казаться непробиваемыми, те, кто одевается в самую крепкую броню, внутри больше всего похожи на желе.

– На желе?

– Ну да. Или на студень, если вам он больше по вкусу.

– То есть вы думаете, что я внутри похож на студень.

– Может, и так.

Логан недоверчиво покачал головой.

– Возможно, внутри у меня вообще ничего нет.

Логан перевел взгляд на висящую на стене карту мира. Страны и континенты были утыканы булавками.

– Что бы это значило? – спросил Логан, кивнув на карту.

– Всякий раз, когда мне поступает заказ нарисовать какое-нибудь экзотическое существо, я втыкаю булавку в то место, где эти создания водятся. Мне всегда хотелось поехать по миру, но из-за войны и моей болезненной застенчивости пришлось отказаться от этой мечты. И вот вы видите мою версию путешествия вокруг Земли.

Логан изучал карту. Булавками были отмечены Египет и Индия, Вест-Индские острова, но особенно много булавок было воткнуто в такие страны, как Боливия, Бразилия, Аргентина.

– Судя по количеству булавок, больше всего вам заказывают животных из Южной Америки, верно?

– Да. Это в основном насекомые. Что возвращает нас к теме лорда Варли. Он недавно вернулся из экспедиции в амазонские джунгли, где обнаружил девятнадцать новых видов жуков. Я сделала рисунки, и он

собирается на следующей неделе показать свои находки коллегам.

– То есть вы закончили свою работу и больше для него ничего не рисуете? Хорошо.

– Это не совсем так. – Мэдди забрала у него из рук очередной рисунок, который Логан решил рассмотреть, и отложила его в сторону. – Скажу больше, я очень рассчитываю на новые заказы, и не только от лорда Варли.

Логан покачал головой.

– Я не думаю, что у вас будет на это время.

– Но вы сами сказали, что мы не станем друг другу мешать. Каждый будет заниматься тем, что его интересует. У вас – своя жизнь, у меня – своя.

– Я сказал это раньше.

– Раньше, чем?..

– Раньше, чем я узнал, что ваша «своя жизнь» включает того шакала, – с нажимом на последнем слове сказал Логан и махнул рукой в сторону лестницы.

– Не стоит гневаться на лорда Варли лишь на том основании, что он пригласил меня в гости. Лорд Варли сделал это исключительно из вежливости. Это во-первых. А во-вторых, я и не собиралась принимать это приглашение. Вы уже знаете, что я не люблю бывать там, где собирается много людей.

– Мне следовало бы принять приглашение за нас обоих.

Мэдди только рассмеялась. Что тут комментировать?

– Нет, правда. Я сам отвезу вас на тот бал и приму меры к тому, чтобы этот ваш лорд Варли и все ваши прочие нудисты...

– Натуралисты.

– Чтобы все ваши насекомые держали свои хоботки подальше от моей жены.

Мэдди покачала головой.

– Лорд Варли заказывает мне иллюстрации, и наши отношения ограничиваются работой.

– А он очень даже не против расширить рамки.

– Я еще не ваша жена. Самое главное условие не выполнено.

Логан положил ладонь ей на затылок и посмотрел прямо в глаза.

– Оно будет выполнено, уж поверьте.

– Логан, вы... – Мэдди искательно заглядывала ему в глаза. – Не может быть. Логан, вы меня ревнуете?

– Он вас трогал.

– И что с того, капитан Маккензи? Вы подарили мне брошь, на

которой выгравированы инициалы другой женщины, но я не устраиваю вам сцен ревности.

Логан не торопился глотать наживку.

– Если вы думаете, что я питаю нежные чувства к другой женщине, вы все не так понимаете. У меня вообще нет никаких чувств. Ни к кому. Вот так, сердце мое.

– Вот, кстати, и еще кое-что. Я прошу перестать меня так называть. Если у вас нет чувств, не понимаю, причем тут «мое сердце».

– Все очень просто. Если бы я к вам что-то чувствовал, то мне было бы куда труднее называть вас «сердце мое». А так «мое сердце» ровно ничего для меня не значит.

– Пусть будет по-вашему, – сказала Мэдди. – Надо ли мне понимать вас так, что вы жили бессердечным отшельником всю вашу жизнь?

– Нет, разумеется, не всю свою жизнь я жил как монах. Только последние несколько лет. И кстати, вы в этом виноваты.

– Не понимаю, при чем тут я.

– Было время, – сказал Логан, – когда я очень любил проводить досуг в женской компании. Но своими проклятыми письмами вы лишили меня этого удовольствия. Посадили меня, можно сказать, в клетку.

– Я вас не понимаю.

– Все мои однополчане думали, что у меня есть любимая. Преданная мне любимая. И они хотели видеть в моем лице верного своей невесте солдата. И потому отгоняли от меня женщин легкого поведения. Другие офицеры ходили в бордели, а я оставался в лагере. Наш походный капеллан грешил больше меня. – Логан раздраженно провел рукой по волосам. – Я не был с женщиной почти с ветхозаветных времен.

Мэдди усмехнулась.

– Вы хотите сказать, что хранили мне верность?

Логан закатил глаза.

– Не специально же! Не придумывайте того, чего не было.

– Поверьте мне, я очень стараюсь этого не делать. Но у меня слишком богатое воображение. Я живо представляю вас одиноко и понуро сидящим у костра возле пустой лагерьной палатки, тогда как все ваши друзья-офицеры гуляют в городе по соседству. Вы держите в руках одно из моих писем и гладите его, словно влюбленный...

«Нет, нет и еще раз нет».

Надо положить этому конец. И сделать это прямо здесь и сейчас.

Логан крепко взял ее за талию и привлек к себе, отчего Мэдди испуганно вскрикнула.

Тела их вошли в плотное соприкосновение: ее нежное и мягкое, его суровое и твердое.

– Я не романтик, повторяю. Все эти вздохи и охи – они не про меня. Я примитивен и груб. И то, что я чувствую, к романтике отношения не имеет. – Голос его сделался хриплым. – Вы, Мэдлин Элоиза Грейсчерч медленно сводили меня с ума. Не от любви. От похоти. Годами.

Мэдди не знала, то ли ей смеяться, то ли плакать. Вернее, то ли истерически хохотать, то ли падать в обморок от радости. Выходит, она, не ведая о том, годами играла роль роковой соблазнительницы?

Мэдди не знала, как на это реагировать.

И посему, вполне естественно, она сказала первое, что пришло ей в голову.

– В самом деле? – спросила Мэдди как-то очень по-детски.

Логан не стал ничего говорить. Просто приблизил лицо к ее лицу.

Мэдди увернулась от его поцелуя.

– Что это вы собрались делать?

– Ничего такого, что шло бы против ваших желаний. – Пальцем он водил медленные круги в районе ее копчика. Поразительно, как столь скромными средствами ему удавалось так эффективно ломать ее сопротивление. Мэдди злилась, но ничего не могла поделать с предательскими реакциями собственного тела.

– Мне сдается, ты сама этого хочешь, – продолжил Логан. – Я знаю, что ты любопытна. Я убедился в этом вчера ночью, наблюдая за тобой.

– Именно по этой причине мне нужно время. Я к этому не готова. Я не готова к тому, что может за этим стоять.

– За этим ничего не стоит. Все ограничивается чисто телесным удовольствием. Представьте, что вы едите что-то вкусное. Так и здесь.

– Даже не сомневаюсь, что вы именно так и относитесь к телесной близости, но я пока не настолько продвинулась в этом вопросе. Не представляю, что надо сделать, чтобы «это» для меня ничего не значило. Моя беда в том, что я слишком много думаю и порой нахожу особый смысл там, где его попросту нет. И я боюсь, что вскоре я начну говорить себе, что вы...

– Что я?

«Что вы в меня влюблены».

Вот от этой опасности Мэдди и должна себя оградить. Она понимала, что Логан не тот мужчина, который может в нее влюбиться.

– Давайте дадим себе труд задуматься на минуту, что будет, если мы не станем консумировать брак.

Логан поднял голову.

– Это исключено.

– Тогда я попробую сформулировать вопрос иначе: возможно ли иное решение проблемы, которое устроило бы нас обоих? Что, если я отдам землю в аренду вам и вашим людям? Разумеется, арендная плата будет минимальной.

Логан покачал головой.

– Меня такое решение не устраивает. Вы думаете, мои люди не платили аренду за те земли, что у них все равно отобрали? Чего стоит в Шотландском нагорье слово английского землевладельца? Ровным счетом ничего.

– Я не просто английская помещица. Я – английская помещица, у которой есть весьма убедительная причина держать слово. Мне вы можете доверять.

– Доверять вам! И это предлагает женщина, которая годами лгала окружающим.

– Я никогда не лгала вам.

Логан удерживал ее взгляд.

– Даже если бы я был уверен в вас, я не могу быть уверен в завтрашнем дне. Что, если с вами что-то случится?

– Вы о чем? О том, что я могу умереть?

– Вы можете выйти замуж за кого-то другого.

Мэдди это предположение насмешило.

– Вы думаете, у меня есть шанс выйти замуж? Я – давно и окончательно списанный товар, покрытый густым слоем пыли.

– Вы – женщина из хорошей семьи, вы наследница, и вы необычайно хороши собой. Я не могу поверить в то, что у вас нет перспектив.

Мэдди хотела было продолжить спор, но мысль ее споткнулась о его неожиданный комплимент. Неужели он и правда считает ее красивой?

– Если вы выйдете замуж или умрете, земли перейдут в другие руки, – продолжил Логан. – И тогда всем вашим благим намерениям грош цена. Так что, сами видите, аренда – не вариант.

– Тогда я не вижу никаких приемлемых решений, – со вздохом сказала Мэдди.

В дверь постучали, и раздался голос Бекки.

– Мадам, кухарка спрашивает, на сколько людей готовить ужин.

– На восемь человек, – ответил Логан.

– На восемь? – переспросила Мэдди.

– Вы, я, ваша тетя и мои пятеро солдат. Итого восемь.

Мэдди покачала головой.

– Мы редко ужинаем все вместе. Чаще всего я работаю допоздна в этой студии, а потом легко перекусываю перед сном у себя в спальне.

– Ну что же, сегодня вам придется нарушить традицию. Мы с вами устраиваем торжественный ужин. Как муж и жена.

– Вы сами говорили, что наш брак – не более чем договор, устраивающий нас обоих. Вы согласились с тем, что я буду жить так, как привыкла.

– И так будет, как только мы станем мужем и женой по всем правилам. Но вас, похоже, это не устраивает. – Логан достал из кармана листок. – Может, вас больше устроит, если вся Англия узнает о вашем романе с подушкой?

– Логан, это несправедливо.

– А я никогда не обещал вам, что буду справедлив. Я обещал вам вернуть письма в обмен на брак. И я все еще не получил обещанного.

– Вы – негодяй.

Логан усмехнулся.

– Я – горец, я – воин, и я знаю, что такое «пожар». Я – именно то, о чем вы просили, сердце мое. Так что вам не на что жаловаться.

С этими словами Логан вышел из студии, и эхо его гневных шагов звучало еще долго после его ухода. Логан вел себя так, словно он хозяин этого замка. Но это не так. Еще не так. У Мэдди оставался один выход – найти письма. Если она сможет найти их и сжечь, исчезнет угроза. Мэдлин надеялась найти их этим утром, но визит лорда Варли помешал ей осуществить задуманное. Как бы там ни было, Логан не сможет долго их прятать. А пока письма не найдены, она может кое-чему поучиться у Флаффи – нарастить непробиваемый панцирь и прятаться в нем так долго, как только сможет.

Глава 8

Логан знал, что его жена – или все же невеста? – не рассчитывала на то, что ей придется кормить и развлекать за ужином полдюжины солдат. Однако он не стал просить прощения за то, что навязал ей эту обязанность. Он должен был показать им, что его брак – настоящий, вне зависимости от того, что произошло или не произошло в их спальне прошлой ночью.

Главный зал замка имел размеры, позволяющие принимать вдвое больше народа. Весь их импровизированный клан занимал меньше половины стола. И самое главное, его товарищи заслужили право ужинать, сидя за столом, есть из фарфоровых тарелок, пить из стеклянных рюмок и пользоваться серебряными столовыми приборами. На ужин сегодня подали запеченную баранину и к ней несколько разных соусов, фрукты в желе, устрицы и прочие деликатесы.

Стол ломился от яств – все было именно так, как он обещал своим бойцам, когда они шли на смерть, сражаясь с Наполеоном.

Логан не давал обещаний, которых не мог выполнить, особенно тем, кто был ему дорог. А эти люди, пусть сломленные, пусть увечные, и были его семьей. Логан своих не бросит. Первые полчаса все ели молча.

Но как только первый голод был утолен, Рабби обязательно должен был все испортить.

– Я должен сказать, миссис Маккензи, что, рассказывая о вас, наш капитан не отдавал вам должное.

Логан послал ему предупредительный взгляд, не на шутку встревожившись.

– В самом деле? – встрепелась тетя Тея. – И что же капитан вам о ней рассказывал?

– Очень немного, мадам. Но если бы мне так повезло, как повезло нашему капитану, то у всего полка уши бы завяли от моего хвастовства.

Монро презрительно хмыкнул.

– У всего полка и так от твоего хвастовства уши завяли.

Мэдди скромно улыбалась. Логан заметил, что она, словно невзначай, поглаживает ключицу. Он уже знал, что она всегда так поступает, когда нервничает. К сожалению, действие, которое ее успокаивало, в случае с Логаном производило противоположный эффект. Он поджаривался на медленном огне желания. Логан судорожно сглотнул, не в силах отвести взгляда от ее изящного пальчика, массирующего ключицу.

– Итак, капитан, – сказал Каллум, – раз уж мы теперь все вместе собрались, может, расскажешь нам всю историю с самого начала? Как ты ее окрутил?

Логан мысленно встряхнулся и с преувеличенным энтузиазмом принялся за еду.

– Да все, как у всех, – промычал он с набитым ртом.

– Вот видите, мадам, – обратился к Мэдди Рабби, – из нашего капитана слова не вытянешь.

– Слова не вытянешь? – вступила в разговор тетя Тея. – Но вы заблуждаетесь! Не этот ли мужчина написал Мэдди столько красивых писем!

– Капитан Маккензи писал ей письма?

– Да, конечно. Он посвящал нашей Мэдди целые поэмы. И какой слог!

О чем, черт возьми, тетя Тея толкует? Логан, прищурившись, взглянул на Мэдди. Та, покусывая губу, смотрела в бокал с вином.

– Я даже не сомневаюсь, что Мэдди сохранила все его письма. Мэдлин, ты не могла бы принести их сюда, и мы попросим капитана Маккензи прочесть хотя бы одно или два. Наконец сбудется моя мечта: услышать эти слова из уст того шотландца, который их писал.

– Это ни к чему, – сказал Логан.

– Может, необходимости в том и нет, – сказала тетя Тея, – но зато как нам всем будет приятно. Вы такой милый.

Ну вот, сначала его обозвали чутким, потом милым. Куда катится мир?

– Никто не захочет их слушать, – не зная, как еще отвертеться, произнес Логан.

Хитрая физиономия Каллума расплылась в ухмылке.

– Я хочу.

И тут его поддержали все остальные, за исключением Гранта.

– Может, в другой раз, тетя Тея, – предложила Мэдди. – Мы все сидим за столом, а письма лежат у меня в туалетном столике в спальне, на самом верху. Неприлично хозяйке надолго оставлять гостей.

– О том, чтобы тебе уйти, и речи быть не может, – сказал Логан.

– Никто и не спорит, – согласилась тетя Тея. – Оставайся здесь, Мэдлин. Я сама за ними схожу.

Легкая, как козочка, тетя Тея выпорхнула из-за стола раньше, чем Логан и его бойцы успели встать в знак уважения к даме.

После ухода тети Теи Логан наклонился к своей невесте и шепотом спросил:

– О каких письмах она говорила?

Мэдди для маскировки поднесла бокал к губам и также тихо ответила:
– Переписка потому так и называется, что у нее две стороны. Не обессудьте, но мне пришлось сочинять ответы за вас.

– И что именно писал вам этот «ваш» капитан Маккензи?

В темных глазах Мэдди блеснула смешинка.

– Возможно, вам следовало бы поинтересоваться этим до того, как принуждать меня к браку. Что бы ни написал «мой» капитан Маккензи, авторство припишут вам.

Логана передернуло от отвращения при мысли о том, что могла вложить ему в уста наивная шестнадцатилетняя английская аристократка.

«Не к добру это все. Ох, не к добру».

– Может, совершим обмен, – шепотом предложила Мэдлин. – Я отдам вам ваши письма, а вы мне вернете мои.

– У вас в столе лежат не мои письма.

– Те письма, что я отправляла по почте, тоже не ваши. А вы, тем не менее, заявляете на них права. Нельзя одновременно отрекаться от них и признавать своими. Так не бывает.

Мэдлин кокетливо захлопала ресницами. Вот она, оказывается, какая. Дашь ей палец, руку откусит. Стоило ему только проявить слабину, как она уже готова была прибрать его к рукам, соблазнительница. Интриганка.

И, черт побери, ему это понравилось. Уверенность в собственной привлекательности творит с женщиной чудеса. Никакие румяна не могут сделать того, что творит вера в свои силы. Темные глаза ее загадочно блестели. Эти смешливые искорки обладали громадной зажигательной мощью.

Между тем в столовую вернулась тетя Тея.

– Вот мы и здесь, – сказала она и выложила на стол стопку пухлых конвертов. Их количество впечатляло. Здесь было не меньше сотни писем. Стопка была аккуратно перевязана красной бархатной лентой, которую тетя Тея принялась развязывать.

Логан тихо вздохнул.

Он и прежде догадывался, что ничего хорошего ждать не стоит, но теперь видел, что его ждет неизгладимый позор.

Рабби встал и, прочистив горло, произнес:

– Буду рад предложить свои услуги декламатора.

Логану очень хотелось пырнуть Рабби вилкой в бок.

– В твоих услугах не будет нужды.

– Так вы сами будете читать? – не удержалась от вопроса Мэдди.

– Да.

На самом деле, меньше всего на свете Логану хотелось читать эти письма. Лучше уж сквозь землю провалиться к паукам и прочей нечисти. Но у него не было выбора. Логан не мог допустить, чтобы хоть одно из этих писем попало в руки кому-то из его бойцов. Почерк своего командира они отлично знали.

Мэдди была права. Что бы ни содержали эти послания, он не мог отрестить от них, потому что отказавшись признавать себя автором этих писем, он должен был бы отказаться и от своих притязаний. И тогда он уже не сможет обеспечить своих товарищей землей, в которой они отчаянно нуждались.

– Давайте их мне, тетя Тея, – сказала Мэдди. – Я выберу свое любимое.

– Только одно, – предупредил ее Логан.

Да, он прочтет это единственное письмо, после чего сожжет их все и больше никогда ни словом о них не обмолвится и другим заикнуться не даст. Даже под пыткой.

Судя по тому, с каким довольным видом ухмылялась его невеста, Логана ждало бесчестье, которое ему вовек не забыть.

– Вот, прочтите, – сказала Мэдди, и Логан по выражению ее лица понял: пришла его гибель. – Это письмо в стихах.

Мэдди с уже знакомой ему завораживающей пристальностью смотрела на него. Изучала его реакцию.

– В стихах, – эхом откликнулся Логан.

Удивительное дело: он произносил слова, не размыкая зубов. Как такое возможно?

– Да. Там целых два стихотворения, – произнесла Мэдди, потягивая вино и со злорадным торжеством наблюдая за капитаном.

Вот и на ее улице настал праздник. Да, этот горец явился к ней, взяв на себя функции ангела мщения. Он не оставил ей выбора. Какое бы решение она ни приняла, ее жизнь уже не будет такой безмятежной и благополучной, как раньше. Мэдди не строила иллюзий: в этой войне ей не выиграть. И все же она не сдалась без боя. Хоть одну высоту, но ей удалось удержать.

Рабби засмеялся с полным ртом.

– Мы и не знали, что ты у нас поэт, капитан.

– Никакой я не поэт.

– О, не скромничайте, – сказала тетя Тея. – Я знаю, Маккензи отправил Мэдди несколько писем в стихах, и среди этих стихов есть одно-два очень неплохих.

– Это – мое любимое, – с улыбкой сказала Мэдди.

Логан со вздохом развернул письмо. Затем он положил листок на стол, порылся у себя в сумке и достал нечто совершенно неожиданное.

Очки.

Маккензи надел очки и сразу преобразился.

Очки сильно изменили его к лучшему.

По крайней мере, в глазах Мэдди.

Не умаляя его мужественности, очки, пусть только внешне, добавили ему интеллекта. А сила и ум – роковое сочетание для мужчины. Очень зажигательная смесь.

Мэдди пришло на ум сравнение со львом, который, даже одетый во фрак и щеголяющий безупречными манерами, остается львом – опасным и кровожадным хищником.

Бойцы капитана Маккензи уже теряли терпение.

– В чем дело, капитан?

– Передай письмо сюда, я прочту.

– Я не буду против, если ваши стихи прочтет кто-нибудь из ваших друзей, – сказала Мэдди.

Логан злобно посмотрел на нее из-под очков.

От этого взгляда волоски на всем ее теле встали дыбом.

Наконец, Логан прочистил горло.

– Моя дорогая Мэдлин, – без всякого выражения прочел он, – ночи здесь длинные и холодные, но мысли о вас согревают меня.

Солдаты одобрительно забарабанили по столу.

– Я часто думаю о вашем чарующем лице, об этих темных глазах и о вашей нежной, сливочного цвета коже. – На лбу у капитана от напряжения стала скапливаться испарина.

Рабби присвистнул.

– Вот уж, капитан, удивил так удивил.

– Молодец, капитан, – поддержал товарища Каллум.

Логан, судя по всему, не чаял добраться до конца послания как можно скорее.

– Когда война закончится, я обниму вас крепко-крепко и больше никогда не отпущу. А пока... Пока, любовь моя, я посылаю вам этот стих.

– А дальше что? – не выдержав затянувшейся паузы, поинтересовался Рабби.

Мэдди пришлось зажать рот рукой, чтобы не расхохотаться. Как все-таки хорошо, что ее таланты ограничивались рисованием и никак не распространялись на поэзию. Хорошо, что под этими виршами стояла не ее

подпись, а подпись капитана Маккензи.

– Посвящается той, кого я буду любить всю жизнь, – прочел Логан.

– Читайте дальше, – подбодрила его Мэдди. Я помню все ваши стихи наизусть. Если там клякса или чернила выцвели, я всегда подскажу.

– Обойдусь без посторонней помощи, – сказал Логан.

Мэдди заглянула в листок.

– Оно начинается так: «Ах, если бы был птицей я...»

Логан перевел дух и с решимостью смертника бросился в бой.

Стихи он декламировал своим раскатистым звонким басом:

Ах, если бы был птицей я,
То пел бы только для тебя.
А если бы шмелем я был,
То жалил всех, кто вам не мил.
А если бы утесом стал,
Для вас до неба я б достал.
А был бы дудочкою я...

Чтение пришлось прервать, потому что Каллумом овладел сильнейший приступ кашля. Рабби изо всех сил дубасил его по спине.

– Все, довольно с вас? – спросил Логан. – Ты что, собрался помирать, Каллум?

Каллум, красный от натуги, замотал головой.

– А жаль. Я-то надеялся, что ты помрешь.

– Не обращай на меня внимания, – выдавил Каллум. – Продолжай читать.

А был бы дудочкою я,
Играл бы только для тебя.

Отчего-то кашель Каллума оказался заразительным. Приступ охватил всех присутствующих, включая слуг. Мэдди тоже боролась с приступом удушья. Логан не унимался. Очевидно, он задался целью убить их всех, чтобы не осталось в живых ни одного свидетеля его унижения.

А если бы конем мне стать,
Одной тебе на мне скакать.

Лесным пожаром был бы я,
Я все спалил бы для тебя.
Но раз мужчиной создан я,
Мне суждено хотеть тебя.

Логан швырнул листок на стол и, сняв очки, протер салфеткой стекла.
– От всей души, с любовью и так далее. Вот и конец.
Мэдди показалось, что она услышала, как он добавил шепотом:
– Конец моему чувству собственного достоинства.
Словно по мановению волшебной палочки, у всех разом прекратился кашель. Повисла тишина.

– У меня в аптечке имеется самое лучшее лекарство от кашля. –
Первой оправилась тетя Тея. – Капитан, я готова с вами поделиться.
Некоторым вашим товарищам мое лекарство не повредит.

Мэдди дала знак прислуге убирать тарелки и нести десерт.
– Я вот только одного понять не могу, – сказал Рабби. – Почему она
решила, что ты умер?

Мэдди оказалась в трудном положении. До сих пор у нее никто не
требовал официального свидетельства о смерти капитана Маккензи. Ей
верили на слово.

– У меня в сумке лежало прощальное письмо, – сказал Логан. – С
адресом Мэдлин и надписью на конверте: «Отправить в случае смерти в
бою». Я думал, что потерял его, но, как оказалось, сам отправил его по
ошибке.

Рабби наморщил лоб.
– Это объясняет, почему она перестала писать тебе. Но почему ты
перестал ей писать?

Тут решил вмешаться Каллум.
– Неужели не ясно? Он решил, что Мэдлин больше его не любит. Разве
с нашими любимыми такого не случилось?

– Ему бы стоило верить в меня, – сказала Мэдди и нежно пожала
Логану руку. – Ах, ты мой глупенький.

Логан послал Мэдди суровый взгляд, словно хотел сказать, что «ты
мой глупенький» – уже перебор. У Мэдди возникло тревожное ощущение,
что Логан этого так не оставит. Как только они останутся наедине, он
нанесет ответный удар.

Глава 9

Дурное предчувствие не покидало Мэдди. С тяжелым сердцем она пожелала гостям и тете спокойной ночи. Супруги поднимались по лестнице в напряженном молчании.

– Я велела Бекки приготовить для вас отдельную комнату, – сказала Мэдди, когда они подошли к дверям ее спальни. – Она в конце коридора.

Логан покачал головой.

– Мы будем жить вместе, детка. В одной комнате, – сказал он и, распахнув дверь в ее спальню, решительно переступил порог. Логан чувствовал себя здесь как дома.

– В тех местах, откуда я родом, каждый из супругов имеет отдельную спальню.

– Теперь ты живешь в Шотландском нагорье, детка. У нас тут свои обычаи. – Логан снял сапог и кинул его в угол. – Если ты думаешь, что я выстрадал твое проклятое стихотворение, чтобы спать как пес под дверью, ты сильно ошибаешься.

Логан стащил второй сапог и принялся раздеваться.

Мэдди хоть и понимала, что ведет себя неприлично, не могла отвести от него взгляд. Интересно, капитан осознает, насколько хорош собой? И, вроде бы, Логан ничего особенного не делал для того, чтобы ее привлечь. Просто готовился ко сну. Но как он при этом двигался! Каждое движение скупое и точное. Совершенное.

Он стащил рубашку и откинул ее в сторону. В неровном свете углей, тлеющих в камине, мышцы плеч и спины проступали четкими контурами. Логан подошел к умывальнику, плеснул воды в таз, намылil лицо и шею, смыл водой, намочил мочалку и протер тело до пояса. Теперь он будет пахнуть этим мылом. И еще собой.

Мэддин мысленно встряхнула себя.

– Вам действительно так важно, чтобы ваши люди поверили в этот фарс, да? Я имею в виду наш брак.

Логан еще раз ополоснул лицо, затем провел рукой по волосам.

– Не приведи бог кому увидеть и пережить то, что пережили они на войне. А когда они вернулись домой, оказалось, что дома у них нет. Я не хочу, чтобы мои товарищи волновались из-за того, что их и отсюда могут выгнать.

Мэддин в который раз восхитилась его преданностью друзьям. Но,

какую бы симпатию ни вызывала в ней эта, безусловно, достойная черта характера ее так называемого мужа, она не могла позволить своей симпатии увести ее в сторону от насущной проблемы.

– Вы, – сказала Мэдди, – законченный лицемер.

Логан ответил ей, не прерывая чистки зубов. И потому речь его была не совсем членораздельной.

– С чего это вы взяли?

– Вы готовы меня огнем пытаться за то, что я солгала, будучи наивной шестнадцатилетней девушкой, а сами словно не замечаете того, что точно так же обманывали всех окружающих на протяжении того же длительного отрезка времени, что и я.

Логан прополоскал рот и повернулся к ней лицом.

– Я не лгал, а просто...

– Вы просто не опровергали ложные предположения. И это длилось годами. Вы ничем не лучше меня, Логан. Вы позволили своим товарищам поверить в то, что у нас с вами роман, и теперь вы точно так же, как и я, по уши завязли во всей этой липкой истории. И вам точно так же, как и мне, необходимо поддерживать в окружающих созданную вами иллюзию. Знаете, что я думаю? Вы блефуете. Я могу отказаться вступить с вами в сговор, выгнать вас из замка, и вы никогда не отдадите эти письма владельцам скандальных газет.

– Недооценивая меня, вы совершаете ошибку, – с угрозой в голосе произнес он.

– О нет, я вас не недооцениваю. Я прекрасно понимаю, как много вы инвестировали в собственную гордость. Как много для вас значит почитание вас теми солдатами, что вы привели с собой.

– Я не жажду их почитания, как вы говорите. Мне важно не обмануть их доверие. Да, их доверие для меня многое значит. Я обещал им, что если они будут стоять друг за друга и за меня, их командира, на поле битвы, то потом, вернувшись в родную Шотландию, они не будут знать горя. И я ни перед чем не постою, чтобы сдержать слово. Ни перед воровством, ни перед шантажом.

Логан, набычившись, шагнул к ней, и Мэдди в страхе отступила.

На шаг, потом еще на шаг. Пока не уперлась икрами в кровать. Он загнал ее в угол.

– Говоря об общих для нас особенностях характера, – сказал Логан и провел пальцем по ее ключице, – я кое-что о тебе теперь знаю. Я заметил, как ты там, внизу, со мной флиртовала.

– Флиртовала? Что за чепуха!

– Ты только на меня и смотришь. Словно я тебя приворожил.
– Дело не в вас, дело в вашем килте.
– Могу допустить, что тебе понравился мой килт, но еще больше тебе нравится моя статья.

– Стать? – Мэдди попыталась рассмеяться, но вышло не очень убедительно. Капитан Маккензи и правда был статным парнем.

– Ты раздевала меня взглядом.

– Что? – Мэдди вдруг осипла, и вопрос ее сильно напоминал мышинный писк. Она прочистила горло и предприняла вторую попытку. – Даже если бы я это делала, а я этого не делала, то я бы делала это из чисто художественного интереса.

– Скажи это моей заднице! Придумала тоже: художественный интерес.

– Мне неприятно вам об этом говорить, но у меня не возникло – пока не возникло – художественного интереса к вашей заднице.

Логан наклонился к ее уху и прошептал:

– Тебе точно так же не терпится консумировать этот брак.

– Вы слишком много на себя берете!

– Детка, я так не думаю.

Мэдди уперлась ладонью в его грудь: отчасти чтобы его оттолкнуть и отчасти чтобы получить удовольствие от прикосновения к его обнаженному телу. Он был таким теплым и твердым. Тверже, чем она думала. И жесткие пружинки волос на его груди приятно щекотали ладонь.

«О, Мэдди, ты попала!»

Она должна была как можно скорее вернуть себе главенствующие позиции. По крайней мере, в разговоре с ним.

– Вы говорите о необходимости обрести дом, о том, что кочевой жизни надо положить конец... Но ведь вы не только о своих товарищах печетесь. Не бывает у людей такой самоотверженности. Должно быть, вам и самому нужна эта земля.

Логан отшатнулся, прервав телесный контакт.

– Начнем с того, что у меня никогда не было дома. Так что мне и терять было нечего. В этом смысле я счастливчик.

О нет, только не это. Опять жалостливая история несчастного сироты.

Глупое сердце ее сочувственно сжалось.

Мэдди схватила ночную рубашку и шмыгнула за ширму, поскорее спрятаться от него, от его сиротского детства и от своего к нему сочувствия.

Натягивая рубашку, она напоминала себе, что сирот на свете немало.

Что сиротство его не оправдывает. Мэдди и сама потеряла мать в далеком детстве.

Но, с другой стороны, дом был у нее всегда. И, вот уж точно, ей не приходилось спать в хлеву с баранами и овцами, а также питаться тремя корочками хлеба в день.

И вновь сердце ее сжалось от сострадания.

Мэдди решила игнорировать сердечные послы. Логан Маккензи загнал ее в этот брак с помощью беззастенчивого, наглого шантажа. Он подарил ей обручальную брошь – считай, обручальное кольцо, если мыслить в привычных ей, англичанке, категориях – уже бывшую в употреблении. Если абстрагироваться от эмоций и следовать логике, она не должна испытывать к нему никакого сочувствия и никакой симпатии. Должно быть, природа наградила ее избыточной чувствительностью. Слишком много в ней было нежности и ласки, а тратить эту нежность и ласку не на кого. У нее даже нормальных домашних питомцев не было. Однидохлые жуки и фригидные крабы. Мэдди тянула время: сначала умывалась перед сном, потом расчесывала волосы, потом застегивала рубашку на все тридцать две пуговицы до самого подбородка. Втайне Мэдди надеялась, что Маккензи уснет еще до того, как она закончит приготовления ко сну. Ну, если не уснет, то поостынет.

Когда Мэдди вышла из-за ширмы, в ней окончательно окрепла уверенность, что ей не составит труда оказать ему должное сопротивление.

И зря. Сбылись ее худшие опасения.

Сердце ее громко екнуло.

Потом еще.

Потом застучало быстро-быстро.

Логан лежал в кровати, закинув руку за голову. В глубоком вырезе сорочки виднелась волосатая грудь. Брови его были сосредоточенно сдвинуты, на переносице уже знакомые Мэдди очки, и в левой руке он держал...

Да поможет ей Бог! Он держал не просто книгу, а ту самую книгу в зеленом переплете.

Мэдди была на грани обморока.

Логан оторвал глаза от книги и, встретив ошеломленный взгляд Мэдди, поинтересовался, все ли у нее в порядке.

– Логан, это ужасно!

– Что именно?

– Я изо всех сил стараюсь на корню затоптать любые ростки симпатии к вам, чтобы не стать жертвой глупой иллюзии, и вдруг я застаю вас за

чтением!

С тем же успехом капитан мог бы подарить ей корзинку с котятками, принести в спальню бутылку шампанского и, раздевшись догола, улечься посреди кровати с розой в зубах.

Логан состроил недовольную мину.

– Я всего лишь пытаюсь немного отдохнуть и расслабиться. Я всегда читаю на ночь, потому что чтение помогает поскорее уснуть.

Логан перевернул страницу большим пальцем, удерживая книгу одной рукой, другую руку положив под голову.

По состоянию страниц можно было судить о том, что книгу эту перечитывали не раз и не два.

Значит, он читает только для того, чтобы уснуть? Так она ему и поверила!

Впервые в жизни Мэдди встретила такого же, как она, книгочея. Все равно, что повстречать родную душу на чужбине! Для болезненно застенчивой девочки книги были полноценной заменой общению с себе подобными. Мысленно она разговаривала с автором и героями, даже спорила. Ругалась иногда. А сейчас у нее возникла куча вопросов к Логану. Сколько книг он прочел? На каких языках? Какие из них он перечитывал по нескольку раз? О каких книгах он мог бы сказать, что они словно для него написаны?

Логан перевернул еще одну страницу. Он прочел ее меньше, чем за минуту.

– Вы, – прокурорским тоном припечатала его Мэдди, – книголюб. Будьте честны передо мной.

Теперь Мэдди понимала, что ничего необычного в любви Логана к чтению не было. Кто еще стал бы читать и перечитывать несвязную писанину шестнадцатилетней дурочки?

Только тот, кто жить не может без чтения и готов довольствоваться тем, что есть, если под рукой нет ничего хорошего.

– Ладно, – сказал капитан, – я люблю читать. И что с того? Трудно учиться в университете, если у тебя нет привычки к чтению.

– Так вы еще и в университете учились?

– Всего несколько месяцев.

Мэдди нырнула под одеяло, тщательно следя за тем, чтобы не прикоснуться к Логану.

– Когда вы говорили, что у вас не было дома, я решила, что возможности учиться у вас тоже не было.

– Мой социальный статус при рождении оставлял мне очень мало

надежды даже на то, чтобы выжить, не то что образование получить.

– Тогда как получилось, что вы поступили в университет?

– Когда мне было лет десять, меня взял к себе местный викарий. Он кормил и одевал меня, и он дал мне такое же образование, как и своим сыновьям.

– Ваш викарий – человек щедрый.

– Щедрый? Пожалуй. Но он был щедрым не по доброте душевной, это точно. Он даже называл меня своим сыном. Но, когда началась мобилизация и от каждой семьи надо было послать на войну одного сына, он отправил меня, и тем самым спас своих настоящих сыновей.

Мэдди болезненно поморщилась.

– Действительно, какая уж тут доброта. Мне так вас жаль, – добавила она и, лишь встретив недоуменный взгляд Логана, осознала, что, желая продемонстрировать свое сочувствие, коснулась его руки и даже ее погладила.

– Мне очень жаль, – повторила Мэдди и убрала руку.

Логан пожал плечами и пробурчал, что ему все равно, жаль ей его или нет.

Впрочем, такого рода ужимки еще не обманули ни одну женщину.

– Мне было где и на чем спать, что надеть, чем питаться. Я даже получил кое-какое образование. С учетом того, какой могла бы быть моя жизнь, если бы не викарий, жаловаться мне не на что, – сказал Логан, снял очки и положил книгу на тумбочку.

Нет, жаловаться ему действительно было не на что и не на кого. Но горький осадок остался. В материальном плане все у него было в порядке, но ни любви, ни даже ласки ему не досталось.

Не зря говорят о женщине, жалеет, значит любит. И как ей было не пожалеть бедного сироту, которого никто не любил и который, как и она, любил читать? Ужас, что творилось сейчас у Мэдди на сердце.

– Этот ваш жалостливый взгляд, – сказал Логан, – мне совершенно не нравится.

– И мне тоже.

– Тогда перестаньте так на меня смотреть.

– Я не могу, – всплеснув руками, призналась Мэдди. – Быстро скажите что-нибудь гадкое. Посмейтесь над моими письмами. Пригрозите, что передадите всех моих жуков. Сделайте же что-нибудь!

Логан молча смотрел на нее, и чем дольше молчал, тем сильнее сгущалась атмосфера.

– Как пожелаете, – зловеще произнес Маккензи, и в тот же миг Мэдди

уже лежала под ним на спине, а он торопливо расстегивал пуговицы ее ночной сорочки.

И у Мэдлин не было ни малейшего желания сопротивляться.

– Надеюсь, вас это устраивает, – с волчьим оскалом бросил Логан, и Мэдди словно со стороны услышала свой голос:

– Да.

Логан быстро расстегивал пуговицы, но намерения ее соблазнить у него не было. Скорее, как можно быстрее выполнить поставленную задачу.

Добро наказуемо, и если Мэдлин до сих пор этого не знала, то пусть узнает сейчас. Он ее научит. И научит тому, что за любопытство, каким бы сладостно-наивным оно ни было, тоже надо платить. Будет знать, как его гладить. Будет знать, как заглядывать ему в самую душу.

Сама напросилась.

Логан потерял счет раздетым им женщинам, но, когда все эти пуговицы были расстегнуты, он поймал себя на том, что дрожит от предвкушения. Ему не терпелось увидеть, что же там, под этой сорочкой. Он не был особенно придирчив ни к форме, ни к размеру женской груди. Его устраивала и большая грудь и маленькая. И темные соски и светлые. И белая до синевы кожа, и покрытая веснушками. Для него самая красивая грудь в мире всегда была та, что перед ним.

Но никакой предыдущий опыт не смог подготовить его к этому.

Когда он приподнял полы льняной ночной сорочки, он не смог поверить своим глазам. Он ожидал увидеть нежную сливочную кожу, а увидел... льняную ткань.

– Вы спите в двух сорочках?

Мэдди кивнула.

– И нижнюю я надела задом наперед. Для надежности.

Теперь понятно, почему он не увидел застежку.

– Вы мне не доверяете?

– Я себе не доверяю, – сказала Мэдди. – И, похоже, правильно делаю. Посмотрите на меня.

Логан не знал, то ли чувствовать себя оскорбленным, то ли аплодировать ее тактике защиты.

Он чувствовал себя немного пиратом, которому не терпится насладиться девственной пленницей. Схватить ее двойную броню в обе руки и разорвать! И дальше уже делать с ее грудью все, что ему заблагорассудится.

Но к чему портить имущество, когда ткань, из которой были сшиты ее сорочки, такой славной тонкой выделки? Логан провел рукой снизу вверх,

накрыв ладонью ее грудь.

Мэдди с шумом втянула воздух. Плоть ее трепетала под его рукой. Логан ждал, когда она попросит его остановиться.

И не дождался.

– Я говорил, что у нас все получится, – пробормотал он.

– Кажется, припоминаю. Вы, кажется, говорили, что мне будет очень хорошо. Или очень-очень хорошо?

Логан стал тискать ее грудь.

– Очень... очень... очень хорошо, – сказал он. В ушах его стоял гул, кровь мощным потоком стремилась в одном направлении: вниз.

Мэдди затаила дыхание.

– Вы не могли бы...

Логан тут же замер. Не дождавшись продолжения, он поднял голову и посмотрел ей в глаза.

Проклятие. Зачем он дал ей этот шанс? Сейчас, даже если Мэдлин изначально ни о чем таком и не думала даже, она попросит его остановиться. И тогда ему придется остановиться, потому что он был не из тех, кто способен проигнорировать просьбу женщины.

На войне, когда каждый день приходится убивать, обнажается истинная суть человека, и Логан за десять с лишним лет в армии видел немало солдат, многие из которых носили ту же форму, что и он, жестоко насилувавших и убивавших женщин. Иногда он мог остановить их, чаще – нет. Но, что касается его самого, он никогда не переступал черту.

Капитан Маккензи не видел в этом повода для гордости; не считал себя героем из-за этого, он просто знал, что в нем еще осталась частица бессмертной души.

И сегодняшняя ночь – не исключение.

«Не делай этого, детка. Не проси меня остановиться».

– Вы не могли бы хотя бы целовать меня, когда делаете это?

Логан выдохнул с облегчением.

– Да, могу.

Он наклонился и втянул в рот ее похожий на ягоду сосок, укрытый двумя слоями льняной ткани.

Судя по ее беззвучному, но резкому вскрику, Мэдлин ожидала не совсем такой поцелуй. Но жаловаться не стала. Логан был в раю. Голова его была легкой, как облако. Он чуть отстранился, любуясь ее грудью сквозь намокшую и потому ставшую прозрачной ткань. Он наклонился над ней, и тела их соприкоснулись, и в этот момент она еще раз вскрикнула – испуганно, а потом тихо и сладостно застонала.

– Вот так, – проговорил Логан, качаясь над ней. – Ты чувствуешь? Это только начало, сердце мое.

Мэдлин закрыла глаза, и темные длинные ресницы затрепетали.

– Вы, правда, должны меня целовать, когда делаете это.

Логан не стал ее расстраивать и поцеловал на сей раз в губы.

Он чувствовал, что теряет контроль над собой. Желание овладевало им. Он хотел ее всю. Он хотел видеть ее покоренной. Он хотел быть в ней. Он целовал ее, он пил ее сладость, и ему все было мало этой сладости.

Словно одержимый, Логан целовал ее лицо, шею, грудь.

А потом он спустился пониже, встал на колени и стал целовать ее облаченное в двойную броню тело.

От ложбинки между грудями...

До стыдливого пупка...

И еще ниже.

Словно издавека, он слышал себя, бормотавшего на гаэльском наречии. Слова текли ручьем, их было не остановить. Слова, которые он не говорил ни одной другой женщине.

– Мэдди, любимая. Мое сердце. Моя жена.

Кажется, она и впрямь его околдовала, и он сошел с ума.

Что она с ним делает?

Логан наклонился и поцеловал ее там, где под двойным слоем ткани угадывался темный треугольник.

Мэдди вздрогнула и брыкнулась, стукнув его коленом по голове.

Тихо застонав от боли, Логан скатился на бок, схватившись руками за голову.

Он хотел знать, что она с ним делает? Так вот, теперь он знает.

Она его убивает.

– Что, – пробормотала Мэдди, обеими руками вцепившись в одеяло. – Что ты... Зачем вы сделали это?

Действительно, зачем.

– Затем, что у людей воображение чуть богаче, чем у крабов, сердце мое. Существует множество способов получить удовольствие.

Мэдди молчала довольно долго, а потом спросила:

– А сколько именно?

Логан лег на бок к ней лицом.

– У меня есть предложение, – сказал он, лениво проводя пальцем по ее ключице. – Я буду показывать, а ты – считать.

На этот раз молчание затянулось. Логан решил было, что она вообще не откроет рот.

– Может, в другой раз, – сказала она. – Спасибо за предложение. – И отвернулась от него.

Вот, значит, как. Желание пульсировало в крови. Слишком сильное, слишком необузданное, чтобы Логан мог доверять себе.

Итак, ему предстояла еще одна беспокойная ночь на холодном полу.

Глава 10

Мэдди не могла заснуть. Прошлой ночью виски и переизбыток эмоций сделали свое дело. Сегодня тело ее переполняли нерастроченная энергия и неудовлетворенное желание. Стоило ей закрыть глаза, как она представляла его губы...

Там.

Был момент – одно жаркое мгновение, когда Мэдди было по-настоящему приятно это прикосновение. Приятно – слишком слабое слово. И отголосок этого мгновения еще жил в ее теле, она чувствовала сладостное тепло, растекающееся по ступням и внизу живота.

А как Маккензи отнесся к тому, чтобы женщина прикоснулась к нему губами?

Там?

Он говорил, что у людей больше воображения, чем у крабов. Почему же тогда она, Мэдди, до сих пор считавшая себя обладательницей слишком богатого воображения, не может даже в мыслях переступить черту?

Разумеется, она бы смогла подстегнуть свое воображение, если бы имела визуальный опыт. Если бы смогла увидеть его всего во плоти.

Мэдди перевернулась на другой бок и подвинулась к краю кровати. Когда она приподнялась на локте, чтобы посмотреть на спящего на полу Маккензи, кровать скрипнула. Мэдди в страхе замерла. Но он продолжал дышать глубоко и ровно, и она осмелела.

Тусклый свет догоравших угольков освещал его.

Маккензи лежал на спине, без рубашки, и тонкий плед лишь частично прикрывал его тело. Он лежал к ней спиной, и спина эта, казалось, была отлита из бронзы. Разве что бронзовые статуи не шевелятся, а его спина, кажется, вздрагивала?

Вначале ей показалось, что это просто игра света. Затем ей пришла в голову ужасная мысль, что он проснулся и смеется над ней. Но вскоре до нее дошло, что происходит.

Он дрожал как в лихорадке.

– Логан, – прошептала Мэдди.

Ответа не последовало.

Она тихо спустила ноги на пол и на цыпочках подошла к нему и присела рядом.

– Логан?

Не дождавшись ответа, Мэдди осторожно коснулась его плеча. Жара у него не было. Наоборот, кожа была холодна как лед. Маккензи бился в конвульсиях и что-то бормотал во сне. Мэдди прислушалась, но разобрала только, что он говорит на гаэльском языке. Вернее сказать, повторяет только одно слово.

«Нах-трей-ми».

Судя по тому, как его колотило, это слово могло означать холод или лед, а может и целую фразу. Например: «Уйди, чертов пингвин!»

Бедный Логан!

Поскольку попытки его разбудить не увенчались успехом, Мэдди решила его согреть.

Первым делом она стащила с кровати теплое одеяло, затем легла рядом с ним и укрыла одеялом их обоих.

Потом Мэдди начала успокаивать его так, как успокаивала бы младенца: бормотала ласковые слова, гладила по плечу. Логан так и не проснулся, но постепенно дрожать перестал. Мышцы его расслабились, он прижался к ней во сне. Мэдди вдыхала запах его тела. От него, как она и предположила, сильно пахло мылом. Нежность переполняла ее.

– Я не люблю обниматься, – ласково и чуть насмешливо повторила она его слова.

Волосы у него на затылке щекотали ей нос, и она блаженно улыбалась. Может, ему и не нравится обниматься, зато это нравится ей.

Логан об этом не узнает, и потому вреда ему от этого не будет, да и обижаться будет не на что.

Но если она не будет соблюдать осторожность, то эта невинная затея запросто может стоить ей сердца.

Едва рассвело, Мэдди встала и на цыпочках прошла в соседнюю комнату. Там она надела платье и, неслышно ступая, спустилась вниз, где в главном замковом зале бойцы Логана устроили временный лагерь. Мэдди постояла немного неподвижно, давая время глазам привыкнуть к полусумраку, а сердцу чуть успокоиться.

«Ну, где же они могут быть?»

Взгляд ее устремился в угол, туда, где солдаты свалили свои пожитки.

Мэдди осторожно пробиралась вдоль стены, стараясь не производить никакого шума.

Они могли быть в седельной сумке, в котомке, в ранце...

Эти проклятые письма должны быть здесь, и она непременно их отыщет.

Мэдди осторожно залезла в первый заплечный мешок, но, ничего

полезного для себя не обнаружив, перешла к следующему. А потом к третьему.

Пожитки у этих солдат были скромными и по большей части одинаковыми. Пара рубашек, шерстяные перчатки без пальцев, щетка для чистки одежды, игральные кости. И тут что-то кольнуло ей палец. К чести ее будет сказано, Мэдди не вскрикнула, но сумка выскользнула из рук и ударилась о каменный пол. Шума почти не было, но Мэдди все равно испугалась. Впрочем, никто из солдат не проснулся. Судя по тому, что она видела, шотландские воины носили свои тартаны как килты днем и укрывались ими, как одеялами, ночью. Мэдди поморщилась. Когда они в последний раз стирали свои килты-одеяла? И когда они в последний раз мылись сами?

– Доброе утро.

Мэдди испуганно обернулась.

По поводу того, когда в последний раз мылся Логан Маккензи, у нее вопросов не возникло. Конечно, только что.

Обнаженный по пояс, Логан стоял, подпирая плечом дверной косяк, и с волос его капала вода. Он небрежно придерживал килт одной рукой. Знакомой с классическим искусством Мэдди Логан живо напомнил юного Давида. Не хватало пращи. И в отличие от мраморного Давида, этот герой вызывал не только эстетическое восхищение. Взгляд Мэдди зацепился за темную дорожку из курчавых волосков, уходящую от пупка вниз, под килт.

– Вы рано проснулись, – сказала Мэдди.

– Вообще-то, не очень. Я встал сразу после вас. – Логан смерил ее взглядом, выразительно вскинув бровь.

– Ты что-то ищешь, сердце мое?

– Ах да. Я действительно кое-что искала. – Мэдди нервно крутила в руках фартук. Не придумав ничего лучшего, она добавила: – Вернее, кого-то. Я искала вас.

– Меня.

Мэдди кивнула.

Маккензи усмехнулся с чисто мужской надменной снисходительностью.

– Ну что же, тогда я к вашим услугам. Так чего вы от меня хотели?

И чего же она хотела? Мэдди судорожно сглотнула. Столько всего ей было от него нужно, но не говорить же об этом вслух! К примеру, ей хотелось убрать непослушный завиток с его лба. И еще надеть на него рубашку, пока он не подхватил простуду.

Если бы Логан мог читать ее мысли, вот бы он посмеялся!

Мэдди пока не знала, каким образом выполнить эту задачу, но она точно знала, что должна научиться справляться с этими непроизвольными нежными побуждениями. Или, раз уж заботливость бьет у нее через край, направить ее в иное русло.

Только где его взять, это русло? Под руками не было ни заблудившегося щенка, ни голодного котенка.

– Я... просто хотела пожелать вам счастливого пути. Насколько я поняла, сегодня вы едете в Росшир.

– Я не еду сегодня в Росшир.

– Но вы обещали Гранту.

– Я обещаю Гранту поехать в Росшир по крайней мере шесть раз на дню. Мы уже были в Росшире три месяца назад, но он об этом не помнит. Для него мы всегда едем в Росшир завтра.

– Ну что же, тогда, если у вас ничего срочного на это утро не запланировано, – сказала Мэдди просто для того, чтобы что-то сказать, – мы, возможно, могли бы... То есть я надеюсь, что мы оба могли бы...

Логан смотрел на нее, не мигая, ожидая, пока она закончит фразу, но Мэдди понятия не имела, как ее закончить. Заплести друг другу косы? Поиграть в прятки? Поискать на озере морских чудовищ? Чем они могли бы заняться вдвоем? Помимо того, чем двое взрослых людей могут заниматься в постели – о чем, он собственно, и подумал в первую очередь, но что было совершенно исключено.

Пока Мэдди пыталась закончить предложение, а Логан смотрел на нее, глаза его все сильнее щурились, и все больше подозрительности прокрадывалось в его взгляд. И наконец, он скосил глаза в тот угол, где валялся открытый заплечный мешок. Тот самый, что она уронила. Мэдди чуть сдвинулась в сторону, чтобы заслонить мешок собой, и тихонько задвинула его ногой себе за спину.

– Я думаю, мы могли бы навестить арендаторов, – сказала она. – Вместе.

– Арендаторов?

– Ну да. В долине есть несколько небольших ферм. Вы – новый помещик, так сказать. Я думаю, фермеры захотят с вами познакомиться.

К облегчению Мэдди, взгляд его прояснился. Если он в чем-то ее и подозревал, то ей удалось рассеять его подозрения. Логан потер шею.

– Мне бы тоже хотелось с ними познакомиться. Это хорошая мысль.

Логан достал из сумки чистую рубашу и надел. Мэдди не теряла времени даром – она заметила, из какой сумки он ее достал. Черный холщовый заплечный мешок, оказывается, принадлежал Логану. И его

Мэдди не успела обыскать. Письма, должно быть, хранятся там.

Самое главное она выяснила, теперь оставалось проявить немного терпения.

– Договорились, – сказала Мэдди. – Пойдем туда вдоль ручья вверх по течению.

Мэдди уже и самой нравилась ее придумка. Возможно, поход в деревню – именно то, что ей надо. Лучший способ развлечься. Она могла бы поиграть с детьми, поддержать на руках новорожденного.

И очень может быть для нее там найдется щенок.

Как только они поднялись на холм и увидели перед собой деревню, три дворняжки бросились им навстречу с приветливым лаем.

Около дюжины каменных коттеджей с черепичными крышами стояли в ряд вдоль берега реки, а на высоком холме за деревней пасли овец мальчишки. Заметив Мэдди и Логана, мальчишки, позабыв об овцах, стали разглядывать нежданных гостей. Из самого дальнего дома донесся плач младенца.

Логан схватил Мэдди за предплечье и привлек к себе.

– Послушай меня, води себя спокойно. Люди, что здесь живут, скорее всего, напуганы нашим появлением.

– Вы думаете, что вы их напугали?

– Не я, а вы.

– Я? – в недоумении переспросила Мэдди. – Но я всего лишь обычная англичанка, и при этом не самая крупная.

– Именно поэтому они вас и боятся, – сказал Логан. – Вы никогда не слышали о графине Сазерленд?

– Конечно, я о ней слышала. В Лондоне все только о ней и говорят. Она весьма талантливая художница. И еще в столице ее называют иконой стиля.

– О да. Эта ваша талантливая художница и элегантная леди в Шотландском нагорье снискала славу самой безжалостной и жестокой помещицы. И там ее называют кровавой пигалицей.

– Я в это не верю.

Логан раздраженно вздохнул. Эта девица всю жизнь прожила на всем готовом, всё ей подавали на блюдечке с голубой каемочкой. Она и понятия не имеет о том, как живут простые люди. Гневный ком разрастался в груди, мешал дышать.

– После смерти родителей графиня унаследовала больше половины графства Сазерленд. Так вот, с этой поры ваша «икона стиля» разорила не сотни, а тысячи семей, сгоняя людей с родной земли, что кормила горцев

на протяжении сотен лет. Землю у этих несчастных отбирают под пастбища, дома их сжигают, почти ничего не давая взамен. И очень часто все это делается не без участия британской армии.

Логан не без сожаления опустил взгляд на свой красный мундир. Не стоило его сюда надевать.

– Поверь мне, сердце мое, Шотландское нагорье – пожалуй, единственное место на земле, где миниатюрная фигура и миловидное лицо англичанки никого не обманут. Где все знают, что такие вот безобидные на вид англичанки больше других способны изгадить им жизнь.

– То, о чем вы говорите... просто ужасно.

Ужасно – слабо сказано.

– Преступно. Бесстыдно. Бессовестно – эти слова подходят лучше.

– Итак, вы обеспокоены тем, что эти люди подумают, будто я пришла их выселять?

– Именно так они и подумают, – ответил Логан. – Явились сюда в сопровождении офицера Шотландского полка его величества просто так, чтобы на них поглазеть? Нет, они уверены, что сейчас потеряют все, что у них есть.

– О господи.

Теперь они уже настолько близко подошли к домам, что Логан мог рассмотреть лица людей, разглядывающих их из окон.

– Не волнуйтесь, – сказал Логан. – Я смогу их убедить, что им нечего бояться.

– Как скажете.

Мэдлин как-то подозрительно загадочно улыбалась. Логана раздражало то, что она никак не хочет взять в толк то, о чем он ей говорит.

– По крайней мере, вы прихватили с собой подарки. Что у вас в корзине?

Мэдлин заглянула в корзину.

– Имбирные пряники, пастила, изюм. Но в основном там кремы и целебные эликсиры тети Теи. Старушка очень падка на рекламу и заказывает все, о чем читает в дамских журналах. Приятно, что от этих покупок хоть кому-то будет польза.

Логан не верил своим ушам. Он уставился на Мэдлин так, словно у нее отросли рога.

– Вот это вы называете подарками?

– Ваши товарищи истощили мои продовольственные запасы, и у меня не было времени подготовиться посущественнее.

– И что, по-вашему, они должны делать с этим? – он вытащил бутылку

с мутной коричневой жидкостью и, щурясь, прочел название на этикетке: «Чудесный эликсир доктора Якобса»? Затем Логан выудил маленькую склянку с какой-то белой субстанцией: «Крем от прыщей»?

– Женщины есть женщины, Логан. Каждой девушке время от времени нужно немного побаловать себя, чтобы почувствовать себя хорошенькой.

Логан провел рукой по лицу. Он уже предчувствовал катастрофу.

– Мисс Грейсчерч! Мисс Грейсчерч!

Не успел Логан закончить свою обличительную речь, как самые юные обитатели коттеджей начали выбегать на улицу навстречу Мэдди. Вскоре дети плотным кольцом окружили ее, дергая за полы юбки.

– Что вы там говорили, Логан? Что они боятся меня?

Мэдди доставала из корзины сладости и раздавала детям.

– Вы могли бы сказать, что они с вами уже знакомы, – сказал Логан.

– И испортить ваше поучительное выступление о депортации шотландских горцев? Нет, я такого допустить не могла.

Логан покачал головой.

«Хитрая лиса».

– Привет, Айлен. – Мэдди присела на корточки перед девочкой лет пяти, у которой не хватало двух передних зубов. – Как твоя ручка? Не болит? Она закатала девочке рукав платья и внимательно осмотрела красную отметину чуть пониже плеча. – Вот видишь, все зажило. Ты умница. Вот тебе печенье за это. – Мэдди достала из корзины печенье и протянула девочке.

Как только Айлен убежала, Логан произнес:

– Это был след от прививки.

Мэдди кивнула.

– С тех пор как я стала хозяйкой замка, я регулярно навещаю деревню. Когда я узнала, что никто из детей не привит от оспы, я заказала противооспенную вакцину и договорилась о том, чтобы сделать прививку всем детям. Около месяца назад благодаря местному врачу, который, к счастью, разделяет мои взгляды, все дети были привиты от оспы.

Эта девушка не перестанет его удивлять. Сначала она сразила его своей красотой, затем – своим художественным талантом. Надо признать, что ее жизнь и внутренний мир гораздо богаче, чем можно было заключить из писем. Впрочем, это все мелочи, а главное – это то, что она была и остается его, Логана, классовым врагом.

Мэдлин принадлежала к привилегированному сословию и была его типичной представительницей, старательно не замечавшей суровой правды жизни. И что с того, что она при этом была умна, любопытна и славно

рисовала всяких жуков!

Но то, что Мэдлин на свои деньги привила детей от оспы, не совсем укладывалось в ту картину, что он себе нарисовал.

Логан вынужденно признался себе в том, что составил о ней неверное мнение. И, как честный человек, он мысленно добавил еще две черты к портрету. Она была щедрой и ответственной и готова была защищать тех, кого брала под свою защиту.

Сама о том не подозревая, Мэдлин решительным натиском отвоевала в его сознании территории, которые он берег пуще глаза.

И это было плохо. Ибо Логан Маккензи пришел сюда, чтобы отнять у нее то, на что, по его убеждению, она, английская аристократка, не имела права.

Логан совсем не хотел проникаться к ней симпатией. Он хотел этого ничуть не больше, чем хотела этого она.

– Не все английские землевладельцы вдохновляются примером графини Сазерленд, – сказала Мэдди. – Мой отец, к примеру, всегда строго придерживался принципов «служения». Владея землей, ты служишь тем, кто ее обрабатывает. Что же касается прививок, то это личная история. В детстве моя мать переболела оспой, и, несмотря на то что ей удалось выжить, болезнь ослабила ее сердце. Я думаю, из-за этого она и умерла молодой.

Конечно, Логан знал о том, что Мэдлин потеряла мать. Счастливый повторный брак отца подробно описывался во многих ее письмах. Однако Мэдлин мало что сообщала в письмах о своей матери, и Логану не пришлось в голову спросить о ней.

– Я надеялась в этом году открыть школу, – ловко меняя тему, сказала Мэдлин. – Может, когда ваши люди построят себе дома, они смогут взяться за строительство школьного здания?

– Вначале им надо найти себе жен и нарожать детей, чтобы было кому в этой школе учиться.

– За этим дело не станет. Не все мужчины вернулись с войны. Так что в деревне девушек больше, чем потенциальных женихов.

И действительно, в дверях одного из домов Логан приметил стайку девчат, что, перешептываясь и хихикая, смотрели в их с Мэдлин сторону. Вскоре к ним присоединились еще несколько девушек. И вот уже, казалось, все жители деревни окружили их.

– Ты не преувеличивала, – сказал Логан. – Им и правда нравятся примочки твоей тети.

– Обычно тетина косметика такого ажиотажа не вызывает, –

высматривая в корзине очередную склянку, сказала Мэдлин. – Должно быть, истинная причина ажиотажа – это вы. Когда я...

Мэдлин не закончила предложения, и, когда Логан взглянул на нее, он узнал эту бледность и этот расфокусированный взгляд. Такое уже случалось с ней на свадьбе. Мэдлин называла это застенчивостью, но он, побывавший на войне солдат, знал, что это самый настоящий шок. Так выглядели солдаты, оставшиеся в живых после страшных баталий. Их взгляды устремлены вдаль, и их мысли бродят где-то очень далеко.

– Мэдди?

Она тряхнула головой.

– Знакомьтесь. Это – капитан Маккензи, – сказала она, обращаясь к обступившим ее женщинам. Корзину она сунула Логану в руки. – Сегодня он будет раздавать подарки, – сообщила Мэдди и попятилась.

– Подождите, вы что, хотите, чтобы я один раздавал все это барахло?

– Я только что вспомнила, что хотела навестить одну женщину, которая болеет и не выходит из дома.

– Это можно сделать после того, как вы раздадите женщинам подарки.

Мэдди замотала головой, пятясь, а потом развернулась к нему спиной и побежала прочь.

Глава 11

Мэдди нырнула за угол крестьянского дома и, прижавшись к стене, спряталась в тени навеса, образованного двускатной черепичной крышей.

Здесь, оставшись, наконец, в одиночестве, она крепко обхватила себя руками. Зубы выбивали дробь. Ее бил озноб.

Нельзя сказать, что Мэдди совсем не чувствовала себя виноватой из-за того, что оставила Логана одного, да еще и под надуманным предлогом. Если и была в этой деревне больная женщина, которая не выходит из дома, то Мэдди ничего о ней не знала и, следовательно, навещать ее не собиралась. Но это не значило, что Мэдди совсем некого было навещать. В незапертом сарае во дворе дома, под крышей которого она укрылась, жила овца с двумя новорожденными ягнятами. Мэдди смотрела на счастливое семейство, мечтая о том, чтобы приступ поскорее прошел.

Мэдди давно свыклась с непониманием окружающих. Конечно, ей стало бы куда проще, если было бы достаточно сказать, что она не хочет бывать там, где много людей, и ее бы оставили в покое. Но нет, ее начинали уговаривать, рассказывать о том, какие радости ее там ждут, обещать, что на этот раз все будет по-другому, надо только настроить себя соответствующим образом. И Мэдди вынужденно шла на обман. Придумывала всевозможные отговорки. Порой самые нелепые.

Но все всегда заканчивалось одинаково.

Мэдди уже давно смирилась с правдой. То, что приносило радость другим, ей приносило только муку. И никто не хотел ее понять.

Придя в себя, Мэдди осторожно выглянула из-за угла.

Женщины все так же толпились вокруг Логана и ее корзины с косметикой. Они встряхивали бутылки, что он им предлагал и, открывая баночки с кремом, нюхали содержимое, оживленно обсуждая достоинства и недостатки средств, призванных сделать их еще более красивыми. По просьбе одной молоденькой крестьянки Логан откупорил бутылку с розовой водой.

Подушившись, девушка заулыбалась и зарумянилась так, что даже пропали веснушки на щеках. Мэдди догадывалась, что не розовая вода была истинной причиной столь чудесного преображения, а тот красавец, что преподнес ей этот дар.

Мэдди не могла не согласиться с тем, что капитан Маккензи и правда был особенно хорош этим солнечным весенним утром. Каштановые

волосы его блестели и отливали медью, а лицо покрывал красивый загар. Он был сама уверенность и непринужденность. Он был в своей стихии. Скорее всего, он вырос в деревне, как две капли воды похожей на эту, и он точно знал, что сказать каждой из этих женщин. Чем порадовать и древнюю старушку, и бойкую девчушку.

Когда корзина Логана опустела, а представительницы прекрасного пола разбрелись по домам, прижимая к груди свои сокровища, Мэдди решила выйти из укрытия. Они с Логаном попрощались с детьми и пустились в обратный путь. Логан, похоже, был ею недоволен.

– Нехорошо вы поступили, оставив меня одного раздавать эти банки-склянки.

– Не думаю, что этих девушек так уж интересовали мои банки-склянки. Я думаю, их куда больше интересовали вы.

– Было бы куда полезнее, если бы я прогулялся до полей и поговорил с мужчинами.

– Вы хотите сказать, что это был бы поступок, более достойный хозяина земли.

– К чему мне демонстрировать, кто тут хозяин, – небрежно пожал плечами, произнес Логан. – Я просто считаю необходимым выполнять свои обязанности. А познакомиться с соседями – моя прямая обязанность. Я должен был дать им знать, что они могут не беспокоиться о своем будущем. – Логан послал ей долгий взгляд. – Кстати, о беспокойстве. Что это было?

– Я не понимаю, о чем вы.

– Думаю, понимаете. Когда женщины окружили вас, вы словно уплыли куда-то. Или, скорее, ушли в себя. Вас там не было. И я заметил, что с вами случилось то же самое во время свадебной церемонии.

Мэдди прикусила губу.

– Вы думаете, женщины заметили?

– Этого я сказать не могу. Но я заметил.

Мэдди уставилась вдаль.

– Я говорила вам. Я застенчивая.

– По мне, так все куда серьезнее, чем простая застенчивость.

Мэдди покачала головой. Она привыкла к непониманию со стороны друзей и членов семьи. Но, даже если ее воображаемый возлюбленный отказывается ей верить, это уже удар ниже пояса.

– Я теряюсь, когда вокруг меня люди. Вот и все. Так всегда было. И мне очень неприятно из-за того, что порой я заставляю людей думать, словно они мне безразличны, но я не знаю, что еще могу сделать.

– Не переживайте. У вас есть шанс произвести хорошее впечатление на майский праздник. Я говорю о Белтейне.

– О Белтейне?

– Ну да. О празднике, что отмечается в ночь на первое мая. Традиционный горский праздник, уходящий в глубь веков. Он имеет языческие корни.

– Я знаю, что такое Белтейн, – сказала Мэдди, – но я не вполне понимаю, зачем мне производить на кого-то впечатление в этот день.

– Я пригласил в замок на праздник всех жителей деревни. Велел передать приглашение тем, кого я не смог пригласить лично.

– Значит, у вас будет праздник, так?

– Вернее будет сказать, что праздник будет у вас. Там, где я вырос, устроительницей праздника всегда была жена лэрда, помещика.

Мэдди со злости прибавила шагу и чуть было не упала, споткнувшись о камень.

До первого мая осталось чуть больше двух недель. Этого времени не хватит на то, чтобы подготовить замок к празднику. Или, что тоже немаловажно, подготовиться самой.

– Я никогда не устраивала никаких праздников.

– Этим людям необходимо чувствовать преемственность традиций. Им нужно знать, что нагорье все еще их земля. Людям нужны праздники. Важно и для них, и для нас, чтобы они верили, что мы с ними заодно.

– И все же мне бы хотелось, чтобы вы вначале спросили у меня, хочу ли я устраивать этот праздник.

– Я мог бы спросить. Но я решил, что все равно приглашу арендаторов в замок. Даже если вы этого не захотите.

– Ну что же, командовать, вижу, вам нравится.

– Я привык принимать решение единолично. Вас это не устраивает? Тогда стоило отправлять свои письма какому-нибудь пастору из Хартфордшира. Не стоило выдумывать себе офицера-горца.

Мэдди бесил его акцент.

– Намек понят. Надо быть скромнее в своих желаниях, – с сарказмом заметила Мэдди.

Логан самодовольно ухмыльнулся.

– За что боролась, на то и напоролась.

То ли насмешливый блеск его голубых глаз был тому причиной, то ли что-то еще, но Мэдди почувствовала, что краснеет.

– Вы разве не замечаете, что мы совершенно друг другу не подходим? – спросила Мэдди. – Не прошло и двух суток с тех пор, как мы

поженились, а наш брак уже трещит по швам. Я не перестаю думать о том, что можно найти иное решение. Если аренда вас не устроит, тогда, возможно, я могла бы продать вам часть земель?

Логан хмыкнул.

– Как мне с вами расплачиваться? Я что, произвожу впечатление богатого человека?

– Вы офицер. Или были им. Комиссия за капитанский чин должна стоить немалых денег.

– Я пошел служить рядовым и получил продвижение за боевые заслуги. Я получаю капитанскую пенсию, и этих денег достаточно, чтобы прокормить себя и помочь моим ребятам встать на ноги, но на покупку земли этих денег не хватит.

– Плохи ваши дела.

– Если бы у меня были средства на покупку земли, я бы давно это сделал. И все было бы куда проще.

Мэдди не знала, как воспринимать его слова.

Должна ли она считать, что на бесчестный шантаж его подвигли благородные мотивы, или все-таки более важным является тот факт, что он пришел к ней, потому что другие возможности были для него закрыты?

Мэдди привычным жестом коснулась ключицы. Пальцы нащупали брошь, которая скрепляла концы тартана.

Вот он и ответ.

Маккензи обратился к ней от безысходности.

– Предположим, я никогда никаких писем не писала, – тихо произнесла Мэдди. – Предположим, ваши товарищи не нуждаются ни в какой помощи. Чего вы хотите для себя, Логан? Дом? Жену? Семью? Вы хотели бы заняться торговлей? Фермерством? О чем вы мечтаете?

– Я ни о чем не мечтаю.

– Так не бывает. Не может быть, чтобы у вас...

– Нет, – резко оборвал ее Логан. – Детка, я не знаю, что такое мечтать. Я даже снов никогда не вижу.

Проклятие.

Логан не хотел этого говорить. Мечты и сновидения не входили в число тем, которые он готов обсуждать. По правде говоря, о том, что он никогда не видит сны, Логан не говорил ни одной живой душе. Он знал, что эта особенность отличает его от всех прочих. На нем словно была черная метка.

Но отчего-то Логан проговорился.

Мэдди вдруг остановилась и повернулась к нему лицом, пристально

глядя ему в глаза своими темными пронзительными глазами. Казалось, она смотрит ему в душу. И видит там пустоту.

– Я вам не верю, – сказала Мэдлин. – Сны видят все.

– Все, но не я. – Логан с деланным безразличием пожал плечами. Когда я закрываю глаза по ночам, то просто проваливаюсь в темную бездну. И в этой бездне я и нахожусь, пока не проснусь.

Больше всего на свете Логана пугало то, что смерть для него окажется лишь бесконечной ночью. Он снова станет маленьким мальчиком, дрожащим от холода в непроглядной тьме.

И это будет длиться вечно.

– Но прошлой ночью вы...

– Что я делал прошлой ночью?

– Ничего. – Мэдлин поджала губы. – Просто мне показалось странным, что вы не видите сны. Я таких людей не встречала.

– Мне, сироте, сны были ни к чему, вот я и не научился видеть их. И мечтать не научился по той же причине. Даже если бы я очень постарался, то все равно не придумал бы, о чем мне помечтать.

– Говорят, учиться никогда не поздно, – сказала Мэдди и зачем-то сняла пылинку с обшлага его рукава. Словно хотела его погладить, а потом передумала. – Вам ни к чему лезть в капкан по своей воле. Под капканом я подразумеваю брак со мной. Не надо этого делать, если вы не хотите.

Маккензи неожиданно и резко привлек ее к себе. Прижал так, чтобы она почувствовала его всем телом.

– Вы знаете, чего я хочу, – процедил он.

– Да, я понимаю, о чем вы. Но хотение хотению рознь. Желание тела может не совпадать с желанием души.

Маккензи пренебрежительно хмыкнул.

– Что это такое – желание души?

– Желание души, – терпеливо принялась разъяснять ему Мэдди, – это то, чего вы хотите для своих боевых товарищей. Это уютный дом, где о вас заботятся и где вас любят. Это земля, которая откликается на вашу заботу. Это животные на пастбище... – Мэдди прикоснулась к его груди совсем рядом с тем местом, где билось его сердце. – Это жена, красивая и добрая, которая встречает вас каждый вечер, когда вы усталый возвращаетесь с полевых работ, которая согревает вас ночью, которая рождает вам детей... Может, вам так хочется наделить всем этим ваших друзей просто потому, что вы хотите этого для себя.

Логан с ходу отверг ее предположение.

– У вас слишком буйное воображение. Как вы, думаю, заметили, с

моим появлением жизнь ваша не сильно улучшилась, верно?

– Пожалуй, в этом вы правы.

– Мои желания не имеют значения. А тем более мои мечты. И душе моей тоже слова никто не давал. Я пришел сюда жениться на вас только потому, что я в долгу перед своими товарищами. Мои товарищи – это мой клан. И интересы клана для горца превыше всего.

Лицо ее исказила гримаса боли.

И он сразу понял, что обидел ее.

И, причинив ей боль, Логан, как ни странно, не испытал никакого удовлетворения. Напротив, он сам себе показался мелочным и подлым. Он чувствовал себя мальчишкой, которого поймали за швырянием камней в певчих птах.

Мэдлин тихо вздохнула и, кивнув, сказала:

– Спасибо вам за это. Наблюдая за вами в деревне, я была в опасной близости от того, чтобы проникнуться к вам теплыми чувствами.

И она быстрым шагом пошла прочь от него, маня и дразня его слегка покачивающимися бедрами.

– Вам был нужен повод, чтобы меня презирать, вот я и постарался его предоставить.

– У вас прекрасно это получилось.

– Значит, я тебя расстроил, да?

– Да.

– И ты на меня обиделась. Разозлилась. Я тебя взбесил.

– Все верно.

– Превосходно.

Логан догнал ее, схватил за предплечье и, развернув к себе лицом, медленно скользнул взглядом по разгоряченным щекам, по горлу, по часто вздымавшейся груди, и вновь вернулся к глазам: темным, загадочным, искристым.

– Тогда наша следующая остановка будет в спальне, сердце мое. Готовься к тому, чтоб исполнить свой супружеский долг.

Глава 12

Мэдди тут же пожалела о своих впопыхах сказанных словах.

– Что за бред вы несете, – сказала она.

– Бред? Может, и бред. Зато зажигательный бред. Берегитесь пожара, Мэдлин.

Ей очень хотелось сказать в ответ что-то язвительное, что-то такое, что сразу поставит его на место и отобьет охоту дразнить ее цитатами из тех проклятых писем, но в голову ничего не приходило. И тут единым порывом налетел ветер, и юбки ее захлопали, словно паруса.

Не найдя остроумного ответа, Мэдлин подхватила юбки и побежала к замку.

Извилистая тропка вдоль русла ручья вдруг показалась ей слишком длинной. Ей не терпелось поскорее добежать до спальни, запереть дверь на ключ и выплакаться в подушку. И Мэдди свернула с тропинки, решив срезать путь через пустошь.

– Не ходите туда, – крикнул ей вслед Логан.

Мэдлин сделала вид, что не слышит его.

«Я буду ходить туда, куда захочу, и так, как мне нравится. Я не ваш солдат. И не вам мной командовать».

Земля чавкнула под ногами, и Мэдди чуть было не упала, запутавшись в подоле. Торопясь доказать свою независимость, она ступила на зыбкую почву. В буквальном смысле. Ботинок ее целиком погряз в черной жиже.

Когда Мэдди попыталась вытащить ногу, вторая нога по колено ушла в вязкую грязь. Что же это такое? Трясина затягивала ее глубже и глубже.

– Логан! – крикнула Мэдди. – Логан, пожалуйста, подойдите ко мне. У меня ноги увязли, я не могу выбраться!

Логан остановился в паре шагов от нее.

– Вы угодили в трясину. Такое частенько случается.

– Значит, и с вами такое бывало?

– Нет, со мной не бывало. Я же не глупец.

«Ну конечно, подумала Мэдди. Кто, кроме нее, мог угодить в болото?»

– Но мне не раз доводилось вывозить из болота коров и овец, – продолжал Логан.

– Замечательно. Я рада, что у вас имеется опыт. Так не окажете ли вы и мне услугу? Вы не могли бы вытащить меня отсюда? Чем быстрее, тем лучше.

Глаза его насмешливо блеснули, и Мэдди поняла, что ничего хорошего этот взгляд не обещал. Впрочем, почему ничего хорошего? Логан вытащит ее из болота, но перед этим хорошенько потешится, наслаждаясь ее унижением и страхом.

Мэдди попыталась вытащить хоть одну ногу, но все ее усилия оказались тщетными. И тогда ей стало по-настоящему страшно. Сердце забилось часто-часто.

Логан прищелкнул языком.

– Первое правило поведения на болоте: не паниковать.

– А второе какое? С первым вышла промашка.

– Второе правило: не дергаться, – наставительно сообщил Логан. – Так вы быстро устанете, и все. Успокойтесь, расслабьтесь и попытайтесь найти равновесие.

Легко сказать.

Болото крепко удерживало ее. Она погрязла в нем по бедра.

– Логан, – закричала Мэдди. – Плохи мои дела!

– Это из-за того, что вы дергаетесь.

– А как же мне не дергаться! Трясина пожирает меня заживо. А вы стоите и ничего не делаете!

Логан присел так, что глаза их оказались на одном уровне.

– Все будет хорошо. Не бойтесь. Как правило, топь не бывает слишком глубокой. Выше пояса не засосет.

– Мне нравится эта оговорка: «как правило». Отсюда можно сделать вывод, что есть и более глубокие трясины. И кто знает...

– Как правило, никто не погибает из-за того, что его засосало.

– Как правило! Если вы пытаетесь меня приободрить, у вас это плохо получается.

– Расслабьтесь, – сказал Логан. – Как правило, угодившие в трясину гибнут не от того, что их засосало с головой. Они умирают от жажды или от холода. Или летом от жары.

– То есть вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что вам ничто не угрожает. Мы выстроим крышу у вас над головой и дважды в день будем приносить вам лепешки и воду. Вы вполне можете прожить так год или два, а то и дольше.

Мэдди стиснула зубы, чтобы не рассмеяться. Всякий раз, как она придумывала, за что бы его возненавидеть, Логан обезоруживал ее какой-нибудь шуткой. Но нет, не дождется. Она не станет смеяться, и все!

– Беспокоиться не о чем, – продолжил между тем Логан. – Для того чтобы кровь в ногах перестала циркулировать, должны пройти часы.

Мэдди застонала от бессилия и ушла еще глубже. Теперь она была уже по пояс в трясине.

И ей стало не до смеха. Одно дело – провалиться в болото по колено. Может, со стороны это и выглядит смешно. Может, она и сама могла бы над собой посмеяться. Но когда ты торчишь по пояс в трясине и не можешь шевельнуться, тебе совсем не до смеха. И в голову приходят самые неприятные мысли. Например, о том, что тебе придется встретить смерть прямо здесь и болото станет твоей могилой.

Логан, казалось, совсем не разделял ее пессимизма. Устав стоять, он присел на валун неподалеку.

– Помнишь, как ты угодила в болото? – сказал Логан и сам засмеялся своей шутке. – Славный выдался денек! По такому случаю мы прямо на месте устроили пикник. Потом пели песни час или два. Потом решили посчитать все облака в небе. А потом ты проголодалась и велела мне сходить за бутербродами и...

Мэдди послала ему взгляд, полный ужаса и мольбы.

Логан опустил взгляд на засасывающую Мэдди трясину.

– Если я вас вытащу, вы обещаете со мной переспать? Расплатиться за мои труды?

– Вот что я вам обещаю, Логан Маккензи. Если вы меня не вытащите отсюда, я встану из могилы и буду приходить к вам каждую ночь. Я буду преследовать вас до самой смерти. Вашей смерти.

– Для робкой, пугливой, болезненно застенчивой англичанки вы ведете себя как-то необычно агрессивно. Оказывается, в вас живет настоящая воительница. Должен признаться, мне нравится ваш огненный темперамент.

Мэдди обхватила себя руками.

– Логан, прошу вас, хватит меня дразнить. Вытащите меня. Я замерзла.

– Посмотрите на меня.

И она посмотрела ему в глаза.

Взгляд его был твердым, серьезным и без тени насмешки. И в голосе его тоже не было ни тени насмешки.

– Я вас не брошу. За десять лет в британской армии я ни одного человека в беде не бросил. Я вас вытащу.

Мэддин, кажется, начала понимать, почему его солдаты готовы были идти за ним на край света и почему она не заметила ни тени недоверия к нему со стороны живших на ее земле крестьян. Если уж Маккензи брал кого-то под свою защиту, то за этого человека можно не бояться. Но главный вопрос оставался открытым: могла ли Мэдди положить руку на

сердце сказать, что находится под защитой капитана Маккензи? Он собирался использовать ее и ее земли, чтобы осчастливить своих боевых друзей. Ее благополучие волновало Маккензи меньше всего. Но, с другой стороны, она нужна ему живой, по крайней мере, до той поры, пока не будет консумирован их брак. А значит, он не даст ей помереть.

– А теперь сделайте глубокий вдох, – приказал ей Логан. – Хорошо. Выдыхайте. Медленно. Еще раз. Медленнее. Еще.

– Я не хочу напрасно терять время на вдохи и выдохи. Вы что, не можете меня просто взять и вытащить?

– Дышите, – повторил Логан.

Похоже, он не станет помогать ей, пока не добьется полного послушания. Мэдди закрыла глаза и начала дышать медленно и глубоко.

– Вот так, хорошо. С каждым разом все медленнее. Пока вы совсем не успокоитесь.

Эти первые полдюжины вымученных вдохов и выдохов были самыми мучительными моментами ее жизни. Но после этой дыхательной гимнастики ей и в самом деле стало лучше. Кровь уже не стучала в висках.

– Когда вы будете готовы, – сказал Логан, – можете начинать раскачиваться: взад-вперед.

– Как это?

– Просто качайтесь. Только вперед и назад, словно танцуете.

– О боже, я так и думала. Мне предстоит умереть здесь. Я не умею танцевать.

– Детка, болото об этом не знает, – прищелкнув языком, произнес Логан.

И Мэдди принялась раскачиваться. Она чувствовала себя маятником. Вначале ей удалось переместиться разве что на дюйм, но с каждым разом простора для движения становилось все больше.

– Вот так. Чувствуете, как вокруг ног циркулирует вода?

Мэдди кивнула.

– Значит, вы все делаете правильно. Продолжайте в том же духе. Можете чуть побыстрее. Хорошо бы, чтобы ваши ноги освободились до того, как...

– До того, как что?

– До этого вот.

Тяжелые капли упали ей на плечи.

Превосходно. Теперь ей будет мокро и холодно и снизу и сверху.

Мэдди закачалась с утроенной энергией и была вознаграждена новой порцией отвоеванного у болота пространства.

– Что теперь?

– Отклонитесь назад, словно вы хотите, чтобы болото держало вас на плаву, как озеро или море.

– Но...

– Просто делайте, что вам говорят.

Маккензи лег на живот у нее за спиной и вытянул обе руки вперед. Когда Мэдлин отклонилась назад, он схватил ее под мышки и шепнул на ухо:

– Вот вы и попались. Теперь я вас не отпущу.

Мэдди сглотнула вязкую слюну.

– Что теперь?

– Какая нога чувствует себя посвободнее? Вот той и помотайте, а потом тяните ее вверх.

– Я запуталась. Я должна мотать ею из стороны в сторону или поднимать?

– И то и другое одновременно.

Господи, что еще он от нее потребует? Жонглировать факелами и одновременно курить трубку? У Мэдди всегда были проблемы с координацией. Она определенно не была создана для танцев. И как оказалось, она не годилась и для шотландских болот тоже. Где же найти теплое место неуклюжей англичанке, «синему чулку»?

Вначале Мэдди попыталась потрясти левой ногой, все выше поднимая ее к поверхности и одновременно сгибая ногу в колене и подтягивая к себе. Дело продвигалось мучительно медленно, но все же Мэдди удалось добиться того, что колено показалось из-под жижи.

– Хорошо, – сказал Логан. – Теперь поработаем над второй ногой. Только на этот раз вы будете ею мотать, а тянуть буду я.

– Я пытаюсь.

И Мэдди пыталась, но ее усилий не хватало. Ногу засасывало все сильнее. Мэдди вдруг с поразительной ясностью осознала, как ей повезло, что рядом оказался Логан. Если бы она оказалась тут одна, то нетрудно догадаться, какой был бы исход.

Но и сейчас, когда он был с ней и помогал ей, исход схватки был неизвестен.

– Еще один раз и все. Махните ногой назад и вперед так сильно, как только сможете. Я дерну на счет три.

Мэдди кивнула.

– Раз... два...

Мэдди стиснула зубы.

– Три.

Маккензи рванул, и Мэдди показалось, что у нее оторвались ноги. Мэдди понимала, что так просто она не отделается. Ноги, слава богу, были на месте, но боль была жуткой. Скорее всего, еще неделю будут болеть.

Но никакая боль не могла умалить радости освобождения из чертова болота!

Тяжело дыша, Мэдди на карачках поползла до тропинки и рухнула. По пояс в липкой грязи, промокшая насквозь, она была невероятно счастлива уже потому, что осталась в живых.

Логан, похоже, тоже изрядно вымотался. Он без сил лежал рядом.

– Жизнь такая странная штука, – сказала Мэдди, убирая с лица мокрую прядь. – Я придумала шотландского возлюбленного для того, чтобы избежать унижения. И посмотрите на меня сейчас. Как я докатилась до этого?

– Будьте осторожны с вашими желаниями, сердце мое. – Логан перекатился к ней поближе и, глядя на нее, приподнялся на локте. – Вы же сами этого хотели: замок в безлюдном месте и офицер в килте. Радуйтесь, что вам не удалось меня убить, иначе вы бы и сейчас сидели в болоте.

Неужели ему никогда не надоеет обвинять ее в попытке убийства литературного персонажа? И ведь он и в самом деле злился на нее за это. Как будто она пыталась убить не придуманного ею капитана Маккензи, а его, настоящего.

– Логан, мне жаль, что я причинила вам боль.

– Пустое. Вы никакого вреда мне не нанесли.

Верно, как может какая-то жалкая англичанка нанести вред могучему шотландскому воину? Да разве гордость позволит ему признать это?

– Если уже мы говорим о мечтах, – сказала Мэдди. – я, вообще-то, не просила судьбу ни о замке в Шотландии, ни о мужчине в килте. Я просто хотела быть понятой. Принятой со всеми своими странностями. И любимой. – Она скользнула взглядом по тартану, скрепленному брошью в виде сердца. – Не переживайте. Я усвоила урок.

– Насчет принятия и любви ничего сказать не могу, но я прекрасно вас понимаю.

– Нет, не понимаете.

– Еще как понимаю. – Взгляд его блуждал по ее лицу. – Вы лукавая, мечтательная, умная, упрямая, щедрая, талантливая рисовальщица... – Логан провел пальцем по ее носу от переносицы к кончику. – И очень-очень грязная.

– Не грязнее вас.

Мэдлин шутливо толкнула его растопыренной ладонью в лицо, но он не рассмеялся. Взгляд его был тяжел, и испачканное грязью лицо придавало ему сходство с шотландскими воинами древности, разрисовывавшими себя перед битвой.

Она видела перед собой врага, готового нанести ответный удар.

Его широкая ладонь легла ей на талию, сминая мокрую ткань платья.

– Вам хочется грязи? – Маккензи резко прижал Мэдди к себе, заставив ее вскрикнуть от неожиданности. – Как пожелаете, так и будет.

Губы его накрыли ее губы, и руки уже блуждали по ней, так что вскоре ни на платье, ни на тартане не осталось ни одного чистого места. И странное дело, Мэдди и думать забыла о наносимом ее наряду уроне.

Она вообще разучилась думать. Она могла только ощущать.

Мэдди чувствовала в его поцелуе тщету неудачи, обиду на нее, неудовлетворенную страсть. Была ли она тому виной, отказав ему в близости, или он вымещал на ней свою обиду на жизнь? Как бы то ни было, держать ответ приходилось ей, Мэдди.

И Мэдди под его чувственным натиском совсем не ощущала себя жертвой.

Она ничего не имела против его наступления.

Ей нравились его грубые ласки, она хотела большего, и когда он стал дразнить ее затвердевший сосок, запрокинула голову и застонала от наслаждения. И Логан тут же нашел губами пульсирующую жилку на ее шее.

Его сосредоточенное внимание, основательность его подхода заставляли Мэдди чувствовать себя особенной.

Желанной.

Она и не мечтала никогда, что кто-то может возжелать ее как женщину.

Ей казалось, словно...

Вот она – ирония судьбы. Было так, словно сбылась ее мечта.

Нет, тут же сказала себе Мэдди, даже не думай! Расчувствовалась, наивная дурочка! Побереги свое сердце, оно тебе еще пригодится. И, чтобы сберечь свое сердце, она должна держать его на расстоянии. Их отношения должны определять условия и правила, но никак не чувства и эмоции. Мэдди знала за собой один недостаток: она легко верила в сказки, которые сама сочиняла. Ей ничего не стоило придумать сказку, в которой она небезразлична Логану.

Но в действительности он не испытывал к ней ни привязанности, ни симпатии.

Маккензи просто хотел ее.

Это было ясно как день. Их влечение друг к другу было самым что ни на есть настоящим. Реальным, а не придуманным был жар их поцелуя. И его эрекция тоже была настоящей, а не придуманной. Она чувствовала, как что-то горячее и твердое упирается ей в бедро.

Он поднял голову и посмотрел на нее.

– Мэдди.

И, когда он прошептал ее имя, холод был забыт. А также были забыты грязь, обида и боль в ногах. Дождь продолжался, заставляя ее искать укрытие в его объятиях.

Мэдди погладила его по щеке. Суровый шотландский воин пропал, скорее Логан походил на промокшего щенка: потерянного и так нуждающегося в любви. Такого же несчастного и растерянного, какой в эту минуту была она, Мэдди.

– О, Логан, – прошептала Мэдди и, словно назло ей, сердце ее уже начало сплетать опасную, очень опасную сказку о глубоко порядочном, преданном и верном мужчине, который как сокровище берег ее письма, которому она, Мэдди, снилась каждую ночь, который прошел с боями пол-Европы с одной мыслью: вернуться домой. Не ради замка, не ради земель. Ради нее. И даже сейчас, когда Маккензи держал ее в объятиях, ему не хватало слов, чтобы рассказать о том, что на самом деле накипело у него на сердце.

Все это, конечно, наивный сентиментальный вздор.

Но Мэдди больше не могла делать вид, словно не верит в эту сказку. Она обвила руками его шею и прижала к себе.

Глава 13

Логан понимал, что сейчас не время для нежностей. Им надо срочно найти укрытие. Но он не мог заставить себя разжать руки и отпустить ее. Дождь насквозь промочил ее платье, и оно облепило тело, не оставив простора для воображения. Мэдди была трогательно беззащитна. Она вздрагивала от холода. Она нуждалась в тепле.

И Логан должен был защитить ее и согреть. Почувствовать, как бьется ее сердце, чтобы знать, что она жива.

Маккензи скорее согласится провалиться сквозь землю, чем признает, что крепко испугался за ее жизнь, когда она шагнула в топь.

И он привлек ее к себе, чтобы успокоиться, чтобы убедиться, что все страхи позади. Он целовал ее, потому что ей, как ему казалось, этого хочется.

Так было, но сейчас уже его пугливая, болезненно застенчивая невеста сама целовала его. И Логан утратил контроль над собой. Тело его свело судорогой от желания. Он думал, что лишится чувств, так сильно он ее хотел. Мэддин сладострастно вздохнула во время поцелуя и прижалась к нему. По бедру его прокатилась дрожь.

Видит бог, Логан еще никогда так сильно не хотел женщину.

То, что происходило с ним сейчас, иначе, чем безумием, назвать было нельзя. Пожалуй, безумие поразило сразу их обоих. Не мог же он лишиться ее девственности прямо тут, на дороге, в грязи, в холоде, под дождем!

Но сдерживать себя он тоже больше не мог.

Надо было что-то делать.

Быстрым движением Логан перевернул ее на спину, навис над ней, почувствовал вожделенный контакт и застонал от наслаждения.

Мэдди вскрикнула от боли.

Логан тут же приподнялся на локтях и посмотрел ей в глаза.

– В чем дело? Что у вас болит?

– Нога... Кажется, я вывихнула лодыжку, когда вы тащили меня из болота.

Господи. Все это время она мучилась от боли? Чем он хуже паршивого волка, терзающего несчастного ягненка?

– Ничего не бойся. Я отнесу тебя в замок. Сейчас же отнесу.

Укрыв Мэдди тартаном, Маккензи поднял ее на руки и понес.

– Надеюсь, вы понимаете, что делаете, – сказала Мэдди. – Я согласна

совокупиться с вами только при условии, что не буду испытывать к вам никаких нежных чувств. Но как мне оставаться к вам равнодушной, если вы постоянно вот так меня целуете? Тут у любой девушки голова пойдет кругом. А когда вы вот так несете меня на руках, у меня вообще нет шансов.

Логан стиснул зубы.

– Завтра вы можете все начать сначала. Надеюсь, вам удастся меня возненавидеть. А пока сидите смирно и смиритесь с тем, что я вас никуда с рук не спущу. До самого замка.

Когда они насквозь промокшие и грязные добрались до замка, Логан принялся раздавать указания еще до того, как спустил Мэдди с рук. Он велел Бекки принести одеяла, а кухарке нагреть воды для ванны. И еще настоял на том, чтобы Монро, полевой хирург, осмотрел травмированную ногу Мэдди.

– Ничего страшного не случилось, – заверила Мэдди врача. Она лежала на кушетке в спальне, завернувшись в старое стеганое одеяло. – Наверное, я только мышцу потянула. Видите ли, я по глупости ступила на топь.

Монро вытер грязь с ее ноги и осторожно принялся поворачивать ступню то в одну сторону, то в другую.

– Нога припухла, сказал он, но не слишком сильно. Похоже, и в самом деле тут нет ничего серьезного.

– Вот и я Логану так говорила, но он меня не слушает.

– Я бы не стал запрещать вам ходить, – произнес Монро.

Мэдди кивнула.

– Наверное, вы отправляли солдат в бой с куда более серьезными травмами.

– Да, но вы не солдат. – Монро вскинул седящую бровь. – Если травма вас беспокоит, я могу сказать капитану, что вам нужно отдохнуть. А медовый месяц пусть немного подождет.

«Именно этого она и добивалась».

Наконец, ей улыбнулась удача. Любой предлог сгодится, лишь бы продержат Логана на расстоянии еще пару дней.

– Вообще-то, нога у меня побаливает, и несколько дней отдыха мне, думаю, не повредит.

Мэдди довольно улыбалась, наблюдая за тем, как хирург убирает в саквояж свои инструменты. В конце концов, Логан сам настоял на врачебном осмотре, так что пусть сам на себя пеняет. А игнорировать советы врача он не станет.

Доктор осматривал ее ногу, предварительно закатав рукава, но шрам на его предплечье Мэдди заметила только сейчас.

– Откуда это у вас? – спросила она, кивнув на уродливый рубец.

– Вы о шраме? Это след от французского штыка. На самом деле он только выглядит страшно, а беспокойства от него нет никакого. Конечно, рубца можно было бы избежать, но, как говорится, сапожник без сапог.

– Да, наверное, вы правы. Но ведь и врачу иногда требуется лечение, верно?

– Верно. Как верно и то, что иногда даже командиру стоит прислушаться к советам других, – сказал Монро и заговорщически ей подмигнул. – Поверьте мне, девочка, вам не обязательно во всем ему потакать.

Мэдди улыбнулась.

– Спасибо за совет.

Как только врач ушел, пришла Бекки с двумя ведрами горячей воды.

Логан приказал приготовить для нее ванну, и оспаривать этот его приказ у Мэдди не было никакого желания, особенно после пережитого за день. Она решила воспользоваться одним из патентованных косметических средств, которые так любила ее тетя, и добавила в воду солидную порцию лавандового масла. А потом, закрутив волосы в узел на затылке, опустилась в горячую воду и застонала от наслаждения.

Как славно. Почти как теплые объятия.

Мэдди чувствовала, как постепенно расслабляется тело, погружаясь в приятную истому...

Однако даже вода не успела остыть, когда дверь с шумом распахнулась, и на пороге возник Логан. Мэдди вскрикнула и опустилась в воду как можно глубже, прикрывая руками интимные части тела.

– Вас что, никогда не учили стучать, прежде чем заходить?

– В собственном доме я не намерен стучать в двери.

Мэдди бросила тоскливый взгляд на полотенце, лежащее на приступке к кровати. Увы, она не могла до него дотянуться, не вставав.

– Монро сказал, что я не могу к вам притрагиваться на протяжении нескольких дней.

– Правда? – склонив голову набок, с невинным видом переспросила Мэдди. – Какая жалость.

– Перестаньте делать вид, что это не ваших рук дело.

– Вы сами захотели, чтобы ваш хирург меня осмотрел. Он меня осмотрел. И пришел к определенным заключениям. Вы не можете нарушить его предписания. – Мэдди взяла намыленную губку и провела от

плеча к локтю, медленно сжимая губку и выдавливая мыльную пену. – Поскольку физическая нагрузка мне противопоказана, я думаю, что вам бы стоило воспользоваться отдельной спальней. Той, что для вас уже подготовила Бекки.

– В этом не будет необходимости. Я ухожу, – угрюмо сообщил Логан.

– То есть вы хотите сказать, что я вас больше не увижу?

– Не дождетесь. Я скоро вернусь. Мне надо заказать пиломатериалы для новых домов, и для этого я еду в Форт-Уильям. Я буду отсутствовать два или три дня. И, вернувшись, я рассчитываю застать вас в превосходной физической форме.

Вода в ванне была по-прежнему теплой, но от его выразительного взгляда по телу Мэдди побежали мурашки.

Терпение его на исходе, и дальнейшего промедления не будет, какие бы уловки она для этого ни изобретала. Так что к исходу третьего дня она либо освободится от него, либо...

Либо станет его женой.

Глава 14

Мэдди не особенно рассчитывала на то, что Логан настолько наивен, чтобы не взять письма с собой. Хотя все возможно. Если письма в замке, она их непременно найдет до его возвращения.

Мэдди все сильнее привязывалась к нему и ничего не могла поделать с собой, хоть и понимала, что совершает несусветную глупость. Но она понимала, что не имеет права повторить ошибку юности. Если она не сожжет эти письма, то обречет себя на жизнь во лжи собственного производства.

К несчастью, надышавшись пылью, лазая в самые потаенные уголки замка, она так ничего и не нашла. Мэдди заглянула во все ящики столов, комодов, шкафов. Остались неохваченными разве что стены.

Так что сегодня днем Мэдди решила обследовать длинную галерею – помещение на верхнем этаже замка. Стены галереи были обшиты дубовыми панелями, и между бордюром и потолком имелось углубление. Однако, если смотреть снизу, это углубление выглядит слишком мелким, чтобы там можно было спрятать письма. Хотя... Пока не проверишь, точно утверждать этого нельзя.

Мэдди подвинула к стене стул с высокой спинкой, забралась на него, привстала на цыпочки и пошарила руками по верхней кромке: пыль, паутина и больше ничего.

Она вытянулась в струнку, чтобы дотянуться до угла.

– Что это такое?

Мэдди чуть было не упала со стула, но, к счастью, ей удалось восстановить равновесие, схватившись за панели.

– Ах, добрый день, Грант.

– Откуда вы знаете мое имя? – Грант с опаской обвел галерею взглядом. – Что это за место?

Ладонь его скользнула к бедру, словно он собирался взяться за оружие. Мэдди с внезапной остротой ощутила, какая она маленькая по сравнению с этим гигантом. И рядом – никого, кто мог бы прийти ей на помощь.

Если ей не удастся его успокоить, неизвестно чем для нее закончится это приключение.

Мэдди замерла, подняв вверх руки с запыленными растопыренными пальцами. Пусть видит, что в руках у нее ничего нет. Она повторила слова, которые не раз слышала из уст Логана и его товарищей.

– Война закончена, Грант. Ты вернулся домой, в Шотландию. Это замок Ленер. Ты здесь уже почти неделю. Каллум, Рабби, Монро, Файф – все они возле замка собирают камни для строительства.

Грант нахмурил брови.

– Кто вы такая?

– Я – Мэдлин. Возлюбленная капитана Маккензи. Та самая, что писала ему все эти письма. Теперь мы женаты. – Мэдди осторожно указала пальцем на плед, скрепленный на плече брошью.

– Его жена?

Мэдди кивнула.

Лицо его разгладилось.

– Ну и везет же нашему капитану.

– Спасибо. Вы мне тоже очень нравитесь.

Грант ухмыльнулся.

– Тогда и мне повезло.

Мэдди не могла сдержать улыбки. Должно быть, этот парень был когда-то очень обаятельным. Когда был здоров телом и душой.

Взгляд его тревожно обшаривал галерею.

– Вы знаете, где мои дети? Мы уже были в Росшире? Я хочу увидеть своих малышей.

Мэдди покачала головой.

– К сожалению, я ничего о них не знаю.

– Я спрошу капитана, можем ли мы отправиться в Росшир завтра.

Сердце ее надрывалось от боли. Вновь и вновь, стоило рассеяться мгле, окутавшей его сознание, он искал своих «малюток». И всякий раз Логан возвращал его во вчерашний день. Во мглу беспамятства.

Конечно, она не могла отвести его в Росшир, но, возможно, она могла ему помочь иным способом.

Мэдди слезла со стула и стряхнула пыль с рук. Придется повременить с поиском писем. Да и искать их сейчас, скорее всего, нет смысла. Должно быть, они у Логана. Лежат себе в его черном вещевом мешке. Кстати, этот мешок она тоже не могла отыскать.

Мэдди подошла к Гранту и взяла его за руку.

– Ваши ребятишки любят имбирные пряники?

– Конечно. Какой ребенок их не любит!

– Пойдемте на кухню. Мне кажется, кухарка сегодня с утра пекла коврижки, так что нам будет чем полакомиться. А тем временем вы мне расскажете о своих малышах.

Логан добрался до замка Ленер далеко за полночь. Вообще-то, он не

любил ехать ночью, но сегодня ночь выдалась ясная, к тому же полнолуние, а накануне прошел дождь, и спать на сырой земле не хотелось. Тем более что в замке его ждала теплая постель.

Он дал ей время. У нее была возможность отдохнуть от него. И сегодня он, черт возьми, не станет спать на полу.

Сонный лакей открыл ему дверь, которой пользовались слуги. Несмотря на усталость, Логан не пошел сразу наверх, а решил заглянуть в главный замковый зал, где спали его бойцы. Логан по оставшейся с детства пастушьей привычке пересчитал спящих товарищей.

Один, два, три, четыре...

Он еще раз пересчитал всех по головам и похолодел от ужаса.

Гранта не было.

Господи.

Логан в гневе сжал кулаки. Кто должен сегодня стоять в карауле? Да он пожалеет, что на свет появился! Но, если уж быть честным перед собой, ему некого винить, кроме самого себя. Не надо было оставлять их одних!

Молясь о том, чтобы не произошло самого страшного, Логан пошел обыскивать замок. Грант ведь не мог далеко уйти, верно? Двери запирают на ночь... А что, если он с вечера не вернулся? Что, если он сейчас бродит по болотам, где один неверный шаг может стоить жизни?

И тут до его ушей донесся невнятный шум. Что это? Гул голосов?

Логан пошел на звук. Он дошел до конца коридора, заканчивающегося крутой, ведущей вниз лестницей. Голоса доносились из кухни. Логан, крадучись, стал спускаться. Теперь он уже различал голос Гранта. Слава богу. У него отлегло от сердца.

– Вережи громче, детка. Громче!

И следом раздался негромкий женский смех.

И вот он увидел их: Гранта и Мэдди. Они вдвоем сидели за столом, освещенным масляной лампой, и пили чай. Логан наблюдал эту идиллическую картину со смешанным чувством. С одной стороны, он был рад тому, что Грант жив и здоров, с другой стороны, только сейчас Логану пришло в голову, что в большей опасности, чем Грант, могла оказаться Мэдди.

– Добрый вечер.

Мэдди повернула к нему лицо.

– Логан, вы дома.

У капитана Маккензи голова пошла кругом от этих простых слов. Он и подумать не мог, что услышит эти слова из ее уст, а уж надеяться и давно. И еще: Логан готов был поклясться, что Мэдди обрадовалась,

увидев его. И, видит бог, она была хороша! На ней был стеганный домашний халат, надетый поверх ночной сорочки, и ей шла эта прическа: не слишком туго заплетенная коса, перекинута через плечо, и... Что это? Что за лента в ее косе? Нет, это не лента, это узкая полоска, отрезанная от подаренного им тартана.

Под напором захлестнувших его эмоций Логан еле устоял на ногах. И как ему быть? Заключить ее в объятия и признаться, что каждую минуту разлуки тосковал по ней? Сказать ей, как он ревнует ее к Гранту, чьи тупые шутки вызывали у нее смех, тогда как ему, Логану, так и не удалось ни разу ее рассмешить.

Ну конечно, он не бросится ее обнимать. И говорить он ей ничего подобного не станет. Потому что, если тебе вдруг запросто, без каких бы то ни было условий, предлагают то, чего ты был лишен всю жизнь, о чем ты поклялся даже не мечтать никогда, первой реакцией будет недоверие. И злость.

Глупая, ничем не оправданная, ничем не обусловленная злость.

– Что здесь происходит? – грозно прорычал Логан.

– Мы просто разговариваем. Вы проголодались? Я могу предложить вам...

– Нет.

– Она нарисовала моих малышей, – с гордым видом Грант протянул Логану лист бумаги.

– Вот, посмотри. Такими они были в тот день, когда я с ними попрощался. Теперь-то они, наверное, уже подросли.

Логан взял из рук Гранта рисунок. Даже без очков он мог судить о таланте той, что сделала этот набросок. Два светловолосых ребенка – мальчик и девочка – стоят, взявшись за руки, под цветущей рябиной.

– Так я хотел спросить, мы можем завтра отправиться в Росшир? – спросил у командира Грант. – Мне так хочется на них посмотреть.

– Да, сердце мое. Завтра. А сейчас пора спать. Поднимайся наверх, там увидишь остальных. Они все уже спят.

Грант послушно отправился спать, но, проходя мимо Логана, он по-дружески толкнул его локтем в бок.

– Ты знаешь, что ты на ней женат? – спросил он у Логана, кивнув на Мэдди.

Логан бросил на Мэдди неприязненный взгляд.

– Да, знаю.

Великан наклонился и потрепал Логана по волосам.

– Счастливчик.

Когда Грант ушел, Мэдди ополоснула чашки и убрала в буфет. Затем она вытерла стол и повесила сушиться кухонное полотенце. И все, не проронив ни слова.

Она старалась даже не смотреть в его сторону.

Ну ладно. Как пожелает. Он подождет. У него вся ночь впереди.

Когда Мэдди, наконец, повернулась к нему лицом, Логан, подняв рисунок с детьми под рябиной, раздражено спросил:

– Что все это значит?

– Прошу прощения, – нахмурившись, сказала Мэдди. – Я подарила эту работу Гранту. Рисунок принадлежит ему.

– Он забудет через десять минут о твоём подарке. И никогда не хватится его потом.

– Вероятно, вы правы. Он не будет тосковать по рисунку, но он тоскует по своим детям.

– Этим вы ему не поможете. Чего хорошего вы добьетесь? Вы только расстроите его, заставив гадать, где они.

– Возможно, разговоры о тех, кого он помнит, помогут излечить его разум.

– Он уже больше года такой. Он не выздоровеет. Никогда. Все, что ему нужно, это стабильность. Тогда он будет чувствовать себя в безопасности. Не надо его тревожить, это лишь сделает его еще более несчастным.

Мэдди обошла вокруг стола и, вплотную подойдя к Логану, пристально посмотрела на него, скрестив на груди руки. Снова этот взгляд. Взгляд, как зонд, нащупывающий пустоты в его душе.

– Так вот почему для вас так важно делать вид, что мы обычная семейная пара. Дело не только в земле для ваших солдат. Грант верит, что вы вернулись к своей возлюбленной, той самой, что писала вам письма, и она стала вашей супругой. И, поддерживая в нем эту уверенность, вы внушаете ему, что его, Гранта, счастье совсем рядом – рукой подать. Что завтра вы поведете его в Росшир, и он увидится со своей бабушкой и мальшами. Всегда завтра. И никогда сегодня.

Логан не собирался с ней спорить. Ему не было стыдно за себя.

– Я просто хочу для него покоя. Настолько, насколько для него вообще возможен покой.

– Но вы не можете до бесконечности лгать ему, Логан. Что будет, когда Грант станет старше? Когда он оглядится и увидит, что у его товарищей седые пряди в волосах, его руки стали морщинистыми и все его друзья имеют жен и детей, даже внуков?

Логан тяжело вздохнул и провел рукой по волосам.

– Это будет через много лет, а живем мы здесь и сейчас.

– Но это все равно случится. Неизбежно случится. Вы убеждаете себя в том, что можете уберечь его от реальности. Так вот, вам это не под силу. – Мэдди забрала у него рисунок. – Я знаю, что такое жить в мире, сотканном из лжи, Логан. Ничего приятного в этом нет. Это означает жить в постоянном страхе. В любой момент любая мелочь может разрушить этот хрупкий мир. То, что вы делаете, плохо для Гранта. И для вас тоже.

– Не вам решать, что хорошо и что плохо.

– Я хозяйка в этом замке. И я уже считаю Гранта своим другом. Вы можете попытаться указывать мне, что носить, куда идти и что подавать на ужин, но вы не можете запретить мне заботиться о нем и принимать участие в его судьбе.

– Могу. Я могу приказывать вам все, что захочу. И будет так, как хочу я.

Мэдди молча покачала головой.

Логан наклонился над столом, опершись на него ладонями.

– Вы не должны оставаться с ним наедине. Он – крупный и сильный мужчина с непредсказуемыми переменами настроения и поврежденным рассудком. Нельзя знать, что он выкинет в следующую минуту. Когда я спустился и увидел вас вдвоем...

Мэдди стояла, склонив голову набок, и смотрела на него из-под полуопущенных ресниц.

– Вы за меня волновались. Как это мило.

Логан стиснул зубы.

– Ничего в этом милого нет. Я увидел опасную ситуацию и отреагировал.

Мэдди погладила лацкан его кителя.

– Я тоже за вас беспокоилась. Вы должны были вернуться вчера. Вот поэтому мы с Грантом и чаевничали ночью. Чтобы скоротать ожидание, – проговорила Мэдлин, поглаживая своими тонкими пальчиками пуговицу на его кителе.

– Вы испугались, но это вполне естественно.

– Не испугался я! Я разозлился.

– Это заметно. – Мэдлин подняла на него глаза. – Но я не понимаю почему.

Логан тоже не понимал. Не понимал точно так же, как не понимал, зачем он так много думал о ней за последние три года. Он утрачивал контроль над собственной жизнью, а Логан больше всего на свете не любил терять контроль над ситуацией. И, поскольку никакой надежды на то, что он сможет вернуть себе бразды правления, не наблюдалось, он

решил, что заставит и ее утратить контроль над собой.

Логан качнулся ей навстречу и прижался губами к ее губам. Ему не пришлось трудиться, чтобы добиться от нее отклика. Губы ее разомкнулись сразу, и языки их сплелись в приветственном объятии.

Видит бог, он хотел ее.

Продолжая ее целовать, он стал развязывать пояс ее халата.

– Что вы делаете?

Логан не ответил, понимая, что если Мэдди до сих пор не поняла, что он делает, то в ближайшие минуты его намерения станут для нее вполне очевидными.

Пояс упал на пол. Ленная ночная сорочка была прохладной на ощупь и крахмально-хрусткой, но тело под ней было восхитительно нежным и теплым.

Логан усмехнулся. На этот раз на ней была всего одна сорочка.

Не сдержав стон, он стал прокладывать дорожку из поцелуев, скользя губами по ее шее и все ниже и ниже.

– Логан! – вскрикнула Мэдди.

Если она хотела его остановить, то тактику выбрала явно неудачную. Ему нравилось, когда она называла его по имени, очень нравилось.

– Вы сказали, что дадите мне время, – сказала Мэдди. – Время, чтобы найти иное решение. Я не могу допустить, чтобы это случилось.

– Это уже происходит. – Логан задрал ей сорочку и гладил ее по икре, снизу вверх, к нежной ямке на коленном сгибе.

– Ты ведь этого хочешь, сердце мое. Я знаю, что хочешь. Да, ты, конечно, можешь отрицать это на словах, но, если я прикоснусь к тебе, подтвердит ли твои слова твое тело? Или ты, горячая и влажная, будешь вздрагивать от моих прикосновений?

Руки его поднимались все выше, и она была такой нежной, такой теплой.

– Скажи мне, что ты не скучала по мне, – прошептал Логан. – Скажи мне, что ты не хочешь, чтобы я тебя трогал.

– Логан, я не могу...

Но голос ее сорвался, и он закрыл ей рот поцелуем.

«Нет, детка, ты не можешь мне это сказать, потому что это неправда. Ты хочешь меня так же сильно, как я хочу тебя».

Логану надо было в это верить. Иначе он сойдет с ума.

И, если не умом, то телом, Мэдди хотела его, ибо все оказалось именно так, как он предсказывал. Как и должно было быть.

Мэдди вскрикнула и перехватила его запястья.

– Логан...

– Только это, сердце мое. Только прикосновения.

И она сдалась и опустила голову ему на плечо. Логан дышал тяжело и хрипло.

И очень скоро он услышал первый робкий вздох наслаждения, за ним еще и еще. Логан замер, давая ей возможность привыкнуть к ощущению.

«Ты же умница, детка. Ты знаешь, чего хочет твое тело».

И Логан не ошибся. Сначала робко, потом все смелее Мэдди стала прогибаться навстречу его руке.

Еще никогда ему так не хотелось кончить.

Ее быстрые вздохи согревали Логану шею. Мэдди подняла голову. Темные глаза ее были немного сонными и на удивление загадочными. Она быстро облизнула губы острым кончиком розового языка.

Логан не мог больше молчать. Слова полились из него потоком. Нежные слова, грубые слова. Слова, от которых он наутро непременно отказался бы. Слава богу, он говорил на своем родном гаэльском наречии.

Как бы Мэддин смеялась, если бы понимала, что он говорит. Как бы рассмешили ее признания Логана в том, как часто он думал о ней, когда ее не было рядом. Что еще ни одна женщина так его не возбуждала. Мэдди, наверное, хохотала бы до колик, если бы узнала, что он сравнивал ее влажные губы с цветущим вереском в капельках утренней росы. И хорошо, что она его не понимала, потому что тогда он бы все испортил.

Логан шептал ей эти слова, потому что в его крови бурлил огонь желанья.

– Мэдди, девочка моя, сердце мое, моя красавица.

Мэдди закинула ему руки за шею и жарко поцеловала.

Логан не кончал в складки килта с тех пор, как ему исполнилось пятнадцать. Он не мог допустить этого сейчас. Логан не простит себе такой слабости. Мужчина должен уметь владеть собой. Мужчина ведет женщину и в танце, и в любви.

– Давай, сердце мое, – прошептал Маккензи. – Я хочу почувствовать, как тебе хорошо.

Логан ощутил напряжение в ее теле, Мэдди замерла, и он понял, что она близка к пику. Он продолжал ласкать ее, стараясь забыть о собственных потребностях.

Мэдди прикусила губу и зажмурилась.

– Вот так, умница. Пусть это случится.

И тогда он почувствовал это. Тело ее сжалось вокруг его пальцев, сотрясаясь в блаженстве. Мэдди вскрикнула тихо, сдавленно, но от этого ее

крик наслаждения не возбуждал его меньше.

А потом она обмякла, повисла на нем, влажная от пота, и Логан сказал себе, что баланс силы восстановлен.

Он опустил ее сорочку, прикрыв колени, и запахнул ее халат.

– Как-то на днях, – сказал Логан, глядя ее по спине, – ты сообщила, что Бекки приготовила для меня спальню.

Мэдди рассеянно кивнула, устроившись у него на груди.

– Сегодня я буду спать там.

– Нет, нет, – встрепелась Мэдди. – Логан, тебе ни к чему спать отдельно.

– Ты только что сообщила мне, что еще не готова.

– Я не это имела в виду. Радость телу можно подарить разными способами, но то же можно сказать о радостях сердечных.

– Я уже говорил вам...

– И солгали. Вы уже любили до меня. И не говорите, что вы ее не любили, раз хотели жениться на ней. Вы любили ее так сильно, что не расставались с талисманом с ее инициалами в самые трудные дни своей жизни.

Мэдди толкнула его в грудь.

– Я знаю, что у вас есть сердце, упрямец вы эдакий! Я знаю, что вы только притворяетесь безжалостным и грубым. Меня вам не обмануть!

Логан постарался придать своему голосу тон холодного безразличия.

– Вы обманываете себя.

– Наверно. – Мэдди пожала плечами и отвернулась. – Мне не впервой.

Если уж начистоту, то он был трусом. Логан боялся признаться в том, что сердце его не осталось безучастным. Вернее то, что осталось у него от сердца. И с каждым часом это увечное, израненное сердце все громче заявляло о себе.

Мэдди во многом ошибается, что касается его, Логана, личности, но кое в чем она была права. Возможно, он не был таким уж пустым внутри, каким ему хотелось казаться себе. И эта мысль пугала его. Он не хотел нуждаться в ее сочувствии, в ее привязанности. Если он будет в ней нуждаться, то даст ей власть над собой, а он и так слишком часто пляшет под ее дудку.

Все эти письма, что он годами получал от нее, перечитывал, терзался мыслями о ней, вождедел ее, тосковал по ней...

Зачем, зачем она годами приручала его к себе? Чтобы убить его, когда ей наскучила забава?

Гнев бессмысленный, беспощадный охватил его. Потребность ее

наказать, овладеть ею, присвоить себе. Этой ночью он был бы для нее более опасен, чем безумный Грант.

Логан собрал всю оставшуюся волю в кулак и отступил.

– Спокойной ночи, сердце мое. Иди спать. И, когда зайдешь в спальню, не забудь запереть дверь.

Глава 15

Утром, за завтраком, Рабби, приподняв бровь, поинтересовался у Маккензи:

– Никаких подвижек на любовном фронте не наблюдается?

Логан смотрел прямо перед собой, словно и не слышал вопроса.

– Понятно. Подвижек нет.

– Ты уверен, что все правильно делаешь? – участливо спросил Каллум.

Логан бросил на него угрюмый взгляд.

– Ты должен стать для нее Робинот Роем, шотландской версией их, английского Робина Гуда. Ты говоришь ей ласковые слова? Сердца англичанок тают от комплиментов. Чем чаще ты называешь ее красавицей, тем больше шансов на успех.

– Что ты можешь знать о сердцах англичанок?

– Каллум все верно говорит, – вмешался Рабби. – «Красавица» – нужное слово, а «маленькая принцесса» – еще лучше.

– Добавь к этому еще и слово «моя»: «моя красавица», «моя малышка», моя принцесса» – да еще всякие охи и ахи по любому поводу, – посоветовал Каллум. – И улыбайся чаще.

Рабби покачал головой.

– Вы все не видите очевидного.

– И что же это? – спросил Монро.

Логан был рад, что вопрос задал Монро, потому что он, Логан, точно об этом не стал бы спрашивать. Но, если уж начистоту, терпение его было на исходе. Если в ближайшее время он не станет ей мужем в исконном смысле, то, скорее всего, сойдет с ума. На данном этапе он готов был выслушать любые соображения, какими бы дикими и смешными они ни казались. И даже если эти соображения исходят от Рабби.

Рабби пригнулся и зашептал:

– Мэдлин должна увидеть его без килта. То есть без рубахи, пледа, килта – без всего.

Предложение было встречено сдержанным, но одобрительным гулом.

Логан закатил глаза и воткнул нож в мясо.

– Нет, я на полном серьезе, – продолжил Рабби, встав из-за стола. – Вот как я себе это представляю. Ты встанешь рано утром, капитан. Лучше бы, чтобы утро было туманное, когда сумрак, словно одеялом, укрывает долину. – Рабби широко обвел рукой вокруг себя. «Прямо поэт», – с

сарказмом подумал Логан. – Ты раздеваешься догола, а потом ныряешь в озеро. И ждешь, пока Мэдлин выйдет тебя искать. Потому что рано или поздно она все равно выйдет. Они всегда выходят. Но, когда Мэдлин выйдет, ты должен сделать вид, что не заметил ее. А затем, когда она подойдет достаточно близко, чтобы увидеть, и когда ты точно будешь знать, что она не отвернется, ты выпрыгнешь из воды, как дельфин. Выскочишь из тумана, тряхнешь головой, откинешь волосы назад обеими руками... – Рабби провел руками по волосам для наглядности. – И брызги попадут на плечи, а потом тонкими струйками потекут по плечам, по груди, – Рабби, намечая дальнейший маршрут струек, указательным пальцем провел вниз по животу. – Примерно вот так.

Монро пренебрежительно хмыкнул.

– То есть ты предлагаешь, чтобы капитан Маккензи встал до рассвета, залез в ледяную воду и плавал там не меньше часа? Послушай, когда он, наконец, вылезет из воды, его достоинство съежится от холода так, что Мэдлин вообще ничего не увидит.

Все захохотали. Даже Грант.

– Смейтесь на здоровье, – обиженно произнес Рабби, – но поверь мне на слово, капитан. Сними килт. И в следующий раз, когда Мэдлин окажется в твоих объятиях, она не сможет устоять.

– Я был женат, – сказал обычно молчаливый Файф. – И я скажу тебе, чего хочет Мэдлин. Она хочет твои узнать секреты. Она хочет твою душу. Придется тебе залезть внутрь себя и вытащить на свет осколки своего сердца, что ты прячешь от мира и даже от самого Господа Бога. А потом преподнести ей на блюде все, что тебе удастся извлечь. На меньшее Мэдлин не согласится. Все они одинаковые.

После этих слов среди бывших солдат воцарилось угрюмое молчание.

– Мое предложение мне нравится больше, – сказал Рабби, подмигнув Логану. – Попробуй вначале то, что я тебе посоветовал.

– Это можно, – нехотя согласился Логан.

Даже если он и согласится распахнуть свою душу, едва ли он найдет там что-то такое, что могло бы ее впечатлить.

– Вы все усложняете, – сказал Монро. – Она же девушка. Принеси ей цветы. Пригласи потанцевать. Дай ей повод надеть нарядное платье. И этого будет достаточно.

– Но Мэдди не такая, как все прочие девушки. Ей все это не нравится, – сказал Логан.

– Поверь мне. Это нравится любой девушке.

Логан почесал затылок и глубоко вздохнул. Может, Монро и прав.

Логан помнил, что сказала тогда, в деревне, Мэдди.

«Женщины есть женщины, Логан. Каждой девушке время от времени нужно немного побаловать себя, чтобы почувствовать себя хорошенькой».

Разве не в этом суть всех ее писем? Мэдлин не верила, что могла иметь успех на балу, и она мечтала о мужчине, который бы все равно ее любил.

Логан не хотел быть мужчиной ее мечты, но, возможно, он мог примерить на себя эту роль. На одну ночь.

Может, все, что нужно Мэдди Грейсчерч, это чтобы за ней поухаживали? Может, ей просто нужно внимание, как и любой девушке ее возраста?

Теперь Логан точно знал, что ему делать.

– Черт меня подери, – произнес Логан, – но я поеду на этот чертов бал с жуками.

– Вы хотите посетить бал лорда Варли? – Мэдди опустила перо в чернильницу, хотя только что уже делала это, и посмотрела на Логана. – Но это невозможно.

– Почему?

– По целому ряду причин. Их не меньше дюжины.

Одетая поверх платья в перепачканный чернилами рабочий халат, Мэдди стояла, обхватив себя руками, и нервно покусывала нижнюю губу. Вдруг рука ее вспорхнула к ключице. Мэдди не догадывалась о том, что, глядя на нее, Логан сходит с ума от похоти.

Капитан Маккензи тоже обхватил себя руками и сжал кулаки. Только так он мог заставить себя не распускать руки.

– Перечислите причины.

– Мы уже отказались принять приглашение. Я сообщила лорду Варли, что мы не приедем.

– Это легко поправить. Напишите ему письмо и сообщите, что мы передумали. А я сегодня же отправлю одного из своих бойцов к лорду Варли с письмом. Следующая причина.

– Я... Мне нечего надеть. – Мэдди опустила глаза. – Я продолжаю носить траур. У меня нет ни одного нарядного платья.

– Завтра мы найдем для вас готовое платье в Инвернесе. Еще есть причины?

– А вы, я полагаю, могли бы надеть парадную форму. К военной форме ни у кого не будет претензий. Но вы ведь пригласили всех арендаторов в замок на Белтейн, а до первого мая осталось меньше двух недель.

– Тем больше причин найти вам новый наряд. Хозяйка замка не может встречать гостей в сером платье.

Мэдди вздохнула.

– Лорд Варли живет в графстве Перт, а это далеко отсюда.

– Я слышал о новейшем изобретении. Называется постоялый двор с гостиницей. И строят их, как говорят, как раз рядом с дорогами. Думаю, мы найдем, где переночевать.

Логан поймал себя на том, что ему все больше нравится мысль о поездке в Перт. Верно то, что Логан сильно недолго любил всяких там жуков и пауков, но перспектива провести ночь с Мэдлин в крохотной комнатке придорожной гостиницы на узкой кровати вдали от его бойцов и ее тети стоила некоторых неудобств. Вот там-то он точно уговорит ее расстаться с девственностью.

– Но это же бал. – Мэдлин отвернулась от него и принялась раскладывать аккуратными стопками листы на столе. – Я не хожу на балы. Я не умею танцевать. Там я чувствую себя несчастной и жалкой.

– Я тоже не умею танцевать. Вернее сказать, я умею танцевать, только не те танцы, что танцуют на балах.

Он подошел к ней со спины и обнял за талию.

– Нам не обязательно танцевать, сердце мое. Мы просто поедем послушать, что лорд Варли будет рассказывать о своих жуках. И, что еще важнее, он покажет твои иллюстрации, и все увидят ту, кто их нарисовала.

– На самом деле мне не хочется привлекать к себе внимание. – Мэдди постучала карандашом по столешнице. – Но, должна признаться, я бы хотела иметь возможность встретиться с человеком, который будет там.

Логан встрепнулся.

– С мужчиной?

– Логан, не ревнуйте.

Он крепче стиснул ее талию.

– Тебе нравится, когда я ревную.

– Ну что же, вы отчасти правы, – с улыбкой призналась Мэдлин и совсем другим, серьезным тоном продолжила: – Лорд Варли рассказал мне об одном ученом, с которым он познакомился в Эдинбурге. И этот ученый будет на балу. По словам лорда Варли, этот ученый планирует выпустить энциклопедию под названием «Насекомые Британских островов» в четырех томах. Возможно, ему понадобится иллюстратор. Лорд Варли обещал представить нас друг другу.

Логан развернул Мэдлин к себе лицом.

– Вот видишь, ты же все-таки хочешь попасть на этот бал!

Мэдди не ответила, но ему и так все было понятно. Щеки ее слегка порозовели. А вот когда он заставит ее сменить этот серый балахон на нарядное шелковое платье, тогда, можно сказать, битва будет наполовину выиграна.

– Я насчитал только шесть причин, а ты сказала, что их дюжина. Продолжи список. Может, и эти причины не причины.

– Если подумать, осталась только одна причина. И с ней уж точно ничего поделать нельзя.

– И в чем же она состоит?

– Я не могу оставить крабов.

Господи!

Мэдди подошла к аквариуму и заглянула в него.

– Флаффи последние сутки проявляет активность. Это может означать, что она готова к линьке. Мне надо быть неподалеку, а то я пропущу процесс спаривания. Я слишком долго ждала этого момента, чтобы позволить себе его упустить. И, если уж на то пошло, Рекс тоже прождал немало.

Черт бы драл этого краба, неужели она не видит, что Рекс – не единственный неудовлетворенный самец в замке? Если этот краб удовлетворит свою нужду раньше его, Логана, то ему, Логану, останется одно: забраться на самую высокую башню замка Ленер и броситься вниз головой.

– Позволь мне позаботиться о крабах, – сказал Логан.

– Но...

– Доверься мне. – Он положил ей руки на плечи. – Я – капитан Маккензи, ты ведь помнишь? Я знаю, как выставить караул и как командовать войсками. Мы пересадим Рекса на одну ночь в другую емкость. Своих бойцов я поставлю караулить по очереди у аквариума с Флаффи. Как только она подаст первые признаки линьки, Рабби со всех ног помчится в поместье лорда Варли и сообщит тебе об этом. А ты, возвратившись домой, вернешь Рекса к Флаффи и сможешь сколько душе угодно наблюдать за их искрометной любовью.

Мэдди смотрела на аквариум.

– Насчет искр – это, пожалуй, перебор.

– Ну ладно, назовем их любовь игристой. Пузырьки ведь будут, да? И антенны тоже у них будут качаться? Короче, ты сможешь наблюдать за всем, что происходит, когда крабы занимаются любовью, и, клянусь, ты ничего не упустишь. Я не даю обещаний, которые не могу выполнить.

Мэдди смотрела на него своими большими глазами. И, как всегда,

ему казалось, что она видит его насквозь.

Логан больше не мог сдерживаться. Он прикоснулся к ее ключице, провел пальцем вдоль ямки, успокаивая ее так, как она любила успокаивать себя сама.

Кожа ее была удивительно нежной. Ему совсем не хотелось ограничиваться прикосновением только к этой впадинке.

– Позволь мне обо всем позаботиться. – Голос его внезапно охрип. – Мне просто хочется, чтобы ты получила удовольствие. Ты это заслужила, Мэдди.

Она сделала глубокий вдох и такой же глубокий выдох.

– Ладно.

Логан рассчитывал на несколько иной отклик. Более живой, что ли.

Но она согласилась, и это уже хорошо. Принимается.

– Я согласна поехать на бал. – Мэдди подняла голову и заглянула ему в глаза. – Я с радостью туда поеду.

Ну, вот уже гораздо лучше.

– Вероятно, это как раз тот компромисс, что мы ищем.

Логан подумал, что она, возможно, и ищет компромисс, но только он ни на какие компромиссы не согласен. Он с самого начала не собирался идти ни на какие уступки.

– Я хочу то, что хочу, детка. И это все.

– Я знаю. Я действительно вас понимаю. Вот поэтому я и считаю, что все складывается как нельзя лучше. – Мэдди радостно всплеснула руками. – Видите, у вас все-таки есть мечта.

– Я говорил тебе, сердце мое, я не...

– Вы даже сны не видите. Пусть будет так. Не называйте это мечтой. Назовите это целью. Вы хотите, чтобы ваши боевые товарищи жили здесь, в этой долине. У меня тоже есть мечта.

– Мечта о жуках.

– Вот именно. Мечта обо всех насекомых Британских островов. Если мистер Дорнинг наймет меня для работы над энциклопедией, у меня небольшой, но стабильный заработок. И тогда я могу рассчитывать на новую работу в будущем. И мне не придется жить здесь.

Логан покачал головой.

– Мы уже это обсуждали. На аренду я не соглашусь, а купить землю мне не на что.

– Пожалуй, мы можем попробовать договориться по-другому. Устроить обмен.

– Обмен? Что за обмен?

– Вашу цель в обмен на мою мечту.

Маккензи уставился на нее, перестав вообще что-либо понимать. Что она несет?

– Я бы никогда не подумала поехать на бал сама. Я застенчивая, неловкая. Как только я попадаю в людные места, мне хочется бежать со всех ног и спрятаться. Но, наверное, если вы будете рядом, мне будет легче. – На губах ее играла улыбка. – Уже хотя бы потому, что вы так будете меня злить, что я забуду о себе и своих проблемах. Если вы будете рядом со мной в гостях у лорда Варли, то, возможно, поможете мне произвести приятное впечатление на мистера Дорнинга. И, если он наймет меня иллюстрировать его энциклопедию... – Мэдлин, которая во время своей речи расхаживала по комнате, остановилась и повернулась к нему лицом. – Я отдам вам замок и сделаю это с радостью.

Логан не верил своим ушам. И, даже если он не ослышался и она действительно предлагала ему забрать замок в обмен на помощь в получении работы, он не мог поверить в искренность ее намерений.

– Я этого не просил, – сказал Логан. – И я не хочу таких подарков. Никто и никогда ничего мне даром не давал. Мне всегда приходилось отрабатывать то, что я получаю.

– Я знаю. И вам придется потрудиться в обмен на то, что я вам даю. Видимо, обмен кажется вам неравноценным, если принять во внимание стоимость замка и земли. Но для меня это будет вполне равноценный обмен.

Он не знал, что сказать.

– Вы уверены?

– Я уверена. Да, и еще одно условие. – Мэдди кусала губу. – Вы должны вернуть мне письма.

– Ну да, – сказал он. – Письма. Конечно.

Допустим, кое-какая загвоздка и присутствовала, но Логан решил, что раз уж ему выпал такой шанс, то отказываться грех. Он лишь позаботится о том, чтобы Мэдди подписала свой экземпляр договора до того, как он протянет ей свой. Она запрокинула ему руки за шею, слегка качаясь взад-вперед, как заправская кокетка.

– И, раз уж на кону больше не стоит признание законности нашего брака и играть в кошки-мышки нам ни к чему, мы могли бы вкусить от плотских наслаждений, скажем так, в облегченном варианте.

Логан наострил уши.

– Вы сами говорили, что люди изобретательнее крабов.

– Да, детка. Это так.

– И еще вы говорили, что я любопытна. Может, насчет этого вы тоже были правы. Особенно после вчерашней ночи.

Мэдди положила ладони ему на грудь. Такие нежные. Такие теплые. Такие чуткие любопытные пальчики.

Этот ее план... Вот уж впрямь не придерешься. Но слишком уж все получалось гладко. Вернее сказать, все было бы слишком гладко, если бы не одно досадное препятствие. И, похоже, неустранимое.

Логан сгоряча вызвался повести ее на бал, тогда как сам ни разу на балу не был. Он пообещал составить ей компанию в обществе чертовых натуралистов, где главной темой разговора будут всякие жуки и пауки, которых он терпеть не мог. И самое главное, он, кажется, смог убедить Мэдди в том, что на балу ее ждет успех. Но как этот успех обеспечить, он не имел ни малейшего понятия. И при этом у него хватило ума сказать, что он не дает невыполнимых обещаний.

Как же ему теперь быть?

Может, стоит поискать ответ в книге?

Глава 16

Выйдя из-за ширмы готовой ко сну, Мэдди оказалась катастрофически не готова к тому, что ей предстояло увидеть.

– Право, Логан, это нечестно.

Он полулежал на кушетке, прикрыв лицо книгой в зеленом кожаном переплете.

– Вы читаете «Гордость и предубеждение»?

Логан пожал плечами.

– Я читаю первое, что мне попало на глаза на вашей книжной полке.

Он читал ее любимую книгу! Вот уж пытка, так пытка.

– Пообещайте мне, – сказала Мэдди, – что, когда я однажды выйду из-за ширмы, я не увижу вас с младенцем на руках. – Застав его со своей любимой книгой, она так растрогалась, что едва не забыла об угрожающей ей опасности. Возможно, увидев его с младенцем на руках, она бы расчувствовалась еще сильнее, а может, и нет.

– Это едва ли, – посмеиваясь, ответил он.

– Хорошо.

– Раз уж мы заговорили о книгах, – Логан встал с кушетки и отложил томик в сторону, – у меня к вам есть вопрос. Если вам так нравится эта книга, зачем вы придумали себе шотландского офицера, а не кого-то вроде мистера Дарси?

– Потому что мой герой должен был жить как можно дальше от Лондона и в этом смысле Шотландия вполне меня устраивала.

Логан усмехнулся.

– Ну и как, сработало?

– Не совсем так, как я планировала. А жаль. – Мэдди села за туалетный столик заплетать косу на ночь. Вместо ленты она воспользовалась лоскутом от тартана. – У вас еще есть вопросы?

– Да, один.

Мэдди обернулась и увидела желание в его глазах.

– Почему ты никогда не присылала мне свой автопортрет?

Мэдди удивил его вопрос.

– Не знаю. Наверное, потому, что мне никогда это не приходило в голову. Не хотите ли вы сказать, что вам хотелось увидеть, как я выгляжу?

– Конечно, хотелось. Я же мужчина, черт возьми.

Да, он мужчина. В этом трудно усомниться. Особенно сейчас, когда он

расстегивал манжеты рубашки, демонстрируя загорелые мускулистые предплечья.

– Каждый раз, получая от тебя письмо, я ждал с надеждой, что найду в конверте рисунок с изображением женщины. – Логан стянул рубашку и повесил ее на спинку стула. – Но удача мне так и не улыбнулась. Ты присылала мне только мотыльков да улиток.

Мэдди перестала воспринимать, что он говорит, как только услышала эти заветные слова. Он «ждал с надеждой». Он радовался каждому ее письму.

– Вы... – Речь давалась Мэдди с трудом, во рту пересохло. – Вы ждали моих писем?

Логан стоял перед умывальником. Услышав ее голос, он обернулся к Мэдди.

– Война – тяжелая работа, сердце мое. И еще на войне часто одолевает скука. И про удобства приходится забыть. Если ты можешь надеть чистые носки – это уже праздник. Зубная щетка, – Логан повыше поднял ту, что держал в руке, – вообще на вес золота. И письма, любые письма – манна небесная. – Ополоснув лицо, он подошел к Мэдди и провел пальцем по ее ключице. – А нежное девичье лицо, пусть даже нарисованное – это вообще запредельное чудо.

Логан расстегнул верхнюю пуговицу ее ночной сорочки и приспустил ее с плеча.

– Сегодня только одна броня?

– Я вам доверяю, – сказала Мэдди.

С тяжелым вздохом Логан прислонился к изголовью кровати. Он ни разу не оторвал глаз от ее тела.

– Ну, тогда, нарисуй для меня свой портрет. Без карандаша, без бумаги. И прямо здесь и сейчас.

У Мэдди участился пульс. Отчего-то тело ее знало, как нарисовать картину без всяких вспомогательных средств, лишь силой воображения. Но она слукавила:

– Расскажите мне, как это сделать.

– Начни с того, что распусти волосы.

Развязав отрезанный от тартана лоскут, Мэдди принялась медленно распускать косу, время от времени покачивая головой, чтобы пряди рассыпались по плечам и спине. Мэдди поймала себя на том, что она согласна выполнить почти любое его желание. Нет, не ради него, нет. Ради себя. Ей нравилось чувствовать на себе его взгляд. Ей хотелось, чтобы он так смотрел на нее бесконечно.

– Теперь вот так, – сказал Логан и, расстегнув вторую пуговицу рубашки, ниже приспустил ее с плеча. Мэдди замерла в напряжении.

– Я просто хочу посмотреть, сердце мое. – Голос его звучал хрипло. – Позволь мне, я большего не прошу.

И Логан еще немного приспустил рубашку, обнажив ее грудь.

Пальцем он обвел сосок, который тут же отвердел.

Мэдди смотрела на его лицо, сведенное гримасой мучительно-острого желания. Если бы ей раньше сказали, что она способна довести мужчину до такого накала, то никогда бы не поверила. Логан сглотнул, и, глядя на его кадык, Мэдди подумала о том, что никогда не видела ничего эротичнее.

Всю жизнь Мэдди стремилась уйти в тень. И, честно говоря, роль наблюдателя казалась ей гораздо выгоднее и интереснее, чем роль наблюдаемого. И она в совершенстве овладела искусством растворяться в окружающей среде так, что становилась неотличимой от фона. А сейчас, впервые в жизни, ей совсем не хотелось выходить из фокуса внимания этого мужчины.

Она высвободила руку из рукава ночной сорочки. Затем расстегнула еще несколько пуговиц, вытащила и вторую руку. Мягкий лен белым облаком сгустился вокруг ее талии.

Сердце билось где-то у горла.

– Ляг навзничь.

Мэдди исполнила приказ и то ли из кокетства, то ли из-за тайной испорченности еще и приспустила сорочку ниже бедер, представ перед ним во всей красе без всяких покровов.

Неожиданно она оказалась перед непростым выбором: какую позу принять? Остаться лежать на спине или все же повернуться на бок? Ноги согнуть или оставить прямыми? И что прикажете делать с руками? Закинуть их за голову? Вытянуть вдоль тела?

Самым первым побуждением было обхватить себя руками, но тогда эротизма в ее картине явно стало бы не хватать.

В итоге она выбрала позу на боку наискось поперек кровати со сдвинутыми в сторону, чуть согнутыми в коленях ногами. Одну руку она закинула за голову, другую положила на бедро.

Логан так долго смотрел на нее, не говоря ни слова, что это начало ее беспокоить.

– Может, не стоило...

– Тс-с-с, – приказал Логан. – Картины не разговаривают.

Мэдди провела кончиками пальцев по своей стройной шее сверху вниз. Отчасти она сделала это, чтобы его спровоцировать. Сейчас он

скажет, что картины не только не говорят, но и не двигаются.

Но жалоб от него не последовало.

Если только сдавленный стон не воспринимать как жалобу.

Мэдди, не встретив возражений, продолжила «писать картину». Рука ее медленно двигалась вниз по ложбинке декольте. Логан пробормотал что-то на гаэльском языке. Как показалось Мэдди, он выругался.

Не отрывая взгляда от ее тела, он что-то расстегнул с изнанки килта, и тяжелый плед упал на пол. Логан предстал перед ней нагим. Обнаженным, загорелым, мускулистым, припорошенным жесткими пружинками волос.

И во всеоружии мощной эрекции.

Мэдди, даже рискуя показаться плохо воспитанной, уставилась на самую выдающуюся во всех смыслах часть его тела. Она была в восхищении. И не только как художница, но и как женщина. Глядя на него, она проделывала в уме кое-какие вычисления, рисовала диаграммы.

Нестыковка казалась очевидной, и это порождало вопросы, для ответа на которые необходимо более близкое знакомство с объектом. Или хотя бы более пристальный взгляд на предмет.

Значит, надо было чем-то занять и его глаза тоже.

Указательным пальцем Мэдди прочертила окружность, обрисовав контур левой груди. Убедившись в том, что всецело владеет вниманием своего капитана, она прочертила окружность с тем же центром – совпадающим с ее соском, но только меньшего радиуса и так постепенно по спирали приближалась к розовой ореоле.

Маккензи застонал и одной рукой схватился за столб, к которому крепился балдахин. Другой рукой он схватился за член.

Возбуждение охватило ее внезапно, в то самое мгновение, как пальцы его правой руки сомкнулись вокруг его возбужденной плоти.

Наверное, ей следовало бы испытывать смущение, даже стыд, и Мэдди действительно было немного стыдно за себя, но глаз отвести она не могла. Видимое свидетельство его возбуждения, предельное напряжение всего его такого сильного тела – все это вызвала к жизни она, Мэдлин!

От сознания безграничности собственной власти у Мэдди кружилась голова. Словно она перебрала шампанского.

Но больше всего ее пьянил, кружил ей голову его взгляд. Логан смотрел даже не на нее, он заглядывал вглубь ее. Смотрел и одновременно ласкал. Оказывается, чтобы заниматься любовью, даже руки в ход пускать не обязательно. По крайней мере, Логан Маккензи умел это делать одними глазами.

Мэдди обвела пальцем один сосок, затем второй, потом тем же

пальчиком прочертила стрелу, направленную вниз, до пупка и ниже, до самого низа.

Маккензи кивнул. Взгляд его отяжелел от желания.

– Продолжай.

Мэдди с трудом верилось в то, что она это делает, но желание ее достигло того накала, когда от стыда ничего не осталось. Она касалась себя там, где ей было всего приятнее. Она делала то, что могла делать, если бы ее никто не видел. Если бы она была одна. Но она не была одна. Логан наблюдал за ней, и это означало, что она чувствовала стократ острее. Напряжение между ними достигло опасного максимума – того и гляди возникнет разряд. Но опасность тоже подпитывала возбуждение. При этом, как ни странно, опасность соседствовала с доверием. Абсолютным доверием. Еще никогда Мэдди так всецело никому не доверяла.

Сомкнутой вокруг члена рукой он двигал вверх и вниз все быстрее, все отрешеннее. Дыхание его стало хриплым и сбивчивым. И Мэдди почувствовала, что пик ее наслаждения неумолимо и быстро приближается.

Ей хотелось оттянуть удовольствие, чтобы во всех деталях рассмотреть происходящее, но события разворачивались, не сообразуясь с ее желаниями. Скоро, слишком скоро ее сознание отключилось, и Мэдди, зажмурившись, закачалась на волнах блаженства.

Словно издали Мэдди услышала его тихий стон. Когда туман в ее голове рассеялся и она открыла глаза, то увидела, что Логан вытирает себя сорочкой.

Мэдди боялась вздохнуть полной грудью. Что они теперь скажут друг другу после этого?

Как выяснилось, говорить ничего не пришлось.

Логан молча улегся на свою половину кровати, не касаясь ее. Он просто лежал рядом, и между ними не было ни подушек, ни напряжения, только приятное тепло. Дыхание его выровнялось, и Мэдди, успокоившись, ощутила, наконец, приятную расслабленность во всем теле. Нарушить эту гармонию словами ни у него, ни у нее язык не повернулся.

И потому они лежали молча.

А потом оба уснули.

Во сне Логан чувствовал то же, что и обычно: мрак, холод и пустоту, грозящую перейти в вечность.

И вдруг, словно из ниоткуда перед его взором возникло женское лицо. Красивое лицо, бледное, с темными глазами. А потом он услышал приятный, чуть хриловатый голос. Ласковый голос, зовущий его по

имени.

– Логан...

Ну что же, подумал капитан Маккензи, если он сумел развить в себе способность видеть сны, от таких снов он бы не отказался.

Во сне Логан попытался дотянуться до женщины, в надежде привлечь ее к себе и обнять.

И вот тогда ее лицо начало отдаляться. Растворяться в темноте.

«Нет. Нет, вернись».

– Логан.

На этот раз в ее голосе был страх.

Логан должен был до нее дотянуться. Обнять ее. Прижать к себе и не отпускать, чтобы она снова от него не ушла.

Но он напрасно протягивал к ней руки. Посмотрев вниз, Логан, к ужасу своему, увидел, что ступни его ушли под землю. И руки его больше не были его руками.

Они были на удивление худыми. Тонкими. Маленькими, как у ребенка. И конечно, не мог дотянуться до нее этими крохотными детскими ручонками, как ни старался.

А ведь он старался. Еще как старался.

Вновь и вновь.

– Логан.

Логан рывком сел в кровати. Его трясло, и он задышался. Постель под ним была влажной от пота.

Мэдди тоже не спала, она сидела в кровати и смотрела на него.

– Логан, ты здоров? – спросила она, коснувшись его плеча. – Тебе что-то снилось.

Логан покачал головой.

– Это невозможно. Я никогда...

– Ты видишь сны, упрямец. Я – тому свидетель. И еще ты говоришь во сне. Иногда мне удастся успокоить тебя, не разбудив, но на этот раз мне пришлось заставить тебя проснуться. Я не могу смотреть, как ты страдаешь.

Логан все еще тяжело дышал. Он не знал, как отнестись к тому, что Мэдди ему сказала. Получается, он каждую ночь выкидывает фортели, а она его успокаивает, приводит, так сказать, в себя. Какой позор.

Логан провел рукой по волосам. Ему было не по себе.

– Сейчас тебе уже лучше, – ворковала Мэдди, глядя его по спине. – Мы можем снова лечь спать.

Логан повел плечами, стряхивая ее руку.

– Уже почти утро. Раз уж мы все равно не спим, можно было бы выехать в Инвернесс пораньше, чтобы к открытию магазинов уже быть там.

– Как скажешь.

Логан делал вид, что не замечает, что она расстроена и даже обижена. Да, он дал ей понять, что не нуждается в ее жалости, но, если бы он этого не сделал, потом ей было бы еще больнее.

С самого начала он понимал, на что идет. От нее ему нужна земля. И это все. Никаких нежных чувств, никакой привязанности. Он вел с ней войну, и в этой войне Мэдлин либо отдаст ему свою землю, либо свою девственность. А эмоции лишь все усложнят.

Он не станет поощрять в ней желание о нем заботиться.

Хотя бы из-за того, что ему самому становилось все труднее противостоять искушению; давить в себе желание заботиться о ней.

Глава 17

Тетя Тея, наклонившись к нему, заговорщически шепнула:

– Полагаю, у вас не слишком большой опыт в приобретении бальных нарядов для леди?

– И что навело вас на это предположение? – не без иронии спросил в ответ Логан.

Логан и тетя Тея сидели рядом посреди магазина одежды города Инвернесса и ждали, пока Мэдди сделает свой выбор. Сидели они на неудобных стульях, любезно вынесенных для них из подсобки хозяином магазина. Мало того, что сиденье было жестким и скрипучим – это Логан как раз мог пережить, но еще у него в глазах рябило от всяких там кружев и воланов. И еще у него чесались руки, и все время хотелось чихать.

– И на балах, похоже, вы тоже не частый гость? – спросила Тея.

– Не был ни на одном, – признался Логан.

– Должно быть, вы очень нервничаете. Я перед своим первым балом две недели есть не могла.

Если до сих пор Логан не замечал в себе особой тревожности, то сейчас он, того и гляди, тоже потеряет аппетит.

«Вот спасибо, тетя Тея. Потрафили так потрафили».

– Пока мы ждем, позвольте дать вам совет, – сказала тетя Тея и, поднявшись, слегка подтолкнула Логана локтем в бок. – Встаньте же. Мужчина не должен сидеть, когда дама стоит.

Логан неохотно встал. Урок хороших манер? Не самое интересное занятие, надо признать, но все лучше, чем ерзать на стуле и притопывать ногой. Еще немного, и он дырку протрет в ковре.

– Итак, – начала учить его тетя Тея, – лицо низшего звания всегда представляют лицу более высокого ранга.

– Только запоминать все эти дворянские титулы по старшинству мне ни к чему, я все равно всегда буду в самом низу.

Едва ли на балу у графа окажется кто-то ниже его рангом. Да и там, где он рос, в маленькой шотландской деревне, ниже его были разве что собаки, и то не факт: иногда сначала давали еду собакам, а потом ему.

– Неважно. После представления идет поклон. Кланяться в пояс нет необходимости – это обязательно только для лакеев. Но сдержанный кивок – это неременный атрибут вежливости. Вспомните, где у вас лопатки. А теперь сведите их вместе и чуть согнитесь в том самом месте.

Логан, как мог, поклонился, чувствуя себя деревянной ярмарочной куклой.

– А теперь поцелуйте мне руку.

Логан поднес руку Теи к губам и поцеловал ее пальцы.

– Эта процедура не является строго обязательной, – со смешинкой в глазах сообщила ему Тея. – Это была, можно сказать, моя личная прихоть.

Логан не мог сдержать улыбку. Неизвестно, от кого Мэдлин унаследовала робость, но уж точно не от тети.

– А теперь о танцах, – сказала Тея.

– Мы не будем танцевать.

– Танцевальные па не так уж трудны для запоминания. Дождитесь контрданса и наблюдайте за джентльменами рядом с вами. Или, если вы достаточно авантюрны, вы можете попробовать вальс.

Логан покачал головой.

– Мэдди сказала мне, что она совсем не хочет танцевать.

– Может, она и не хочет. Зато я хочу. Даже страшно подумать, сколько воды утекло с тех пор, как я танцевала гавот с графом Монтеклер.

– Смеетесь надо мной?

Логан бросил тоскливый взгляд на тяжелые портьеры, за которыми располагалась примерочная, но Мэдди не торопилась выходить из этой чертовой комнаты. Похоже, ему не отвертеться.

И потому Логан позволил тете Тее придать его рукам нужное, по ее мнению, положение и под ее «раз, два, три» закружил старушку по торговому залу. Разумеется, ни за что не вспомнил бы, что именно он делал ногами, но порадовать Тею ему точно удалось.

– Неплохо, – чуть задыхаясь, сказала старушка. – Совсем не плохо!

Логан поклонился и вновь поцеловал кончики ее пальцев. Тея, не отпуская его руку, крепко ее стиснула.

– Видите ли, у меня никогда не было детей, и потому Мэдди так мне дорога. Она мне как дочка. Вы ведь понимаете, что это значит, Логан?

Логан неловко переминался с ноги на ногу.

– То есть вы сейчас меня предупреждаете, что, если я ее обижу, вы добавите мне в чай яд?

– Нет, все гораздо серьезнее. Если вы – муж Мэдди, то я намерена стать вам матерью. – Тея крепко его обняла и так же неожиданно быстро отпустила. – И вам ничего не останется: только терпеть.

Логан лишился дара речи.

Он никогда не знал матери и о том, что такое материнская любовь, мог лишь смутно догадываться. И даже смутно не представлял себе, что такое

сыновья любовь. Но зато он знал, что такое преданность и верность. И он с легкостью узнал эти проснувшиеся в нем чувства, когда усаживал слегка запыхавшуюся тетю Тею на скрипучий стул. Мысленно он уже включил эту хрупкую старушку в недлинный список людей, которых он готов был защищать даже ценой собственной жизни. Да что там, жизни. За них он готов и душу отдать.

Логану не пришлось принимать решение. Он просто принял этот факт как данность. Эта полусумасшедшая старуха со всеми ее мазями и примочками теперь была под его защитой.

Логан только начинал приходить в себя, когда на него обрушилось новое потрясение. Мэдди, раздвинув обеими руками портьеры, вышла ему навстречу в изумрудно-зеленом шелковом платье. Глубокое декольте делало ее грудь умопомрачительной, а яркий насыщенный цвет платья подчеркивал нежную белизну ее кожи и очень шел к ее темным глазам и волосам. А что до ее губ... Как видно, зеленый – выгодно оттенял цвет ее губ.

Губы ее были как спелая, сочная слива.

У Логана потекли слюнки.

Мэдди покрутилась перед зеркалом.

– Кое-что надо подправить, но в целом, я думаю, платье неплохое. А ты что думаешь, Логан?

Он кивнул.

– Ну что же, тогда я возьму его.

Мэдди вновь пропала за портьерами примерочной, а Логан так и не обрел дар речи.

Что это было? Она выпорхнула из-за портьер секунд, может, на десять, а он чувствовал себя словно пророк, которому явилось божественное откровение. Откровение, после которого его жизнь уже никогда не будет прежней.

Тетя Тея уже натягивала перчатки.

– Главное сделано. Дождитесь Мэдди здесь, а я должна выйти на воздух. Что-то мне нехорошо. Пожалуй, я прогуляюсь до аптеки.

Логан молча кивнул. Он по-прежнему не мог говорить.

– Вы нормально себя чувствуете? – озабоченно спросила у него тетя Тея. – С тех пор как Мэдди вышла к нам в новом платье, вы ни слова не произнесли. И лицо у вас горит.

– Правда? – Логан потер щеки. – Может, мне действительно нужно подлечиться. Одним из ваших патентованных средств.

– Не думаю, что мои лекарства помогут вам. – Тея вскинула тонкую

седую бровь. – Я узнала симптомы. Это у вас сердечное. И ничего с этим поделать нельзя.

– Нет, подождите. Тетя Тея...

Но старушка уже ушла. Логан уронил голову на руки. Только он озаботился тем, как бы невзначай не разбить Мэдлин сердце, как оказалось в опасности сердце ее тети.

– Где тетя Тея? – спросила Мэдлин.

Логан поднял голову. Мэдди была в своем неизменном сером платье. Он понимал, что в этом наряде Мэдлин не может выглядеть лучше, чем в том, что было на ней пару минут назад, но отчего-то она казалась ему еще красивее, чем прежде. Наверное, все потому, что с этим ее сереньким платьем он уже был знаком. И в нем Мэдди была ему ближе, роднее.

– Тетя Тея решила прогуляться до аптеки.

– Аптекаря можно поздравить с удачным днем, – недовольно поморщившись, заключила Мэдди. – А мне нужны новые перчатки. Вы не будете против, если мы заглянем в галантерейную лавку? Насколько я помню, она буквально в двух шагах отсюда, на другой стороне улицы.

Логан и Мэдди вместе вышли из магазина. За то время, пока Мэдди выбирала платье, народа на улице значительно прибавилось. Из-за обычной в базарный день толчеи идти вдвоем под руку было невозможно. Логану пришлось выпустить ее руку. Он шагнул на мостовую, уверенный в том, что Мэдди идет следом. Сделал шаг, другой, оглянулся и... не увидел Мэдди.

В испуге Логан окликнул ее, но ему никто не ответил.

И тогда он увидел ее. Мэдди неподвижно стояла посреди дороги. Она была бледна, и ее била мелкая дрожь. Транспортный поток огибал ее, словно река остров. И, если Мэдди не очнется, ей несдобровать. Ее задавят или затопчут.

Логан, расталкивая локтями народ, бросился к Мэдди.

– Что с тобой? – Логан тряс ее за руку, заглядывал в глаза.

Мэдди его не слышала. Отсутствующий взгляд ее был устремлен вдаль, и ее все так же трясло.

Логан хотел было поднять ее на руки и понести, но решил не привлекать к ним лишнего внимания и потому ограничился тем, что, обняв ее за плечи, повел с проезжей части на пешеходную, где безопаснее. Увидев вывеску чайной, Логан хотел было зайти с ней туда, но, взглянув через витринное стекло, он не увидел ни одного свободного столика. И тогда Логан не нашел ничего лучше, чем повести ее к церкви. Станный выбор для человека, который забыл, когда последний раз молился. В церкви было

тихо, пусто и полутемно – как раз то, что сейчас было необходимо Мэдлин.

Логан усадил Мэдди на скамью, сел рядом и, приобняв ее, стал гладить по спине, стараясь успокоить точно таким же способом, каким пыталась его успокоить она этой ночью. И у него получилось. Через несколько минут Мэдди уже пришла в себя настолько, что смогла говорить.

– Я не смогу поехать на бал, – сказала она дрожащим голосом. – Я знаю, мы договорились, но вы сами видите: я не могу даже по улице пройти, не опозорившись.

– Спокойнее, сердце мое. Я с тобой. Все уже закончилось.

– Это никогда не кончится. – Мэдди достала носовой платок. – Я надеялась, что смогу преодолеть этот страх, но он все еще со мной. Я живу с ним почти всю жизнь, с тех самых пор, как...

– С каких пор, сердце мое? Расскажи мне, что с тобой случилось?

– Вы сочтете меня глупой и вздорной. И действительно, так и есть.

– Я никогда не считал тебя глупой. Своенравной и капризной, может быть, но не глупой. Расскажи мне, что там у тебя стряслось, и тогда я смогу судить о том, глупо ты поступила или нет.

Мэдди промокнула глаза кружевным краем носового платка.

– Мне тогда было семь лет. Шла зима, канун Рождества, и моя мама умирала. Я знала об этом, хотя мне никто об этом не говорил. С каждым днем она становилась все хуже и бледнее, и ее дыхание уже пахло смертью. Станный это был запах: в нем было что-то от запаха земли и что-то от аромата лепестков роз. К нам никто не приходил, если не считать врачей. Даже учителя ко мне перестали приходить. Мне запрещали шуметь, все в доме ходили на цыпочках, чтобы не беспокоить мамин сон. Я быстро научилась притворяться невидимой. Если я играла во что-то, если получала удовольствие, никто не должен об этом узнать, никто не должен застать меня за этим предосудительным занятием. Много времени я проводила вне дома. Я любила рассматривать стебельки пожухлой травы, восхищалась красотой снежинок...

Однажды дочери одного нашего арендатора – небогатого фермера, рассказали мне, что на деревенской площади будут разыгрывать сценки из Евангелия. Мне ужасно хотелось посмотреть эту пантомиму, но я не решалась рассказать о своем желании никому из домашних. Незаметно выйдя из дома, я сама пошла в деревню. Протиснувшись в передние ряды. Мне все было в диковинку: сам спектакль, костюмы, шутки. Оказалось, кроме рождественской пантомимы, там были и другие представления. Там даже был жонглер, подбрасывающий в воздух зажженные факелы. Никогда еще я не получала такого удовольствия. Я смеялась так, что бок болел. Это

представление заставило меня ненадолго забыть о том, что дома умирала мама. А потом...

Мэдди замолчала, и Логан взял ее за руку.

– Я не знаю, что именно произошло, – продолжила Мэдди. – Может, лошадь испугалась чего-то и понесла? – Мэдди сосредоточенно сдвинула брови, силясь вспомнить обстоятельства того далекого зимнего дня. – Или собака сорвалась с поводка. Нет, не вспомню. Всю толпу охватила паника, и я оказалась в самой гуще этой толпы, совсем одна. Некому было меня защитить. Наверное, меня растоптали бы, если бы я не умудрилась заползти под помост. Я не помню, как я шла домой. Помню лишь, что было темно и холодно. Добравшись домой, я спрятала порванную и испачканную одежду в бочку с углем, а потом пошла к себе в спальню и всю ночь дрожала то ли от холода, то ли от страха. Я была уверена в том, что утром меня хватятся и мне крепко влетит. Не может быть, чтобы никто из домочадцев не узнал о том, что случилось в деревне. И одежду мою тоже рано или поздно должны были найти. Но когда отец пришел меня будить, то он лишь сказал, что мама умерла ночью. И никто так ничего и не узнал о моем проступке, а я сама тоже никому не рассказывала.

– Неужели никому?

– Как я могла признаться в том, что, пока моя мать лежала на смертном одре, я развлекалась в деревне? Мне было ужасно за себя стыдно.

Логан покачал головой.

– Тебе было всего семь лет. Ребенок не может все время жить в печали. Тебе нечего стыдиться.

– Как бы там ни было, я всегда считала свою болезненную застенчивость карой за то преступление. Ведь с тех самых пор я боюсь людных мест. Рынков, оживленных улиц, театров...

– Бальных залов, – закончил за нее Логан.

– Бальных залов, – повторила за ним Мэдди и печально пожала плечами. – Оказавшись в толпе, я снова становлюсь той семилетней девочкой. Беспомощной и заледеневшей от ужаса.

Логан не знал, что сказать. Он продолжал держать ее за руку, одновременно поглаживая ладонь пальцем.

– Все это объяснимо, – сказал Логан просто для того, чтобы не молчать.

– Вы можете понять, что со мной? Правда? А я не могу. Меня действительно пугает скопление людей? Или я продолжаю наказывать себя за давнюю ошибку? Или я нахожусь во власти убеждения, что, стоит мне начать получать от чего-то удовольствие, как случится что-то ужасное? –

Мэдди сглотнула комок. – Одним словом, я не могла заставить себя пройти через весь ужас лондонского сезона и я не видела никакой возможности объяснить своему отцу, почему я не хочу в этом участвовать. Вот я и солгала. А потом, спустя годы, вот что из этого вышло.

– Вот к чему мы пришли, – вторил ей Логан.

– Вот видите? – Мэдди вымучила улыбку. – Я говорила вам правду, когда сказала, что вела себя глупо. Еще одна глупейшая история о том, как Мэдди Грейсчерч, совершив одну-единственную ошибку, позволила этой ошибке погубить следующие десять лет ее жизни. История повторяется. Я словно крыса в лабиринте бегу по тому же кругу и попадаю в тот же тупик.

Логан задумчиво смотрел на нее.

– Когда я смотрю на вас, то вижу не крысу.

– Не крысу, говорите?

– Нет.

В прохладном полусумраке церкви ее глаза были как озера с жидкой ртутью.

– Тогда что же вы видите?

– Я вижу жука. Вернее, личинку жука.

Мэдди рассмеялась от неожиданности, и Логан улыбнулся про себя: у него все получилось так, как он задумал.

– Нет, правда, – продолжил Логан, – есть ведь такие насекомые, которые вначале похожи на червяка, а потом сами себе делают что-то вроде панциря. Как он называется?

– Кокон.

– Точно. Так вот, эта личинка строит себе кокон и прячется в него. А когда она из него выбирается, то оказывается совсем другой. Не такой, какой туда забралась. Красивой.

– Ну что же, иногда личинка и в самом деле превращается во что-то красивое. Вообще-то кокон создают очень многие насекомые. И далеко не из всех коконов вылупляются нарядные бабочки и стрекозы. Если вы правы, и я действительно до сего времени прячусь в коконе, то, когда я из него вылезу, перед вами могут оказаться уховертка или термит.

Отчего-то Логан сильно сомневался в такого рода неприятной возможности. И то, что он увидел, когда распахнулись портьеры примерочной, убеждали его в своей правоте. Но Мэдди должна сама понять, что она такое.

– Существует только один способ это выяснить.

– То есть вы хотите сказать, что я должна собраться с духом и отправиться на бал.

Логан кивнул.

– У вас куда больше мужества, чем вы думаете. Вам хватило храбрости взять меня на борт, а это дорогого стоит.

– Пожалуй, вы правы. Разумеется, вас нетрудно испугаться.

– Завидев меня, закаленные в боях солдаты пускались в бегство, а вы мне ни пяди не уступили.

– Вы вели людей на смерть, и вам не пришлось их уговаривать. А теперь вы никак не можете уговорить меня поехать на бал. Должно быть, вам кажется это крайне нелепым. Разве вам не было страшно?

– Вы говорите о сражениях, верно?

Мэдди кивнула.

– Мне было страшно. Постоянно. Очень страшно.

– Вот как.

– Но мне помогало сознание того, что я не один. За моей спиной всегда был кто-то, кто, как я знал, никогда меня не предаст. – Логан взял ее под руку. – Мы будем там вместе. Я всегда буду рядом. И знайте, ни с кем другим я бы в жизни на этот чертов жучий бал не поехал.

– Спасибо, – прошептала Мэдди и поцеловала его в щеку.

А он наклонился и поцеловал ее в губы.

Объятие их было кратким и целомудренным. Но нежным. Таким нежным! И отчего-то этот поцелуй подействовал на него сильнее, чем любой другой поцелуй до этого, будь то с Мэдлин или иной женщиной. События этого дня принимали все более угрожающий оборот. Все началось с того, что Логан проснулся и обнаружил, что Мэдди заботливо бережет его сон. Потом тетя Тея недвусмысленно дала ему понять, что она на него рассчитывает. А сейчас Логан сделал третье, немыслимое открытие: он обнаружил, что в опасности не два сердца, а целых три.

Глава 18

Если не считать задержек, вызванных плохим состоянием размытых весенними дождями дорог, все шло по плану. И, после того как они с Логаном разместились в гостинице неподалеку от имения лорда Варли, времени для подготовки к выходу в свет у Мэдди было предостаточно.

Одна из служанок помогла Мэдди с платьем и прической. Девушка очень ловко управлялась с щипцами для завивки, и, глядя в зеркало на работу девушки, Мэдди задумалась о том, не пора ли ей нанять себе горничную, как у всех.

Но, пожалуй, доброго слова заслуживала лишь прическа Мэдди. Щеки ее были бледны, живот сводило на нервной почве. За целый день Мэдди не смогла себя заставить съесть ни кусочка.

И Логан, кажется, нервничал не меньше, чем она. Когда Мэдди спросила его, нравятся ли ему выбранные ею серьги, он ее даже не услышал. Пока Мэдди наряжалась, он без устали мерил шагами комнату. Мелькал перед глазами как маятник: туда-сюда, туда-сюда.

И, что еще хуже, он с каждым проходом ускорял движение.

– Вы меня нервируете, – сказала ему Мэдди, смотря на отражение в зеркале. Довольно уже порхать.

Логан резко остановился и развернулся к ней лицом.

– Я не порхаю.

– По мне, так порхаете вы.

– Мужчины не могут порхать.

– Могут, если они носят юбки.

– Килт не юбка, – сказал Логан и, развернувшись на каблуках так резко, что килт раздулся колоколом, вновь принялся шагать взад-вперед.

– А вот и порхаете, – со смешинкой в голосе сказала Мэдди. – Порхаете, порхаете, порхаете. – Дразнить его было приятно. Поддевая его, Мэдди забывала о том, что ей не давало покоя.

– Я не порхаю, – сказал Логан. – Я гарцую.

– Как скажете, гарцующий капитан Маккензи.

– Вернее сказать, подпрыгиваю.

– Как игривый котенок? – с насмешкой уточнила Мэдди.

– Еще раз назовете меня котенком, и я...

– И что вы сделаете?

– Я прыгну на вас и оближу, как миску из-под сметаны.

Мэдди невольно улыбнулась. Наказание не показалось ей слишком суровым.

– Вы уже два часа сидите перед зеркалом, – сказал Логан. – Я знаю, что вы нервничаете. Но раз вам так уж важно встретиться с этим мистером Дорнингом, у нас нет другого выбора.

– Я знаю, но... – Мэдди встретила с ним глазами в зеркале. – Мне тревожно. И боязно.

– Вы же не к королю на прием собрались. Подумаешь, какая-то жалкая группка nudists.

– Натуралистов. Будь они nudists, не пришлось бы так тратиться на наряд. – Мэдди взяла с туалетного столика небольшую склянку. – Я пытаюсь решить, стоит ли воспользоваться румянами, что дала мне тетя Тея.

Мэдди открыла баночку и зачерпнула мизинцем немного румян.

Логан подошел к ней, забрал у нее склянку и вышвырнул в окно.

На счет «три» раздался глухой стук.

– Ну ладно. Может, так даже лучше. Я буду чувствовать себя тем комфортнее, чем меньше будут на меня обращать внимание. – Мэдди поднялась и взяла со стола перчатки. – Нам пора.

Логан встал у нее на пути.

– Подождите минутку.

Мэдди поймала себя на том, что любит Логаном. Ему так шел сине-зеленый тартан и офицерский мундир с начищенными до блеска пуговицами, с золотым позументом, что сидел на нем как влитой.

Логан даже раздобыл где-то белый шейный платок и вполне сносно его завязал.

И еще он побрился, причем совсем недавно, так что стремительно растущая щетина еще не успела обнаружить себя. Скулы его были на удивление гладкими, и только на подбородке краснела царапина в том месте, где он порезался бритвой.

Мэдди умирала от желания погладить его по лицу, прикоснуться к его ранке, трогательном свидетельстве его волнения.

И, по правде говоря, ей хотелось не только этого.

Она вся состояла из трепещущих нервов, словно они с Логаном были на первом свидании.

Но Мэдди старалась не подавать виду.

– Не могу понять, что на вас нашло. То вы меня торопите, то просите подождать. А я-то думала, что это женщины никогда не знают, чего хотят.

– Нам надо кое о чем поговорить. Вы только что сказали, что не

хотите привлекать внимание.

– Да. И что с того?

Логан оперся ладонями о туалетный столик, поймав ее в капкан своих рук. Голубые глаза его пригвоздили Мэдди к месту, словно она была бабочкой, а он – натуралистом-энтомологом.

– Черта с два ты не будешь привлекать внимание, – сказал он. – Я не буду сводить с тебя глаз.

– Нам действительно пора. Не хочется опаздывать. – Мэдди уже готова была нырнуть под его руку, но боялась испортить прическу.

Логан не шевельнулся.

– Еще не время, – сказал он.

– Но...

– Сначала это. – Он наклонился к ней, и Мэдди обдало запахом мыла и чистого мужского тела. И еще немного пахло крахмалом от его шейного платка. И это был самый возбуждающий запах на свете.

– Ты можешь говорить, что не хочешь, чтобы тебя замечали. Так вот, я тебя замечая. Всю тебя. – Логан наклонил голову и медленно окинул ее взглядом. – Я уже начинаю воображать себя натуралистом. Одной очень узкой направленности. Экспертом по очень редкому виду живых существ под названием Мэдлины Элоизы Грейсчерч.

– Логан...

Логан смотрел на нее с пристальностью художника. Он замечал, как изумрудный цвет ее платья оттеняет румянец щек и насыщенный цвет губ. Шелк струился по фигуре, и кружевная вставка декольте безумно его возбуждала. Ему страшно хотелось дотронуться до нее, попробовать на вкус. Убедить себя в том, что она – его женщина.

– Что вы задумали? – спросила Мэдди.

– Хочу добавить румянца твоим щекам.

– Каким образом?

– Я собираюсь тебя поцеловать.

– Даже не думайте. Горничная целый час накручивала мне локоны.

– Не растреплю я твои кудряшки, – сказал он и добавил с хитрой усмешкой: – по крайней мере, те, что у тебя на голове.

– Что вы несете...

Между тем Логан уже опустился перед ней на колени, обеими руками возясь с ее нижними юбками.

Мэдди взвизгнула.

– Логан!

– Один поцелуй, и все. Позволь мне подарить тебе всего один поцелуй.

Еще неизвестно, кто кому что дарил.

Логан провел ладонью по затянутой в шелк ноге, с ходу перемахнул через подвязку, продолжил брать высоту.

– Логан, пожалуйста, я не хочу... – Она так и не сказала, чего не хочет, закончив предложение сладким вздохом.

– Еще как хочешь. Я это чувствую. – Логан провел по ней языком. – На вкус.

Может, ее и шокировали эти слова, но тело ее, если и испытало потрясение, то исключительно приятного свойства.

– Не сомни мне платье, – прошептала Мэдди.

– Тогда обопрись о стол. И придержи юбки. Вот так. А теперь стой очень, очень смиренно.

Логан не дал ей времени на возражения и приступил к делу.

Мэдди вскрикнула.

Он застонал.

Видит бог, она была слаще меда. Ароматнее и нежнее персика. И еще у нее был легкий солоноватый привкус, призванный оттенить невероятную сладость.

Логан не спешил. Он наслаждался звуками ее учащенного дыхания, чувствовал ее тончайшие вибрации.

И, когда она начала выгибаться навстречу его губам, язык его оказался как раз в том месте, где он был ей в этот момент всего нужнее.

Мэдди едва слышно вскрикнула, приподнялась на цыпочки, выгибаясь к нему навстречу. Логан стиснул ее ягодицы, удерживая Мэдди на месте.

Он не давал ей ускользнуть, пока ласкал языком тот самый заветный холмик.

Вскоре бедра ее поймали извечный ритм. И, если он убирал язык, она пыталась его догнать.

Логан был предельно возбужден. Член его был тверже древка того кортика, что висел у него на поясе. В затуманенном мозгу созрела мысль. Он мог бы взять ее прямо сейчас. И сделать ее своей навсегда.

И Мэдди вряд ли бы ему отказала.

Но, черт возьми, то, что он делал сейчас, было тоже чертовски приятно.

– Логан, – бормотала Мэдди. – Логан... – Она застонала. – Это так... чудесно.

– Это ты чудесная. – Он целовал ее именно там, где ей хотелось. – Ты красивая. Ты – само совершенство.

– Не останавливайся, – заклинала она. А он и не думал

останавливаться.

Пока не почувствовал, как она содрогается от наслаждения.

– Вот видишь? А ты спрашивала, нужны ли тебе румяна. – Логан заботливо расправил ее юбки. – У тебя порозовели не только щеки, но и шея, и грудь. И все на балу увидят, какая ты у меня румяная. И, раз уж я никуда от тебя не отойду ни на шаг, все будут знать, кому ты обязана своим румянцем.

Мэдди поправила его шейный платок, и его, странное дело, эти заботливые манипуляции нисколько не раздражали. И еще она сказала с придыханием, словно самые нежные слова:

– Ты несносен.

– Так ты ждешь от меня извинений, детка? – спросил Логан и поцеловал ее в лоб. – Тогда тебе долго придется ждать.

Всю жизнь.

Потому что Логан уже принял решение. Никакого компромисса не будет. И никаких сделок тоже.

Мэдлин получит то, о чем мечтала, и при этом станет его женой. Сегодня же, если в мире существует справедливость.

Глава 19

Когда Мэдди и тетя Тея заказывали эту карету в Йорке, служащий компании заверил их, что в карете с комфортом могут разместиться четыре человека, а если ужаться, то все шесть. Возможно, так оно и было бы, если бы среди пассажиров не оказалось шотландского воина шести футов ростом при полном параде.

Чтобы не помять ее наряд, вернее сказать, не помять ее наряд еще сильнее, капитан Маккензи сел не рядом с Мэдди, а напротив, и занял собой всю скамью. Вот уже раз в двадцатый за двадцать минут пути Логан высовывал голову из окна кареты. По всей видимости, окрестный пейзаж занимал его куда больше, чем сидящая напротив женщина.

– Теперь уже осталось не больше мили, – произнес Логан.

– Так и есть, – сказала Мэдди.

Разговор у них не клеился с тех самых пор, как...

С тех самых пор.

Ей не то что говорить с ним было неловко, ей смотреть на него стыдно было.

При воспоминании о том, что он с ней делал, Мэдди бросало в жар.

Карета подскочила на колдобине. Его колено коснулось ее бедра.

Логан впился взглядом в ее глаза.

– С вами все в порядке?

– Да, – сказала Мэдди и в этот же миг поняла, что мысли его бродили примерно в тех же краях, что и ее. В тот момент, когда он отвел взгляд от окна и посмотрел ей в глаза, она увидела в них то, что испытывала сама – неуголимый страстный голод.

И она догадывалась, что желание, владевшее ею, уже заметно в ее взгляде. Когда он впервые назвал ее красивой, Мэдди захотелось ему возразить, но сейчас она бы не стала с ним спорить. Она чувствовала себя неотразимой. Потрясающе красивой. Если не для всех, то для него точно.

Карета остановилась.

– Вот мы и приехали, – объявил он, по-прежнему неотрывно глядя ей в глаза.

– Да. – Как ни странно, болезненная застенчивость на этот раз выручила ее. Страх, перед тем что ей предстояло пережить, вытеснил все прочие эмоции. К тому времени, как Логан, выбравшись из кареты первым, протянул ей руку, Мэдди уже чувствовала приближение панической атаки.

Логан, бережно поддерживая Мэдди под локоть, повел ее по усыпанной гравием дорожке к парадному входу.

Мэдди подняла глаза и задохнулась от восхищения, так величественно и импозантно выглядел замок с его многочисленными башнями, неприступными зубчатыми стенами и грозными бойницами на головокружительной высоте. Этот замок из розоватого известняка был искусно подсвечен фонариками, окна первого этажа зазывно светились. Трудно было поверить, что ты не в сказке.

Так вот оно какое – жилище лорда Варли.

Гравийная дорожка пересекала опрятный газон перед парадной лестницей, а вокруг лужайки раскинулся сад. Вечерний воздух наполнился ароматами весенних цветов.

Мэдди предполагала, что у лорда Варли роскошное жилище, но она никак не могла предположить, что он живет, как принц.

Подъездная дорога уже была забита всевозможными экипажами. Из карет выходили дамы и господа, принадлежащие совсем иному, сказочному миру. Прически дам украшали страусовые перья, а от блеска драгоценностей слепило глаза. Мужчины были сплошь во фраках...

– О нет, – простонала Мэдди, вцепившись в руку Логана. – Мы не можем туда пойти. Только посмотрите, как все одеты...

«И посмотри на меня».

Наскоро подогнанное шелковое платье, которое выглядело вполне сносно в тускло освещенной придорожной гостинице, здесь смотрелось безнадежно жалким и старомодным. Надо было надеть жемчуга, доставшиеся ей от матери. И надо было купить новые перчатки.

– Я думала, что лорд Варли пригласил к себе на лекцию не больше дюжины любителей науки с женами, а тут... такое.

– Мы уже здесь, детка. И назад нет пути.

Возможно, пути назад и не было, но и пути вперед тоже.

Стоя в очереди перед входом в ожидании представления, Мэдди прижималась к Логану.

– Первое правило на балах, – прошептал Логан, пожав ее руку, – не паниковать.

– А второе? Думаю, первое правило я уже нарушила.

– Помнишь, как мы побывали на балу жуков и классно провели там время? – прошептал Логан.

– Да, помню. Вы вели себя безукоризненно галантно и были самым обворожительным кавалером. Припоминаю, что вы даже танцевали со вдовствующей графиней.

Логан пожал плечами.

– Что сказать? Я всегда умел найти подход к дамам в возрасте.

– Я тоже об этом слышала.

– Но я танцевал с ней только из вежливости. Самое приятное было потом. Когда я зажал тебя в темном углу и ублажал, пока ты не начала визжать от удовольствия.

Мэдди зажала рот затянутой в перчатку рукой, чтобы не рассмеяться. И щеки ее порозовели.

Настала их с Логаном очередь для представления. Мажордом выжидательно смотрел на Логана, который должен был назвать их имена.

Логан неуверенно взглянул на Мэдди и потянул за узел шейного платка.

И в этот момент Мэдди кое-что поняла. До сих пор она была целиком сосредоточена только на себе, на своих переживаниях. Но если она ощущала свою неуместность на этом пышном сборище, то Логану было неуютнее стократ. Пусть она ни разу не была на балу, но ее, по крайней мере, учили, как себя там вести. Она принадлежала тому же сословию, что и все эти люди вокруг них. Логан хоть и стал офицером, но не был аристократом по рождению. И даже джентльменом не был. Для сироты, который первые десять лет своей жизни провел, батрача на чужих людей, вся эта обстановка была совершенно чужой и даже враждебной.

И, едва сердце ее стало наполняться сочувствием, Мэдди строго одернула себя. «Он здесь не потому, что он тебя любит. Он здесь потому, что ему нужны твой замок и твоя земля. И если кого-то и любит, то не тебя, а своих солдат».

И у них есть договор. После сегодняшнего бала он получит ее земли, а Мэдди вернет себе прежнюю жизнь. Больше не придется прятаться. Больше не придется лгать.

Мэдди наклонилась к мажордому и негромко сообщила ему их имена.

– Миссис Мэдлин Грейсчерч и капитан Логан Маккензи, графство Инвернесс.

После представления Мэдди и Логан прошли в зал.

– Это мой первый бал, – натянуто улыбаясь, сообщила Логану Мэдди. – Впервые я услышала, как распорядитель объявляет мое имя.

– Надеюсь, ты сполна насладишься звуками своего имени, поскольку ты слышала это имя в последний раз.

«Странные слова, – подумала Мэдди. – С другой стороны, едва ли ей еще придется хоть раз побывать на балу».

– А теперь мы должны медленно обойти зал кругом, – шепнула ему

Мэдди.

– Понятно. Видишь, я говорил, что все будут на тебя смотреть, так оно и есть.

– Меня не удивляет, что все смотрят в нашу сторону. Только смотрят не на меня, а на вас. – И Мэдлин была этому рада. Если она беспокоилась о том, что может привлечь к себе внимание, то волновалась напрасно. Рядом с Логаном самая заметная женщина превратилась бы в невидимку. – А вы этого словно и не знаете, да?

– Чего я не знаю?

– Как великолепно выглядите сегодня.

Логан пренебрежительно хмыкнул.

– Это все килт.

– Отчасти килт, но по большей части это ваша статья. Вы, как говорится, прост-то прост, но с форсом.

Логан и впрямь был экземпляром редким, а этот бал был не просто бал, а бал натуралистов. Действительно, трудно представить зрелище более впечатляющее, чем шотландец в парадной военной форме.

– Я не вижу лорда Варли, – пробормотал Логан.

– Наверное, он делает последние приготовления перед лекцией.

Логан кивнул.

– Хотите потанцевать? – вдруг спросил он.

– Нет, – поспешила ответить Мэдди.

– Слава богу. Я буду все время рядом, чтобы никому другому в голову не пришло вас пригласить.

Мэдди не знала, что ее умиляло больше: его уверенность в том, что кому-то захочется пригласить ее танцевать или благородное предложение весь вечер простоять возле нее караулом. Мимо прошел лакей, разносящий пунш. Логан и Мэдди угостились. Она пристально разглядывала чей-то мраморный бюст, притворяясь, что не видела ничего более занимательного, потом принялась рассматривать танцующие пары. И Логан не отходил от нее ни на шаг.

Мэдди понимала, что отчасти им действительно движет желание ее защитить, но в той же мере им руководило желание защитить себя. Как бы там ни было, для стороннего наблюдателя он представал влюбленным по уши кавалером. Мэдди не на что было жаловаться. Она всю жизнь представляла себе, каково это быть возлюбленной сильного красивого офицера: шотландца, который не сводит с нее глаз и ловит каждое ее слово. Теперь она знала, что это такое.

И ничуть не была разочарована.

Вскоре музыка стихла, толпа в бальном зале стала редеть, постепенно перетекая в галерею.

– Вот, держите. – Мэдди достала из ридикюля какой-то маленький удлиненный предмет и сунула его Логану в руку.

– Что это? – спросил он.

– Сигара.

– Я сигары не курю.

– Ну, сегодня вы можете сделать исключение и побаловать себя сигарой. Если, конечно, хотите.

Логан растерянно смотрел на нее.

– Эта сигара – предлог, чтобы сбежать с лекции. На тот случай, если вам неинтересно слушать про девятнадцать новых видов амазонских жуков. Думаю, я смогу высидеть эту лекцию на заднем ряду и без вас. Так что, если вы захотите провести этот час на свежем воздухе, я вас пойму.

Логан пристально посмотрел на нее, после чего запихнул сигару в ближайший цветочный горшок так, что она целиком ушла в землю.

– Я останусь с вами.

В этот момент Мэдди вдруг усомнилась в том, что ей хочется слушать про эти девятнадцать видов амазонских жуков. Возможно, стоило бы прогулять эту лекцию, предварительно подыскав укромный уголок, и заняться тем, на что намекал Маккензи, когда захотел ее развлечь воображаемым воспоминанием. Однако, принимая во внимание все то, через что ему пришлось пройти, Мэдди решила, что должна выполнить взятые на себя обязательства. Уговор есть уговор. В конце концов, для этого они сюда и приехали. Чтобы осуществить обмен мечтами: ее мечта в обмен на его мечту. Ладно, не мечту, цель. Логан уж точно не забыл, ради чего он здесь, и ей тоже не следует об этом забывать. Они нашли свободные места в последнем ряду кресел. Логан стоически выдерживал лекцию и даже ни разу не зевнул, хотя, наверное, умирал от скуки. Мэдди то и дело ловила себя на том, что плохо слушает лектора, потому что боялась, что лорд Варли захочет вызвать ее и представить публике в качестве автора тех самых иллюстраций, которые делали его лекцию наглядной и занимательной. И Логан, понимая ее волнение, плотно прижимался бедром к ее бедру, чтобы успокоить и внушить уверенность в своих силах. К несчастью, этот плотный контакт имел не столько успокаивающий, сколько возбуждающий эффект.

Как бы там ни было, беспокоилась она напрасно. Лекция закончилась вежливыми аплодисментами публики.

– Он вас даже не упомянул, – пробормотал Логан. – Почему?

– Я не знаю, – прошептала Мэдди. – Возможно, он собирается сделать это позже.

– Но куда уж позже? Смотрите, все расходятся. – Не дав Мэдди себя остановить, Логан поднялся с места и звучно окликнул лорда Варли.

Этот оклик привлек к нему внимание. Те, кто еще оставался в галерее, теперь не торопились ее покидать.

– Слушаю вас, капитан Маккензи. У вас есть вопросы?

– Вопросов нет, я лишь хотел выразить свое восхищение превосходным качеством ваших иллюстраций.

Лорд Варли смотрел ему прямо в глаза.

– Спасибо.

Мэдди понимала и не только понимала, но и чувствовала, что происходит с Логаном. Его переполнял гнев. И, если гнев его одолеет, мало не покажется никому. Сегодня он вел себя как джентльмен, но джентльменом он не был: он был гордым сыном гор, не щадившим своих врагов.

– Ублюдок, – сквозь зубы процедил Логан. К счастью, слишком тихо, чтобы его услышал кто-то, кроме нее. Мэдди потянула Логана за рукав, умоляя сесть, и он нехотя покорился.

– Логан, это неважно.

– Еще как важно. Это твои работы развешены по всем стенам, а он всю славу присвоил себе.

– Лорд Варли заслуживает того внимания, что ему оказывают. Это он путешествовал по амазонским джунглям, подвергая опасности свою жизнь.

– Он сел на корабль и все, черт побери. После того что я увидел сегодня, не удивлюсь, если узнаю, что всю работу за него сделали амазонские аборигены. Вполне возможно, он им и заплатить забыл. Вор есть вор. Но ты, Мэдди, ты подарила новую красивую жизнь этим уродливым сушеным созданиям. – Логан прикоснулся к ее щеке, боязливо, словно сам себе не доверял. – Вот это в тебе и есть самое замечательное, сердце мое. Ты можешь неживое превращать в живое.

В горле Мэдди встал комок.

Боясь, как бы он не натворил чего, Мэдди потащила его в смежную с галереей комнату, служившую чем-то вроде небольшой библиотеки. Лорд Варли зашел туда следом.

– Вас что-то не устраивает, капитан Маккензи?

– Вы прекрасно знаете, в чем проблема.

– Логан, прошу вас, не надо, – пробормотала Мэдди.

Логан в угоду ей понизил голос.

– Вы пригласили Мэдлин сюда, чтобы представить ее как автора иллюстраций. Вы обещали познакомить с ней мистера Дорнинга. И как вы объясните мисс Грейсчерч свое поведение?

Лорд Варли одернул жилет.

– Я готов подтвердить свое желание представить мисс Грейсчерч своим коллегам при условии, что она останется в том же статусе: статусе мисс Грейсчерч.

– Что?

– Я должен быть уверен в том, – сказал Варли, обращаясь к Мэдди, – что вы в ближайшем будущем не станете миссис Маккензи.

Логан неразборчиво выругался.

– Но отчего вы ставите такое странное условие, милорд? – спросила Мэдди.

– Мисс Грейсчерч, я не могу, говоря по совести, рекомендовать вашу кандидатуру для долгосрочного проекта, если вы вот-вот выйдете замуж. У замужней женщины появляются определенные обязательства перед мужем, а впоследствии еще и детьми, и у нее не остается времени на художественные изыскания.

– Какая нелепица! Не ошибусь, если предположу, что ваши коллеги в абсолютном большинстве женатые люди, но никто не подвергает сомнению их увлеченность наукой и преданность ей.

– Возможно, – сказал лорд Варли, смерив Логана снисходительным взглядом, – если бы вы были замужем за джентльменом с определенным общественным и научным статусом, ситуация была бы иной.

На этот раз разозлился не Логан, а Мэдди. Разозлилась так, что едва сдержала желание расквасить лорду Варли его аристократический нос.

– Это вы в адрес капитана Маккензи? – сказала она. – Так знайте же, он очень неглупый мужчина. Он читает каждый вечер, и он даже учился в университете.

– Сердце мое, – сказал Логан и мягко, но твердо взял Мэдди под руку. – Мисс Грейсчерч погорячилась.

Лорд Варли вышел из комнаты, а Логан принялся мерить ее нервными шагами.

– Я говорил вам, что он к вам равнодушен. Скорее всего, весь этот бал и был устроен лишь для того, чтобы произвести на вас впечатление. Вполне вероятно, что лорд Варли собирался сделать вам предложение. А теперь он вам мелко мстит, потому что вы со мной, а не с ним.

– Абсурд, – решительно заключила Мэдди.

– Разве?

– Не могу поверить, что кому-то может взбрести в голову идти ради меня на такие жертвы. Я имею в виду пускаться в такие расходы. Может, ради кого-то мужчины и способны на это, но не ради меня.

Логан остановился, подошел к ней и, взяв за плечи, заставил посмотреть ему в глаза.

– Я надел этот чертов шейный платок и крахмальные манжеты с запонками. Я поехал на этот чертов жучий бал. Это для вас пустяки?

– Но... Ведь это все не ради меня, верно?

– Мэдди, сердце мое... – Взгляд его опустился на ее губы. – Черта с два это не ради тебя.

Сердце ее замерло от счастья. Если бы он поцеловал ее прямо сейчас...

Если бы он смог полюбить ее...

Возможно, все остальное было бы уже неважно.

Утрата работы была бы для Мэдди большим разочарованием. Ей хотелось получить должность оформителя и работать над энциклопедией. И еще ей хотелось получить признание за ту работу, что она уже выполнила. Ей хотелось, чтобы все узнали, что это она делала понравившиеся всем иллюстрации.

Но перспектива потерять Логана пугала ее, странное дело, сильнее всего.

По причинам, необъяснимым с точки зрения нормальной логики, он настолько прочно вошел в ее жизнь, что Мэдлин и не представляла, как будет жить без него. И случилось это не вчера, а почти десять лет назад, когда она придумала его в шестнадцать лет. И, как бы она ни старалась предотвратить такое развитие событий, Мэдди прониклась самыми теплыми чувствами к не придуманному, а живому Логану со всеми его несовершенствами. К тому мужчине, что заставил ее почувствовать себя живой; к тому, кто пробудил ее чувственность поцелуями, кто пробудил в ней гнев своими инсинуациями, кто вытащил ее из ледяного кокона.

Мэдлин влюбилась в него.

– Но все это пустое, – сказал Логан. – Все, что от вас требуется, чтобы получить желаемое, это пойти и сказать ему, что мы не женаты.

Мэдди судорожно сглотнула.

– Я не уверена в том, что смогу это сделать.

Она не была уверена в том, что хочет это сделать.

Между тем в галерее почти никого не осталось. Гости медленно дрейфовали в сторону банкетного зала.

– Не так уж много тут людей, – произнес Маккензи. – Вам не будет

страшно.

– Дело не в этом. Логан, пожалуйста, давайте уйдем отсюда. Я хочу вернуться домой.

– Но перед уходом мы найдем этого мистера Дорнинга, – сказал Логан. – Сами найдем. Обойдемся без этого вашего лорда Варли. И не надо вам его бояться. Я всем скажу правду.

– Поехали домой, это все, о чем я прошу, – повторила Мэдди.

– Нет уж. Я вам не позволю снова за меня спрятаться.

– Что, если я не прячусь за вас? – Мэдди взяла его за руку. – Что, если своей мечте я предпочла вас?

Логан смотрел на нее во все глаза.

– Мэдди, я...

В окно постучали. Раз, другой. Все громче, все настойчивее.

– Рабби? – изумленно спросила Мэдди, узнав лицо за оконным переплетом.

Рабби беззвучно произнес одно слово:

– Скорее.

Логан, выругавшись, поспешил к окну, распахнул его и протянул Рабби руку.

Оказавшись в комнате, Рабби стряхнул траву с рукавов.

– Хорошо, что я вас нашел. С парадного входа меня не пустили, но я обошел дом, заглядывая в окна, и вот повезло мне. Меня заметили лакеи, и они чуть было меня не побили.

– Что случилось? – тревожно спросил Логан. – Что-то с Грантом?

– Нет, с Грантом все в порядке. Я тут из-за краба. Или крабихи.

– Она линяет? – беззвучно вскрикнув, спросила Мэдди.

Рабби состроил унылую мину.

– Ну, я точно не знаю. Может быть. Скорее всего, нет.

Логан узнал это выражение на лице своего солдата.

– Сейчас же выкладывай всю правду, – грозно прорычал капитан Маккензи.

– Крабиха пропала. Она убежала.

Глава 20

Они сразу же покинули бал.

– Вам не обязательно уезжать со мной, – говорил он Мэдди. – Вам надо остаться и познакомиться с мистером Дорнингом. А Рабби потом отвезет вас в замок.

Мэдди об этом и слушать не желала.

– Без вас мне все равно не справиться. И если Флаффи сбежала, то я должна помочь ее найти. Она не просто моя работа. Вы же знаете, она мне как член семьи.

Логан прикинул, что до замка не меньше четырех часов езды в карете, что означало, что он должен это время провести с толком, то есть набраться сил для дальнейших действий. Но когда он вернется в замок, он всех разнесет в щепки.

Логан схватил Рабби за воротник.

– У тебя было только одно задание, – прошипел он, глядя ему в лицо.

Рабби судорожно сглотнул.

– Я знаю.

– Присматривать за крабами. – Логан слегка встряхнул своего солдата. – Как ты умудрился его провалить?

– Ну, дело было так. Я следил за ним, то есть за ней, за крабихой, в студии. Но обстановка там не очень, верно ведь? Со всеми этимидохлыми совами и жуками...

Да, Логан понимал, о чем говорит Рабби. У Логана самого в той студии волосы вставали дыбом, но Рабби это не оправдывало.

– Поэтому я положил ее в ведро и снес вниз, где ребята играли в карты. Должно быть, кто-то случайно перевернул ведро, а когда я туда посмотрел, крабихи в ведре уже не было. И рядом с ведром тоже.

Логан даже не знал, что сказать.

Подъехала карета, и Логан помог Мэдди забраться в салон, после чего забрался сам.

– Беспокоиться не о чем, – сказал Рабби, пытаясь успокоить их напоследок. – К тому времени как мы вернемся в замок, ребята ее отыщут. В конце концов, сколько может проползти краб?

– Не знаю, – сквозь зубы процедил Логан. – Этот вопрос верный долгу солдат никогда бы не задал.

Карета тронулась. Мэдди была тиха и молчалива. И еще она была

бледна и выглядела расстроенной. Логан беспомощно сжимал кулаки. Ярость переполняла его, но выместить ее было не на ком.

– Сколько краб может прожить без воды? – спросил он у Мэдди.

– Несколько дней, если она останется в замке, где прохладно и сыро. Но если она найдет дорогу к озеру, то пресная вода ее убьет.

– Мы ее найдем. Не волнуйтесь. Мы всю ночь будем искать, если понадобится.

Мэдди прислонила голову к стене кареты и тихо сказала:

– Это уже неважно.

– Черта с два это неважно.

– Это я виновата. Не надо было сажать ее в тот аквариум. Неудивительно, что она сбежала, как только ей представилась возможность. Если бы она захотела спариться с Рексом, она бы уже давно это сделала. Вполне возможно, он ей совсем не пара. Вполне возможно, Рекс – грубиян или от него дурно пахнет, и она не желает иметь с ним ничего общего.

– А как же быть с твоими иллюстрациями?

Мэдди безразлично пожалала плечами.

– По всей видимости, у меня больше нет никакой надежды на то, чтобы получить работу иллюстратора.

Ладно. Это мы еще посмотрим. Логан пытался сохранять спокойствие, что было для него очень непросто.

Когда они вернулись в замок, оказалось, Флаффи так и не нашли. Логан собрал на кухне всех своих людей. На грифельной доске, позаимствованной у кухарки – на ней она писала мелом меню на день – Логан набросал план.

– Вот схема нижнего этажа, – сказал он. – Вот входы и выходы. Первым делом нам предстоит их перекрыть. Ни один краб не должен покинуть территорию и ни один не должен попасть сюда снаружи. Монро, ваш пост у главного входа. Грант остается с вами. Все остальные – немедленно на поиски.

– Может, это сработает? – предложил Рабби и, сложив ладони рупором, защебетал по-птичьи. – Флаффи, Флаффи, девочка, иди-ка сюда!

– Я сильно сомневаюсь в эффективности твоего метода, – скептически заметил Логан.

Рабби пожал плечами.

– Посмотрим.

Логан поделил замок на четыре зоны, определив для каждого из трех оставшихся солдат по участку, а последний взял себе.

– Возьмите по фонарю, – наставлял он солдат, – и не забудьте, что краб только вареный красный, а пока его не бросили в кипяток он синего цвета, и потому его трудно заметить в темноте. Смотрите себе под ноги. Если кому-то повезет ее найти, сразу несите на кухню. И знайте, пресная вода ее убьет. Есть вопросы?

Файф поднял руку.

– Надо ли так понимать, что кто первый ее найдет, тот первым и съест?

– Нет, – рявкнул Логан и ударил ладонями по столу. – Этот краб очень важен для Мэдлин. Что означает, что этот краб очень важен для меня.

И Логан не кривил душой. Он не мог точно сказать, когда это произошло, но сейчас она была ему далеко не безразлична. Ему было важно, чтобы у Мэдлин было все хорошо, чтобы она получила эту свою работу. И Флаффи была для Мэдлин больше, чем самка краба, она была ее мечтой, и эту мечту никто не смеет у нее отнять, ни Варли, ни Рабби, ни он – Логан.

– Действуйте быстро и оперативно. За все время, что мы вместе служили, мы ни разу не оставили товарища умирать. И этого краба мы тоже не предадим.

Перед тем как отправиться на поиски Флаффи, Логан отвел Мэдди в сторону.

– Не расстраивайтесь. Я дал вам слово. Мы ее найдем. И глазом моргнуть не успеете.

Прошел час, потом второй, потом третий.

Флаффи как сквозь землю провалилась.

Поиски продолжались.

Мэдди поднялась наверх, чтобы переодеться, решив, что бальный наряд – не самая удобная одежда для розысков краба.

Поднимаясь наверх, Мэдди заглядывала в каждое углубление в камне. Конечно, представить, что Флаффи поднимется по лестнице, было трудно, но Мэдди решила не исключать даже самой маленькой возможности.

Мэдди уже начала расстегивать зеленое шелковое платье, когда взгляд ее упал на что-то, что не могло не привлечь ее внимание. Нет, то была не Флаффи. То был холщовый заплечный мешок Логана. Парадная форма включала небольшую сумку-кошель, которую он носил на ремне килта, и сегодня на балу эта сумка была при нем. Но тут на крюке висел мешок, в котором хранилось все его богатство: деньги, очки, перчатки и предположительно ее письма.

Мэдди тут же раздумала переодеваться и бросилась к мешку.

Пальцы ее дрожали, когда она расстегивала пряжку.

И вдруг она замерла.

Что она сделает с этими письмами, если найдет в мешке?

Мэдди собиралась уничтожить их при первой возможности, но сейчас она уже не была уверена в том, что ей хватит духу швырнуть их в огонь.

Так много изменилось за эти дни.

Она сделала глубокий вдох, открыла рюкзак и заглянула внутрь.

Ничего.

То есть кое-что в заплочном мешке имелось, но только не письма.

– Что это вы ищете? – раздался над ней голос Логана.

Мэдди стремительно обернулась.

– Ничего. То есть я ищу Флаффи. Мешок лежал открытый, и я подумала, что Флаффи могла в него заползти. Науке известно, что крабам нравится запах холстины. Мэдди, которая всю жизнь лгала, понимала, что ничего глупее за всю жизнь не придумала.

Но Логану, похоже, либо не хотелось углубляться в расспросы, либо он и впрямь настолько вымотался, что поверил ей. Глаза у него были красные, а щеки уже вновь покрывала щетина.

Сердце ее смягчилось. Он так ради нее старался.

– Вам тоже не повезло? – спросила Мэдди.

Логан удрученно покачал головой.

– Но мы не сдаемся, – добавил он. – Надо будет, всю ночь будем искать, а потом все утро.

– Вам надо отдохнуть. В конце концов, Флаффи всего лишь краб.

– Она не просто краб. Она – ваша мечта, и у нас есть уговор. Ваша мечта в обмен на мою цель.

– Все кончено, Логан. Все кончено. Вы видели, как обошелся со мной лорд Варли. Даже если бы он и представил меня мистеру Дорнингу, ничего бы все равно не вышло. Я – женщина. И в глазах многих людей это уже серьезный аргумент против моей кандидатуры. А если я недавно вышла замуж, то ни о каком долгосрочном контракте и речи быть не может. Они полагают, что я не сегодня-завтра забеременею и заброшу работу.

– Почему вы говорите так, словно мы уже женаты?

– Потому что, возможно, нам стоит пожениться. – Она заставила себя поднять на него взгляд.

– Вы этого не хотите.

– Не хочу?

– Нет, не хотите.

– Отчего вы так в этом уверены?

– Если не брать в расчет то, что вы постоянно мне об этом говорите с тех самых пор, как я сюда приехал? – Тяжело ступая, Логан подошел к ней вплотную. – Письма, сердце мое. Вы придумали сказку о шотландском офицере и о доме в шотландских горах. Но это все лишь сказка. А правда притаилась на полях ваших писем. На полях, где вы рисовали своих мотыльков и улиток. Они – ваша истинная мечта. И я не позволю вам отказаться от мечты лишь потому, что лорд Варли – подлец, и какой-то краб куда-то уполз. Я понимаю, что для вас значимо, а что нет.

Хоть работа и значила для нее немало, но самым важным было то, что он ее понимал.

– Возможно, мы могли бы стать друг для друга чем-то важным.

– Мэдди...

Мэдди, пугаясь собственной храбрости, схватила его за лацканы мундира и привлекла к себе. Они оба были растрепанными и усталыми. Она устала от необходимости постоянно сдерживать свои эмоции, сдерживать бывший через край поток нежности.

Ей хотелось обнимать его. Ей хотелось, чтобы он обнимал ее.

– Разве вы не понимаете, – сказала Мэдлин, скользнув ладонью ему под мундир. – Если бы мы жили в браке – в настоящем браке, когда муж и жена дорожат друг другом, лорд Варли, Флаффи и энциклопедия утратили бы свою важность.

– Не надо, – хрипло прошептал он. – Не надо так говорить. Мы еще не обыскали весь замок.

– Пусть другие ищут. А вы останьтесь со мной.

Мэдлин чувствовала, какой ценой ему дается сопротивление. Дыхание его стало хриплым и трудным.

Мэдди приподнялась на цыпочки и поцеловала его в шею.

– Останься со мной, Логан. – Вытянувшись, Мэдди поцеловала его в щеку. – Полюби меня. – И поцеловала его в губы.

И если у него и были возражения, то поток ее нежности начисто смыл их.

– Останься со мной, – сказала Мэдди и потянула его к кровати. – Пора нам стать настоящими супругами.

Вдвоем они упали на кровать. Наконец она оказалась под ним. Мягкая, теплая и желанная. Откуда-то снизу доносился шум: топот ног, громкие голоса обыскивающих замок солдат.

– Вы... – Когда ее ладонь скользнула ему под рубашку, Логан едва сдержал стон. – Ты уверена, что хочешь этого сейчас?

– Да, сейчас, – жарко шептала Мэдди, еще больше разжигая его и так

уже пламенеющее желание. – Заставь меня почувствовать то же, что чувствовал ты, когда... Как тогда, в гостинице. Позволь мне сделать то же для тебя. – Она задрала ему рубашку и провела ладонью по груди. – Логан, я хочу тебя.

Видит бог, эти слова были как искры, попавшие в виски. Он уже полыхал.

Он напомнил себе, что Мэдди – взрослая женщина, что она понимает, что это значит, и что она сделала осознанный выбор.

Все, что ему оставалось, это получить вознаграждение.

Мэдди крепко обнимала его, ерошила волосы на затылке.

– Скорее, – говорила она, одной рукой пытаясь приподнять юбки. – Сделай меня своей, пока я...

Мэдди так и не закончила предложение. Но это было ни к чему. Он и так все понял. «Сделай меня своей, пока я не передумала». Логан почувствовал укол совести. Он всегда учил своих бойцов биться со своим главным врагом – страхом – лицом к лицу. И на одно волшебное мгновение он поверил в то, что может побороть себя.

А потом...

Логан не обдумывал свое решение, он просто подчинился инстинкту. И отстранился. Он заметил обиду в ее глазах. И ее боль надрывала ему сердце.

Он чувствовал себя так, словно сквозь прутья решетки увидел рай за мгновение до того, как райские врата запахнулись для него навсегда.

– Пока ты не передумала, – закончил он за нее. Ты ведь это хотела сказать? Ты хочешь, чтобы я взял тебя здесь и сейчас, до того как к тебе вернется здравый смысл. – Он перекатился на бок и приподнялся на локте, глядя на нее. – Мне это не нравится.

Мэдди закинула руки за голову и вздохнула. Интересно, она знает, насколько эротично выглядит при этом ее грудь?

– С чего это вы вдруг стали таким щепетильным?

– Не знаю. Может, я всегда таким был?

– Логан, вы ведь этого хотели, так? Вы этого требовали от меня и угрожали разрушить мою жизнь, если я откажусь.

– Я понимаю, вы расстроены из-за того, что произошло на балу. Вы разочарованы, сердце мое.

Мэдди потянулась к нему.

– Но в ваших силах все исправить. Если бы наш брак был полноценным браком во всех смыслах этого слова, отказавшись от работы, я бы не считала, что принесла себя в жертву. Если бы в браке мы нашли

любовь. Если бы мы стали семьей. Мы могли бы иметь все это, Логан. Вместе.

Господи, чего она от него хочет? Чтобы он пообещал, что она не пожалеет о том, чем пожертвовала ради него? Он не мог этого сделать. Он не знал, каким образом может заменить собой ее работу, ее семью, сообщество коллег и друзей.

Его одного ей станет мало. И рано или поздно она его возненавидит.

И тогда бросит его.

– Нам не надо никому лгать. Мы могли бы все это сделать правдой. Сегодня же. Неужели я вам совсем безразлична?

Ну конечно, она была ему дорога, очень дорога. По правде говоря, даже слишком дорога. Он просто не мог отнять у нее ее мечту.

– Мы найдем другой способ, – произнес он.

Не стоило ему этого говорить.

– Мы уже это проходили, Логан. Или вы забыли? Что бы я ни предложила, вы все отвергаете, даже то, что я предложила только что. Не буду говорить, насколько это унижительно для меня. – Мэдди села в кровати и закрыла лицо руками. – Я чувствую себя так глупо.

– Я просто не могу вам дать того, что вы просите, – сказал он. – Я с самого начала это говорил. Любовь, романтика – это все не для меня.

– Я отказываюсь вам верить. Я знаю, что это неправда. – Ее темные глаза метали гневные молнии. – Я знаю, что вы самый заботливый, самый верный мужчина на свете. Я вижу, как вы относитесь к своим товарищам, к моим арендаторам. Даже к моей тете. Я – единственный человек, который не может вызвать у вас привязанности.

– Вы несправедливы ко мне. И вы знаете, что это не так. Я готов защищать вас ценой своей жизни.

– Но ваше сердце для меня недоступно. И никогда не будет доступно. Это так?

Он не знал, как ей ответить.

Мэдди встала с кровати и подошла к туалетному столику.

– С меня довольно. Я больше не хочу гадать о том, кто вы такой. – Мэдди сорвала с плеча тартан. Булавка расстегнулась, и Мэдди протянула брошь Логану. – Я желаю знать правду. Кто она, эта А.Д.?

– Я уже говорил, это неважно.

– Для вас – возможно, но это важно для меня! Я каждый день ношу эту метку позора у себя на груди. Клеймо, что должно напоминать мне постоянно о том, до чего меня довел казавшийся невинным обман. Но теперь я хочу знать правду. Вы ее любили?

– Мэдди...

– Я задала простой вопрос, Логан. Мне не надо никаких объяснений. Хватит одного слова. Так «да» или «нет»?

– Да, – ответил он.

– Сильно?

– Так сильно, как умел. Но, как видно, недостаточно.

– И потому она вас бросила.

Логан кивнул.

– Умная женщина.

Логан поморщился.

– Возможно. Я был для нее обузой. Тянул вниз.

Точно так же, как он стал бы обузой для Мэдлин. Ей было что предложить миру. И рисунки – это еще не все. У нее доброе сердце и много нерастраченной любви. Она хочет семью, детей. Она хочет то, что он считает для себя неприемлемым. С ним она растратит себя попусту.

– И, несмотря на то что она вас бросила, после стольких лет вы не в силах о ней забыть.

Логан покачал головой и честно ответил:

– Нет.

Мэдлин швырнула ему брошь, и та упала на стеганое одеяло.

– Заберите. Я не хочу ее больше носить. Я уезжаю.

– Подождите. – Логан встал. – До Белтейна осталось меньше недели. О чем бы мы ни договорились между собой, мне нужно, чтобы в ночь на первое мая были вы здесь.

– Вы только что отвергли меня. Что заставляет вас думать, что я стану с вами о чем-то договариваться?

– Я должен напомнить вам о письмах?

– А, вот вы о чем. Об этих глупых письмах. – Мэдди подавилась нервным смешком. – Мне до них больше нет дела. Так действуйте! Отправьте их в скандальные газетенки. Что мне терять? Работу мне, так или иначе, уже не дадут, да и перспектив в личной жизни у меня теперь не осталось. Я привыкла к унижению. И к одиночеству тоже. И более одинокой, чем здесь, я тоже едва ли где буду.

Мэдди распахнула шкаф и потянулась к пустому саквояжу на верхней полке. Он свалился ей на голову, отскочил и упал на пол.

Логан сочувственно поморщился.

– Только этого мне сейчас и не хватало, – уныло произнесла Мэдди. – Еще одна унижительная ситуация.

Мэдди поставила саквояж на кровать, открыла его и принялась

бросать туда пригоршнями белье и чулки.

Логан схватил саквояж за ручку и потянул на себя.

– Вы не можете уехать. Еще не пришло время.

Мэдди схватила саквояж за другую ручку и потянула на себя.

– Могу. И уеду. Вам меня не остановить.

– На что вы будете жить?

– Гневом я буду жить. Его во мне столько, что никакой пищи не надо.

По крайней мере, на первое время.

Он никогда не видел в ней столько решимости. Столько храбрости. А ведь он так давно хотел увидеть в ней именно это. Он знал, что Мэдлин сильная, и, наконец, она продемонстрировала ему свою силу во всей красе.

И, кто бы сомневался, эта недюжинная сила проявилась в ней именно тогда, когда она решила его бросить.

Логан провел рукой по волосам.

– Забудьте обо мне.

– О, поверьте мне, именно в этом и состоит мое намерение.

– Я не ради себя старался. Моим людям нужен дом, и вы это сами знаете. И я знаю, что они и вам стали дороги. Подумайте о Каллуме, о Рабби, Монро и Файфе. Подумайте о Гранте.

– Я буду по ним скучать. По всем. Особенно по Гранту. – Мэдди замерла с зажатым в кулаке шерстяным чулком. – Грант – мой любимец. И знаете почему? Он заставил меня почувствовать себя красивой в день моей свадьбы. И неважно, сколько раз нас друг другу представляли, он всякий раз был под впечатлением. И еще он меня смешит. А это важно. – Мэдди швырнула чулок в саквояж. – Он думает, что вы счастливчик, потому что я у вас есть. Глупец несчастный!

– Может, Грант и тронулся умом, но глупым он никогда не был. И не он один любовался вами в день вашей свадьбы, не один он считает вас красавицей. – Логан схватил Мэдди в объятия. – Я не могу вас отпустить.

– Зачем мне оставаться?

– Потому что я...

Логан знал, что она хочет услышать, но отчего-то не мог заставить себя произнести слова, в которые не верил. Он не верил этим словам, когда их произносили другие, и не верил, когда сам их произносил. Рано или поздно они всегда оборачивались ложью.

Мэдди грустно ему улыбнулась.

– Я так и думала.

– Мэдди.

И вдруг раздался крик такой оглушительной силы, что их обоих чуть

не подбросило. Солдатский инстинкт подсказывал Маккензи, что надо бы проверить, из-за чего сыр-бор, но не успел он сделать и шаг в сторону двери, как она приоткрылась и показалась покрасневшая физиономия Рабби.

– Ее нашли! – задыхаясь, доложил солдат. – Вернее, она нашла палец Файфа. Выглядит как обычный краб: живой и здоровый.

– Превосходно. Большое вам спасибо, Рабби. – Мэдди одарила Рабби улыбкой, которая исчезла, как только тот покинул помещение. – Очень своевременная находка, – добавила Мэдди, на этот раз обращаясь к Логану. – Теперь она может уехать со мной.

– Вы закончите рисунки в другом месте?

– Нет, я намерена оказать Флаффи услугу, которую давно должна была оказать. Я намерена выпустить ее на свободу.

Глава 21

– Мэдди? – Тетя Тея просунула в дверь увенчанную тюрбаном голову. – Бекки сказала, что ты пакуешь сундуки. У тебя все в порядке?

– Тетя Тея, проходите и садитесь. Нам надо поговорить.

Мэдди сделала глубокий вдох и выдох. Давно надо было на это решиться.

Давно надо было выбраться из этой топкой лжи, что затягивала ее все глубже и глубже. Только на этот раз она не станет просить помощи у Логана. Она вызволит себя сама. Какое там первое правило поведения на болоте? Не паникуй.

– Так в чем дело, девочка моя? – повторила вопрос тетя Тея.

Дыши глубже, приказала себе Мэдди.

– Я... Мне много о чем надо сказать. Могу я попросить тебя потерпеть мое общество до тех пор, пока я не выскажу все, что накопилось?

– Конечно.

– Когда мне было шестнадцать лет и я вернулась домой из Брайтона, то сказала тебе, что на взморье встретила шотландского офицера. – Мэдди судорожно сглотнула. – Я солгала.

Вот так. Признание ценой в жизнь всего из двух слов. Мэдди никак не могла взять в толк, зачем было столько лет ждать, чтобы произнести эти два слова.

Но сейчас, когда они были произнесены, повторить их она могла без труда.

– Я солгала, – вновь сказала Мэдди. – Я ни с кем тогда не познакомилась. Я все время на побережье провела в одиночестве. По возвращении в Лондон меня ждал первый сезон. При мысли о том, что мне придется много бывать на людях, я запаниковала и придумала всю эту несусветную чушь о капитане Маккензи. И год за годом повторяла эту небылицу.

– Но... Если только у меня не старческое слабоумие... В замке живет мужчина. И зовут его капитан Маккензи. И он не похож на чью-то выдумку. Вполне себе реальный человек.

– Он – реальный человек, это верно. Но я никогда прежде с ним не встречалась. – Мэдди опустила голову на скрещенные руки. – Мне так стыдно. Я боялась сказать тебе правду. Я давно хотела тебе рассказать, еще до того как мы переехали в этот замок, но мне казалось, что ты так

привязалась к этому выдуманному мной герою, а я тебя слишком сильно люблю...

– Девочка моя, – приговаривала тетя Тея, массирующими движениями гладя Мэдди по спине. Она так частенько делала, когда Мэдди была еще ребенком, – я знаю.

– Ты знаешь, что мне стыдно? Ты можешь меня простить?

– Не только это. Я знаю все. Про обман, про письма. Что твой капитан Маккензи был всего лишь игрой воображения. Я всегда об этом знала.

Мэдди не поверила своим ушам и потому решила поднять на тетю глаза.

– Что?

– Пожалуйста, не обижайся на меня за эти слова, дорогая, но твоя выдумка не была такой уж убедительной. Если совсем честно, то вся эта история была за уши привязана. Ты никогда не умела врать. Если бы я за тебя не вступилась перед твоим отцом, твоя история и месяца не продержалась бы.

– Я не понимаю. Ты хочешь сказать, что никогда мне не верила? Все эти годы ты знала, что капитан Маккензи – чистой воды вымысел, и ни слова мне не сказала?

– Ну, мы договорились, что тебе нужно время.

– Мы? Кто такие эти «мы» в твоём предложении?

– Мы с Линфортом, конечно.

– Мой крестный отец тоже знал, что я сочинила себе ухажера? – Мэдди закрыла лицо ладонями. – Господи, какой позор.

Конечно, ей было стыдно, но при этом она готова была летать – так легко стало на душе. По крайней мере, можно было не тяготиться мыслью о том, что она унаследовала этот замок, обманув доверие наследодателя.

– Разумеется. И он все понимал. Потому что, моя дорогая Мэдлин, мы с ним были близки.

– Близки, значит.

– Мы были любовниками двадцать лет. И он знал, что когда-то и я солгала, чтобы избежать замужества.

Мэдди была ошарашена.

– И граф Монтеклер не разбивал тебе сердце? И после него все мужчины не стали для тебя на одно лицо?

– О, я побывала с ним в постели, это правда. Не могу сказать, что все было ужасно, но никакой магии в тот раз не произошло. Нет, та ночь не стала для меня роковой в том смысле, что я навсегда потеряла интерес ко всем прочим мужчинам. Напротив, тогда я поняла, что слишком молода

для того, чтобы на всю жизнь приковать себя к одному мужчине лишь потому, что мои родители считают его подходящим для меня супругом. И я не хочу лишь в брачную ночь узнать о том, питает ли мой муж эротическое пристрастие к перьям.

– Перья? Какие перья?

– Неважно. Я хочу сказать, что нельзя недооценивать важность физической совместимости. Как бы там ни было, я громко заявила о своем бесчестии, воспользовавшись связью с графом как предлогом для того, чтобы не вступать в брак. И я смогла заводить себе любовников, и, признаюсь, активно пользовалась этой возможностью. Впрочем, последние двадцать лет Линфорта я была увлечена им настолько, что хранила ему верность. Его уход стал для меня ударом. Именно поэтому я с радостью отправилась с тобой на север. Я тоже была в трауре.

– Да, но твой траур был настоящим. – Мэдди подвинулась ближе к тете. – Тетя Тея, я так тебе сочувствую.

Тея промакнула глаза.

– Мы знали о приближении печальной развязки, но к смерти близкого человека невозможно подготовиться. Тем не менее мы продолжаем жить. Находим себе новые увлечения. Пока ты часами рисовала своих жуков, я в своей башне писала роман.

– Ты – писательница? Но это же... великолепно!

«Вообще-то ничего удивительного в этом нет, – подумала Мэдди. – Тетя Тея годами сочиняла мелодраму с ней, Мэдди, в главной роли».

– На самом деле это даже не роман, а скорее мемуары. Или, как говорят французы, роман с ключом, где за условными персонажами скрываются реальные люди. Только вот ключа я к нему прилагать не буду, чтобы защитить от разоблачения таких же грешников, как я сама.

– Почему ты мне об этом раньше не сказала? – Мэдди покачала головой. – Зачем мы друг другу лгали столько лет?

Тетя Тея крепко пожала руки своей племяннице.

– Я не знала, что мы лжем, дорогая. Много лет я была уверена в том, что мы обе понимаем, что делаем, и по негласной договоренности продолжаем разыгрывать спектакль. Я думала, что ты счастлива тут, в Шотландии, и я уговорила твоего отца оставить тебя в покое. Но когда появился этот горец...

Мэдди усмехнулась.

– Нежданно-негаданно.

– Да, когда он появился, я уже не знала, что и думать. Я даже предположила, что ты все эти годы говорила правду. Или почти правду. И я

устраивала для него проверки. Сначала со стихотворением. Потом с уроком танцев. Я пыталась дать тебе понять, что ты всегда можешь мне довериться. Но главное... Я решила, что ты уже взрослая. Ты взрослая, сильная и умная женщина. И мне не следует тебе мешать.

Мэдди теребила кружевную оторочку носового платка.

– Он – совершенно чужой мне человек. Ты можешь в это поверить? Каким-то образом мои письма попадали к нему, и из них он узнал обо мне все. Обо мне, о моей семье. Но я никогда его не видела до того, как он переступил порог нашего дома. А сейчас...

– А сейчас ты полюбила его, да?

– Боюсь, что так. – Глаза у Мэдди защипало от слез. – Но он меня не любит. Или, возможно, он мог бы меня полюбить, но никогда себе этого не позволит. Я не знаю, что мне делать. Вчера после бала мы ужасно поссорились. Я вернула ему обручальную брошь.

– Вполне вероятно, это обычная ссора между влюбленными. Знаешь, как говорят: милые бранятся, только тешатся.

– Не знаю, можно ли нас назвать влюбленными. Я отчаянно хочу быть любимой и очень боюсь, что он может ответить на мое чувство лишь в моем воображении. И все закончится так же, как начиналось: я сама запру себя в придуманном мной же мире.

Тетя Тея улыбнулась.

– После того, через что я заставила его пройти во время подготовки к тому балу, я нисколько не сомневаюсь в том, что ты ему далеко не безразлична.

– Он человек верный, но... Я думаю, он на меня в обиде за что-то. Не знаю как, но я его глубоко ранила. Возможно, моя ложь никак не отразилась на тебе или на нашей семье, но она причинила боль Логану. Я не понимаю, как наивные письма шестнадцатилетней девочки могли оказать на него такое сильное влияние, но мне бы очень хотелось все исправить. Знать бы только, как.

Даже предложив ему свою любовь, она не растопила лед. Что еще она могла ему дать? Мэдди опустила глаза.

– У меня внутри все переворачивается, и я чувствую себя абсолютно беспомощной.

– У меня на этот случай есть лекарство.

Мэдди брезгливо поморщилась. Ох уж эти фирменные рецепты от тети Теи!

– Знаешь, тетя Тея, раз уж у нас сегодня такой день, скажу начистоту. Я не думаю, что смогу сейчас проглотить хоть каплю твоего...

– Не трать слов. Вот оно – мое лекарство. – И тетя Тея крепко ее обняла. От Теи пахло, как от аптекарского прилавка, всеми косметическими средствами сразу, но объятия ее от этого не стали менее искренними и теплыми. К тому времени, как они разомкнули объятия, на глаза у Мэдди выступили слезы.

– Ты любима, моя девочка, – сказала тетя Тея, взяв ее за щеки. – Тебя всегда любили. Как только ты сама в это поверишь, все само собой прояснится.

Логан старался держаться от нее на расстоянии. Это было непросто, но он понимал, что навязчивостью ничего от нее не добьется. Мэдди могла уехать со дня на день, а он так и не придумал, как ее отговорить. Он мог лишь надеяться, что время или, возможно, угроза опубликовать ее письма, заставят ее передумать.

Он хватался за эту надежду как за соломинку, но он воочию убедился, как эфемерна его надежда, когда накануне Белтейна застал ее в столовой среди нескольких дюжин ящиков и коробок. Стол был завален фарфором, серебром, скатертями, салфетками, подсвечниками. Еще он заметил на столе чайники, кочергу, свечи и банку со специями.

– Вы готовитесь к чаепитию? – с сарказмом поинтересовался Логан.

– Нет. Я готовлю приданое для мужчины.

– Приданое?

Мэдди насупила брови.

– У мужчины бывает приданое? Я, честно говоря, не знаю. Но это не имеет значения. Когда люди вселяются в новый дом, им нужно иметь самое необходимое.

– А разве в замке все это не нужно?

– Теперь уже нет. – Мэдди бережно заворачивала в солому кувшин для умывания.

– Я еду домой, в Лондон. Я буду жить со своей семьей. Кто-то должен всем этим пользоваться.

Логан стиснул зубы. Она говорила об отъезде спокойно и просто, как о деле давно решенном. Она не только замок бросала, она и его, Логана, бросала. Мэдди обошла вокруг стола, считая стопки с ложками. Логан, чуть приотстав, шел следом.

– Мне тоже полагается прощальный подарок? – спросил он, как ему казалось, словно невзначай, а на самом деле раздраженно и с обидой. – Может, мне столик какой-нибудь перепадет и пара подсвечников?

– Вообще-то, для вас у меня припасено нечто иное.

– Правда? И что же?

Ее темные глаза удерживали его взгляд.

– Вот это.

– Что, ложки?

– Нет, это – она чуть склонила голову набок, возведя взгляд к лепному потолку. – Земля. Замок. Все это.

Логан уставился на нее, как баран на новые ворота.

– Мэдди, не может быть, чтобы вы...

– Все уже сделано. – Мэдди взяла конверт, лежащий на стопке накрахмаленного столового белья. – Я скопировала документы, удостоверяющие мои права на собственность, только вместо своего имени вписала ваше имя. Бекки и Каллум поставили подписи как свидетели. Я думаю, к сегодняшнему вечеру все в замке уже будут в курсе этой новости. – Мэдди протянула ему конверт. – Ленер – ваш.

Логан взял конверт в руки. Он не знал, что сказать, и лишь смотрел на него во все глаза.

– Насчет той сделки, что вы предложили... Я не выполнил своих обязательств.

– По правде говоря, Логан, Ленер мне не принадлежит. И никогда не принадлежал. Мне не пришлось трудиться, чтобы его получить. И земля эта меня не влечет. Этот замок, эта земля принадлежат Шотландии и тем людям, чьи предки таскали голыми руками камни, из которых строился этот замок. И я не могу представить себе лучшего попечителя этой земли, чем вы, Логан.

– Мне не нужны подачки. Ни от вас, ни от кого другого. Я всегда отработывал все, что имел и имею.

– О, мне это известно. И я также знаю, что, принимая от меня этот дар, вы испытываете неловкость. Но отчасти ради этого все затеяно. Мне приятно наблюдать, как вы корчитесь, словно уж на сковородке. И я чувствую себя победительницей. Своего рода.

И ей шла эта роль – роль победительницы.

– Так... когда вы уезжаете? – спросил Логан.

– Завтра. Я планирую остаться на ночь, разумеется. И я полюбуюсь сегодняшним праздничным костром. Мы все много трудились, готовясь к этому празднику. Даже если я больше не хозяйка замка и даже если я не ваша невеста или там жена, я хочу отметить Белтейн здесь.

– Я тоже хочу, чтобы вы были здесь.

«Я хочу, чтобы ты всегда была со мной».

Слова вертелись у него на языке, но он так и не произнес их. Слишком поздно. И потому бессмысленно. Отдав ему замок, она лишила его

последней возможности выторговать у нее что-нибудь. Все, что он мог ей предложить, она уже отвергла. Другой мужчина, возможно, не имея ничего другого, предложил бы ей свое сердце. Или даже мечту. Но Логан разучился мечтать. И, заглядывая в себя, он не находил ничего, кроме холода и пустоты.

Логан поднял конверт.

– Спасибо вам за это, – сказал он.

Мэдди кивнула.

– Для меня было честью познакомиться с вами, Логан. Думаю, вы поймете, если я не буду писать.

Глава 22

Мэдди нашла неожиданное удовольствие в исполнении роли хозяйки праздника. Как оказалось, эта роль дается ей намного лучше, чем роль гостыи. Она все время была при деле: заботилась о том, чтобы на столе не истощались запасы эля, чтобы все время подносили новые блюда. Она всегда могла под благовидным предлогом укрыться на кухне, когда чувствовала опасные симптомы. И, самое главное, находясь в постоянных трудах и заботах, Мэдди почти не вспоминала о капитане Маккензи. Пару раз он прошел мимо нее, и они обменялись сдержанными кивками, но она не стала останавливаться, чтобы поболтать.

Очень даже может быть, что им так и не придется поговорить до ее отъезда, а уехать она собиралась рано утром. Впрочем, может, оно и к лучшему. Что еще они могут друг другу сказать?

День клонился к вечеру, и праздник из замка выкатился на улицу. Теперь средоточием праздника стала вершина самого высокого в округе холма, откуда открывался потрясающий вид на окрестности и, главное, на озеро.

Когда стемнело, на вершине холма развели гигантский костер. Развели его по старинному обычаю с помощью особого устройства, похожего на деревянную дрель. После часа трудов от трущихся друг о друга щепок пошел дым, и тогда женщины стали подбрасывать в костер заранее заготовленный сухой мох и ветки.

Потом костер долго и терпеливо раздували, пока маленький робкий огонек не окреп. Все больше людей бросали щепу в огонь, подпитывая костер, пока он не сделался большим и сильным.

И тогда по кругу пустили виски и овсяное печенье. От виски Мэдди вежливо отказалась, а вот печенье с удовольствием попробовала.

– Смотрите, чтобы оно не оказалось меченым, – сказал Рабби.

– Вы о чем?

– У нас есть традиция. Одно из печений помечают углем. Того, кому оно достанется, бросают в костер, – с серьезным видом сообщил Рабби, после чего на всякий случай подмигнул Мэдди.

– Какая очаровательная традиция. – Мэдди тщательно осмотрела свое печенье. – Угля не вижу.

– Значит, вам повезло. Доживете до следующего Белтейна.

Звонко заиграла скрипка, и когда Мэдди увидела, кто играет, она очень

удивилась.

– Я не знала, что Грант – музыкант.

– Грант пошел со скрипкой на войну, прошел с ней огонь и воду, перебрался через Пиренейские горы, но во время переправы через реку скрипка пострадала от воды так, что ее было не восстановить. Капитан на днях купил ему похожую скрипку в Инвернессе.

Мэдди лакомилась печеньем и играла в «ку-ку» с маленькой светловолосой девочкой, которая пряталась от Мэдди за маминой юбкой. Предложив девочке половинку своего печенья, Мэдди была вознаграждена широкой беззубой улыбкой.

Время от времени в поле ее зрения попадал Логан. То он беседовал с фермером, то передавал виски по кругу. Они ни разу не встретились глазами.

Однажды ей показалось, что она чувствует жар его взгляда, но, когда она обернулась, Логана не увидела. Мэдди решила, что ей почудилось. Она знала, что имеет слишком пылкое воображение, которое обманывало ее не раз.

Стоя у костра и кутаясь в шаль, Мэдди смотрела на танцующие под музыку Гранта пары. И, судя по тому, что она видела, этот танец мало чем отличался от того контрданса, что танцевали на балу у Варли.

Когда пары стали выстраиваться для очередного танца, к ней подошел Каллум и пригласил потанцевать.

– Нет, нет, – с ходу ответила Мэдди.

– А, ну понятно. Простите.

И вдруг Мэдди поняла, что незаслуженно обидела хорошего парня. В конце концов, никого здесь не волнует, любит она танцевать или нет. Хозяйка праздника должна соответствовать возложенной на нее роли.

– Каллум, подождите. – Мэдди поспешила за ним. – Простите, я не сразу поняла, что вы меня приглашаете.

– Это неважно. Вы не обязаны ничего объяснять.

– Нет, я хочу объяснить. Если честно, то я польщена вашим приглашением. Для меня оно многое значит. Больше, чем вы можете подумать. – Она пожала Каллуму руку. – Спасибо.

Каллум заулыбался в ответ, и ей стало тепло от этой улыбки. И тогда Мэдди с предельной ясностью осознала, что, как бы трудно ей ни было бросить Логана, вычеркнуть из жизни это озеро, этот замок, этих людей ей будет еще труднее. Не расставание с Логаном, а расставание с замком разобьет ее сердце. Здесь, в Ленере, у нее остались друзья, которых ей никто и ничто не заменит.

– Проблема в том, – призналась Мэдди Каллуму, – что я не умею танцевать.

– Это пустяки. Тут нет ничего сложного.

– Может, для вас танцевать просто, но я никогда не танцевала. Боюсь, что у меня ничего не получится.

– Да я и сам не очень хороший танцор. Так что, если у вас ничего не будет получаться, мы окажемся на равных. Может, все равно попробуем? Хотя бы сами посмеемся и других посмешим!

Может, ей голову напекло из-за жаркого костра, а может, так подействовал на нее энтузиазм Каллума, или она рассчитывала вызвать кое у кого ревность...

Но, скорее всего, она просто решила, что хватит уже вязнуть в трясине своего страха. Пора выбираться из нее. Разве Рабби не заверил ее, что она доживет до следующего Белтейна?

Если и доживет, то встретит она этот праздник уже не здесь, не в Шотландском нагорье. Может, ей лишь раз в жизни выпал шанс потанцевать шотландский рил, и неужели она его упустит!

Может, это шанс для нее перестать беспокоиться и начать жить!

Как бы там ни было, Мэдди словно со стороны услышала свое согласие. Впервые в жизни она приняла приглашение на танец.

И тут же задалась вопросом, почему она не сделала этого раньше. Скажем, когда ей исполнилось шестнадцать.

Из чего не следует, что танцевала она хорошо. Танцоры из них с Каллумом получились неважные, это верно, но зато какое они оба получили удовольствие!

Никогда в жизни Мэдди так не смеялась! Каллум с трудом поймал ее, закружив, а когда в конце танца они должны были взяться за руки, то вообще друг друга потеряли.

Мэдди продолжала вращаться по инерции, хохоча и все дальше удаляясь от своего кавалера, пока не столкнулась с кем-то. С кем-то, оказавшимся большим и твердым, как стена.

– О, простите. Я... – Мэдди подняла глаза и сердце ее упало. – Это вы. Логан.

– Веселитесь?

– Да, спасибо, что интересуетесь.

И вдруг она поймала себя на том, что нервничает так, как нервничала бы шестнадцатилетней дебютанткой на первом балу. И это волнение было вполне объяснимо.

Сегодня Логан был другой. Совсем не такой, как на балу у лорда

Варли. Как бы ни старался он сохранить хорошую мину при плохой игре, он не мог не чувствовать и не понимать, что все смотрят на него как на забавную диковину, и это не добавляло ему уверенности. Здесь он был лучшим среди равных. Вождем. Защитником. Лэрдом.

Одетый в килт и накрахмаленную рубаху, он словно сошел со страниц романа сэра Вальтера Скотта. Танец закончился, и Каллум, наконец, отыскал свое партнершу.

Одарив Мэдди озорной улыбкой, Каллум сказал:

– Прошу прощения за то, что украл ее у вас, капитан.

– Не надо извиняться, – ответил Логан. – Мэдди сама себе принадлежит.

– Мы всего лишь танцевали, – сказала она.

– Я видел.

– И не очень хорошо.

Логан усмехнулся.

– И это я тоже видел.

– Ну что же. Простите, что в вас врезалась. Не разглядела в темноте.

Мэдди отвела взгляд в сторону, пытаясь не встречаться с ним глазами. Взгляд у него был какой-то непонятный. Вокруг не было ни огонька – замок тонул во тьме, – лишь громадный костер на вершине холма и звездное небо над ними.

– По обычаю в ночь Белтейна мы гасим все огни, включая камины в домах. Люди берут угли из костра и наутро зажигают очаги. У всех есть шанс начать жить заново – в этом смысл праздника.

– Жизнь с чистого листа – как это красиво и символично.

Мэдди вдруг подумала о том, что они с Логаном тоже могли бы начать жизнь с чистого листа. Если бы всерьез принимали обычаи старины.

Ведь он был неплохим человеком. Заботливым, неглупым, верным.

И, если уж не копать слишком глубоко, он был чертовски привлекателен.

И она, Мэдди, будет всю жизнь жалеть о том, что так и не узнала, какой он любовник. В конце концов, тетя Тея не остановилась на полпути, позволив графу Монтеклеру «погубить» ее окончательно. И бог бы с ними, с этими перьями.

Но какой смысл грустить о недостижимом?

Логан ее не любил. Он не мог ее полюбить. Какая-то другая женщина добралась до него первой и отбила у него вкус ко всем прочим женщинам. Мэдди очень надеялась, что эта А.Д., кем бы она ни была, глубоко сожалеет о своем выборе. Теперь-то она, наверное, поняла, от чего

отказалась, и каждый день кусает себе локти. Чтобы ей пусто было!

– Вы что-то сказали? – спросил Логан.

Ну вот, теперь она уже начала говорить сама с собой.

– Я? Нет, ничего.

Женщина в традиционном костюме подошла к ним и заговорила с Логаном на гаэльском наречии. Не успела Мэдди сообразить, что произошло, как женщина сунула в руки Мэдди младенца.

Превосходно. Только этого ей сейчас не хватало. Может, если младенец сейчас заверещит или срыгнет, он избавит ее от этой щемящей тоски и нежности.

Но младенец – сущий ангел, спал у Мэдди на руках. Тем временем мать ребенка благодарила Логана – Мэдди поняла, что она его благодарит, даже не зная языка – одного взгляда было достаточно, а тут еще Каллум взялся перевести. Молодая женщина недавно овдовела, и она думала, что ей придется покинуть Шотландию, но Логан нашел для нее заработок: она стирала и готовила для солдат Маккензи, пока те строили себе дома. Теперь эта женщина и ее малыш смогут остаться в родных краях.

Вдруг Мэдди заметила, что на одеяле, в которое завернут малыш, что-то блеснуло.

– Смотрите-ка, обручальная брошь, – сказала Мэдди, показывая брошь Каллуму. Не рановато ли? И ведь этот ребенок – мальчик, верно? К тому же я думала, что броши дарят девушкам.

Каллум нежно погладил ребенка по щеке.

– Обычай требует, чтобы мужчина подарил брошь своей жене, а та потом прикалывает ее к одеялу их первенца. Считается, что эта брошь – амулет, который отгоняет злых духов.

– Как интересно. Так это значит, что эти буквы, – Мэдди провела пальцем по едва заметной гравировке на брошке в форме сердца, – инициалы младенца?

– Нет, нет. Это инициалы его отца и матери.

– Понятно.

Так вот кто она, та женщина, про которую Мэдди так хотела услышать от Логана. Его мать. Он любил ее, как мог, но детской любви ей было мало, и она его бросила.

И она, Мэдди, сказала ему, что эта женщина правильно сделала, бросив его!

Мэдди медленно подняла взгляд. Молодая вдова танцевала с каким-то парнем.

Логан успел отдалиться, но они встретились взглядами, перекинув

мост через костер. Взгляд его был пристальным, ищущим, брови насуплены. Кажется, он понимал, что кое-что изменилось.

– Каллум, – сказала Мэдди, проглотив комок в горле, – вам о чем-нибудь говорит такое вот созвучие: «на-трей-ме»?

Каллум склонил голову набок.

– Это не созвучие. И даже не слово. Это фраза.

– И что же означает эта фраза на вашем языке?

– Она означает «не бросай меня». А почему вы спрашиваете?

Мэдди попыталась сдержать дрожь в голосе.

– Просто так.

Да уж, просто так. Теперь, когда осколки мозаики сложились в картину, она поняла, как глупо себя вела.

– Мне нужно кое-что сделать. Вы его поддержите? – Мэдди передала ребенка Каллуму.

– Нет, подождите! У меня же только одна рука! Как я его удержу?

– Ничего, удержите. Матери только так их и держат. В скором времени вам доведется держать на руках и собственного сына, так что привыкайте.

Мэдди порывисто поцеловала в лоб сначала Каллума, а потом младенца.

А потом она отправилась искать Логана в толпе. Только его нигде не было видно.

Глава 23

Логан стремительно уходил прочь от костра, но, видно, все равно шел он недостаточно быстро.

– Логан, подождите!

Логан не замедлил шаг. Он не мог с ней говорить. С него хватило того, что он видел. Как она качала на руках младенца. Как танцевала с Каллумом. С него хватило того, что он почувствовал, когда она столкнулась с ним во время танца. Ему и так было тяжело. Но... Мэдлин сделала свой выбор, и он тоже. Завтра пути их окончательно разойдутся, и так тому и быть. Однако, если она до отъезда окажется в пределах досягаемости, Логан не мог за себя ручаться. Он мог сделать нечто такое, о чем они оба будут потом сожалеть.

– Возвращайтесь к костру, – сказал он. – Тут слишком темно. Можно споткнуться и упасть. Можно даже угодить в болото.

– Не бросай меня, – произнесла Мэдди на гаэльском языке, и Логан остановился как вкопанный.

– Вы решили выучить гаэльский? – стараясь говорить как можно спокойнее, спросил он.

– Гаэльский для меня пока загадка, а вот вы – нет. Теперь – нет.

Что это, черт возьми, означает?

Мэдди поравнялась с ним. Судя по тому, что он смог разглядеть при тусклом свете звезд, она была сердита.

И хорошо. Пусть злится. Так безопаснее.

– Вы солгали мне, Логан.

– Я вам не лгал.

– Вы не стали меня разубеждать, понимая, что я нахожусь в плену заблуждений. А это ничуть не лучше лжи. Так вот, эта брошь. Вы не заказывали ее для другой женщины. Это так?

– Вы снова за свое? Я же сказал вам, для меня она ничего не значит. Больше ничего не значит.

– А вот и неправда. – Мэдди подошла к нему вплотную. – К одеялу младенца, которого я держала у костра, была приколата похожая брошь. Каллум мне все объяснил. Буквы Л. М. на вашей броши не ваши инициалы, а вашего отца. Вас называли в его честь. А другие инициалы – это первые буквы имени и фамилии вашей матери. Так как ее звали?

Логан вздохнул.

– Я не знаю. Я был слишком мал.

– Почему вы не сказали мне правду? Если бы я знала правду, то и сейчас с гордостью носила ваш подарок. Вам просто нравится заставлять меня ревновать?

Логан ничего не понимал.

– С какой стати вам меня ревновать?

– Перестаньте прикидываться тупым, – закричала Мэдди. – Вы прекрасно знаете, что я решила, будто какая-то шотландская девица украла ваше сердце и разбила его. Конечно, я ревновала! Мне ваше сердце нужнее, чем ей!

– Я говорил вам, что не могу вам дать того, чего у меня нет.

– Да, говорили. И вы говорили неправду.

Мэдди приблизилась еще на шаг и прикоснулась к его руке. Даже это легчайшее прикосновение пронзило его как молния.

– Я знаю, как вам дороги те, кто рядом, – сказала она. – Я помню, какой заботой вы окружили меня тогда в Инвернесе. Я помню, как вы горой стояли за меня на балу...

Логан схватил ее за предплечья и отодвинул от себя.

– Я знаю, какая вы. Я знаю, какое буйное у вас воображение. Вы склонны придумывать то, чего нет. Вы себе лжете. Странно, что вы до сих пор так и не усвоили урок.

Логан пошел прочь, и вновь Мэдди пошла за ним.

– Вам когда-нибудь надоест наказывать меня? Когда я писала те письма, я была юной и самонадеянной эгоисткой. Я всех водила за нос. Не ведая о том, я сделала вас своим сообщником. Я поступила плохо, и я знаю об этом. Мне очень жаль. – Голос ее сорвался. – Нет, я не могу сказать, что сожалею о содеянном. Потому что я не сожалею.

– Разумеется, вы ни о чем не сожалеете. Вы получили замок и возможность жить так, как вам нравится.

Мэдди обогнала его и заступила ему путь.

– Я нашла вас.

– Вы меня убили. Вы объявили меня мертвым и бросили.

Вот в чем дело! Вот где неиссякаемый источник его гнева, его боли.

– И этот раз не был первым, так?

Он не ответил. Он не мог.

– Не оставляй меня, – прошептала она на гаэльском наречии. – Вы знаете, что вы все время повторяете эти слова во сне?

– Я не...

– Вы вновь и вновь повторяете эти слова и дрожите. – Мэдди хлопнула

себя ладонью по лбу. – Как мне раньше это в голову не пришло! Ваша мать завернула вас в плед, приколола к нему брошь, чтобы та охраняла вас от сил тьмы... и ушла. Ушла насовсем.

– Да. Да, вы все правильно поняли. Именно так она и поступила. И оставила она меня на склоне холма, который мало чем отличается от того, на котором мы сейчас стоим.

– Что означает, что вы не были младенцем. Вы были достаточно взрослым, чтобы запомнить, как это было. – Мэдди обхватила себя руками. – Когда я сказала, что та женщина, что вас бросила, поступила разумно, я не знала, о какой женщине речь. Мне жаль, что с вами это случилось.

– Вам жаль? Не сожалейте о том, что случилось без вашего участия, сожалейте о том, что сделали вы.

– И что я сделала?

Логан отдышался. Он был зол. Отчасти на нее, но только отчасти. Он был зол на Мэдлин Грейсчерч очень и очень долго. И, раз уж она спросила, он даст ей возможность получить ответ. Здесь, в темноте.

– Вы хотите услышать нечто очень забавное?

– Надеюсь, это не анекдот, который заканчивается словами: «верещи громче, детка. Верещи громче».

– Нет, этот анекдот куда забавнее. Когда ваше первое письмо добралось до меня, я не был капитаном. Я был рядовым. Настолько бедным, что обувь себе купить не мог. И тут приходит письмо на имя капитана Маккензи. Вот так штука! Мои товарищи дразнили меня, мол, я сумел уговорить девчонку переспать со мной, только придумав, будто я капитан. – Логан провел рукой по волосам. – Так ко мне прилипла кличка Капитан. А сержант назначил мне порку за самозванство.

– И вы в этом винили меня.

– Конечно, я вас винил. Я читал ваши письма и понимал, что их писала избалованная английская фифочка, которой, видите ли, не хотелось замуж. Письма продолжали приходить. И насмешки множились. И через какое-то время я уже начал подумывать о том, не стать ли мне по правде капитаном? Вот тогда я бы всех своих обидчиков заставил замолчать.

– Очень на вас похоже. Вы такой решительный, такой целеустремленный.

Логан криво усмехнулся, не зная, то ли она смеется над ним, то ли говорит всерьез.

– В британской армии у рядового умереть в тысячу раз больше шансов, чем получить лычки сержанта. Я уже не говорю о том, чтобы дорасти до

капитана.

– Но вы это сделали.

– Да, я это сделал. Мне потребовалось на это четыре года, но я это сделал. И письма уже приходили настоящему капитану Маккензи. Насмешки сменились уважением. И письма... Они тоже стали меняться. Они стали добрее, вдумчивее. Чертовски странные письма, но умные. Вы рассказывали мне о малышах Генри и Эмме. И я знал, что есть дети, которые молятся обо мне каждый вечер, словно я – член их семьи. Вам не понять, Мэдди. Я провел детство со скотом в хлеву или на пастбище. Я спал на земле, прикрываясь ветхим пледом. У меня никогда не было любящей семьи. И, как бы глупо я при этом себя ни чувствовал, я тоже начал за них молиться.

– Логан...

– И еще в этих письмах были вы – прекрасная незнакомка, которая не узнала бы меня на улице, но рассказывала мне все свои секреты. И эта незнакомка видела во мне то, что я бы сам никогда не разглядел, и она, сама того не подозревая, заставляла меня расти, тянуться к свету. И эта незнакомка видела сны обо мне, мечтала меня обнять. – Голос его сорвался. – Я чувствовал себя так, словно я потянул за нитку тартана Господа Бога, и кто-то из совсем другого мира потянул за ту же нитку с другой стороны. То, что для вас было простым дурачеством, для меня значило куда больше. Ваши письма подарили мне мечту, которая, если бы не вы, никогда бы у меня не появилась. Они, эти письма, вдохнули в меня новую жизнь. А потом вы взяли и приговорили меня к смерти. И бросили меня.

Мэдди прижала ладонь к губам.

– Логан, мне так жаль. Вы были мне дороги, правда. Мне понятны ваши чувства. Со мной происходило что-то похожее. Иначе я бы не продолжала писать так долго. Я верила в реальность того, что происходит, даже если боялась себе в этом признаться.

– Не говорите так. – Он схватил ее за предплечья и тряхнул. – Не говорите, что знали, что я есть, настоящий, живой, и что вы, зная об этом, заживо меня похоронили и больше ни разу не вспомнили. Тогда вы еще хуже, чем я о вас думал.

– Тогда скажите мне, как все исправить.

– Никак, – покачав головой, сказал Логан. – Нет таких слов.

Мэдлин прикоснулась ладонью к его щеке.

– А если я скажу, что люблю вас?

Слова потрясли его до глубины души, но он скорее провалился бы

сквозь землю, чем допустил, чтобы она увидела его потрясение.

– Нет. Не хочу это слушать.

– А я хочу сказать. Теперь, когда у меня перед вами нет никаких обязательств, когда надо мной не висят дамокловым мечом ваши угрозы, когда не осталось никаких иллюзий, я могу сказать то, что хочу. Логан, я люблю вас. И это началось еще до того, как я вас узнала.

– Глупости. Бессмыслица.

– Я понимаю, что так не бывает с точки зрения здравого смысла. – Мэдди улыбнулась. – Но это правда.

– Нет. – Он взял в ладони ее лицо и плотно стиснул. – Это неправда, и вы это знаете. С меня довольно лжи.

– Я люблю вас, Логан. И это не ложь.

Логан стиснул зубы.

– Эти слова – всегда ложь.

Возможно, исключения бывают, но в его случае исключений не было. Каждый, кто заявлял о своей любви к нему, рано или поздно оставлял его одного. Отказывался от него. Списывал со счетов. Словно он умер.

И Мэдди ничем не лучше других. Придумала ему смерть на поле боя, а когда он все же силой ворвался в ее жизнь, нашла иной способ ускользнуть от него.

Как раз сейчас слуги продолжают укладывать ее сундуки. К утру все будет готово к отъезду. И она еще смеет гоняться за ним и говорить такие слова?!

Логан опустил голову и прижался лбом к ее лбу.

– Перестаньте.

– Вы думаете, я не пыталась? Если уж на то пошло, я с самого начала старалась делать все, чтобы до этого не дошло. Но ни одна из моих стратегий не сработала. – Мэдлин легко коснулась его скулы. – Я ничего не могу с собой поделать. И отрицать того, что люблю вас, я тоже больше не могу. Выйдет что-нибудь из этого или нет, но я хочу, чтобы вы об этом знали.

Нет, он не даст этим ее словам проникнуть ему в сердце. Он не станет в них верить.

Но он воспользуется ими с выгодой для себя. Как сможет, так и воспользуется.

Она нежно поцеловала его в губы, потом в щеку, потом в висок.

– Ты помнишь нашу первую ночь любви? – прошептала она, обнимая его за талию. – То была ночь Белтейна. Все собрались вокруг костра, а мы ушли тихо, незаметно.

– Да. – Это «да» было больше похоже на стон. Логан чувствовал, что тает. – Я помню.

– Напомни мне, что было потом. Мы расстелили твой плед на вереске и любили друг друга под звездами?

Он покачал головой, целуя ее в шею.

– У нас была такая мысль. Но я захотел, чтобы в первый раз это было у тебя на нормальной кровати.

– Ах да. Теперь и я вспоминаю.

Она выжидательно смотрела на него снизу вверх.

Шутки кончились.

Логан взял ее лицо в ладони и чуть встряхнул, чтобы убедиться в том, что она внимает его словам.

– Если ты этого не хочешь, скажи мне сейчас. Я знаю, что ты любопытная, и если ты хочешь удовлетворить свое любопытство, то беды в том нет. Но если мы сделаем это сегодня, то не ради того, чтобы ты утолила жажду знаний.

Она приоткрыла губы, но ничего не сказала.

– Я сделаю тебя своей, сердце мое. Я познаю тебя всю: на вкус и на ощупь, снаружи и изнутри. И, когда я сделаю тебя своей, я тебя уже не отпущу. Никогда не отпущу.

И в ответ она выдохнула одно слово:

– Хорошо.

Ладно. Он пытался ее предупредить. Он предоставил ей все возможности дать ему отвод. Она сама напросилась. Он сделает то, что грозил сделать с самой первой ночи. Он подхватил ее и перекинул через плечо, словно мешок с овсом. И понес свою новобрачную домой.

В кровать.

Кому-то может показаться странным, что женщина, которую несут на плече, словно мешок с овсом, чувствует себя победительницей, но Мэдди в душе праздновала триумф.

Наконец она заполучила мужчину своей мечты. На ее собственных условиях. И, если только ее горец не окажется бессовестным лгуном, эта ночь обещает быть очень, очень насыщенной.

В замке было темно, хоть глаз выколи. Даже каминные свечи были потушены. Подниматься в темноте по лестнице со своей драгоценной ношей Логан не решился и потому опустил ее на землю в главном зале. На столе предусмотрительно были оставлены свечи и фитиль. Логан зажег свечу, и этот маленький желтый огонек, пусть и не зажженный от праздничного костра, для него, Логана Маккензи, символизировал начало новой жизни.

Новая жизнь с чистого листа.

Мэдди поставила свечу в подсвечник, и они вдвоем поднялись в ее спальню.

В их спальню.

С каждой пройденной ступенькой сердце ее стучало все громче.

Когда они вошли в комнату, Мэдди закрыла дверь и повернула ключ в замке. И оказалась прижатой к двери всем его крепким телом. И почувствовала горячую влагу его поцелуя на шее в районе затылка.

Мэдди беззвучно вскрикнула. Колени подкашивались. Ей пришлось опереться рукой о дверь. Он покрывал влажными поцелуями ее шею, колкая щетина слегка царапала лицо, добавляя остроты его поцелуям. Мэдди кусала губы, чтобы не закричать, но, когда он накрыл рукой ее грудь, она не смогла сдержаться и, отбросив ложный стыд, застонала от наслаждения. И услышала ответный стон. Одной рукой обняв ее за талию, он прижал Мэдди к себе, давая прочувствовать даже сквозь многочисленные слои одежды, включая его шерстяной килт, мощь его эрекции.

Сейчас он уже целовал мочку ее уха, обводя края шершавым влажным языком, чуть прикусывая. Свободной рукой он дразнил ее сосок.

– Логан, пожалуйста...

Она пыталась повернуться к нему лицом, но он крепко перехватил ее талию, не давая это сделать.

– Еще рано.

– Но... когда?

– Скоро, сердце мое. Скоро.

Судя по тому, как неловко он расстегивал пуговицы на ее платье, Логан далеко не так хорошо владел ситуацией, как хотел ей внушить.

Ему хотелось развязки так же сильно, как и ей. Возможно, даже сильнее.

Расстегнув достаточно пуговиц и крючков, чтобы раздеть Мэдди до пояса, Логан резким движением развернул ее к себе, вновь придавив к двери всем телом, и овладел ее ртом, одновременно сражаясь с платьем, рубашкой и корсетом. Мэдди, как могла, помогала ему в этом.

Мэдди запрокинула руки ему за шею. Он мямл ее освобожденную грудь. Мэдди пропускала пальцы сквозь его густые, шелковистые волосы и стонала от наслаждения. Поцелуй его чуть отдавал виски. И еще в нем угадывался иной сладковатый привкус – его, Логана, вкус. Эту сладость Логан прятал от мира, но она-то знала, как ее из него вытянуть.

И лакомиться ею.

Мэдди тоже решила его раздеть. Вытащила заправленные под ремень полы рубашки и попыталась стащить ее через голову. Логан помог ей в этом, ненадолго прервав поцелуй.

Рубашка полетела в угол, и когда они вновь слились в поцелуе, впервые его голая грудь соприкоснулась с ее обнаженной грудью.

Кожа к коже. Тепло к теплу. Его твердость к ее мягкости. Жесткие волоски на его груди дразнили ее соски. Сердце его колотилось совсем рядом с ее сердцем.

– Подними юбки, – пробормотал он, скользя языком по ее шее.

Господи, неужели!

Если бы ей дали выбор, какие два слова услышать из его уст, она бы предпочла, конечно, «люблю тебя». Но и слова «подними юбки» тоже обладали определенной привлекательностью.

Мэдди повиновалась.

Он приподнял ее, оторвав ступни от пола. Мэдди обхватила его ногами за талию и засмеялась. Тогда он схватил губами ее сосок, и смех ее превратился в стон.

Шершавая дверь слегка царапала ей спину, но Мэдди было все равно. Закрыв глаза и склонив голову набок, она каталась на волнах наслаждения.

Наконец, Логан взял ее на руки и понес на кровать.

– Осторожно, – задыхаясь, прошептала она. – В такой темени можно и...

Раздался глухой стук. Так и есть: он ударился головой о раму балдахина.

Логан выругался, и они вдвоем повалились на кровать. Мэдди забралась на него сверху, чтобы оценить серьезность полученной травмы. Убрала волосы со лба, ощупала висок.

– С тобой все хорошо? Может, надо голову перевязать?

Он ответил не сразу, и Мэдди не на шутку встревожилась.

– Логан?

– Со мной все хорошо, сердце мое. Я бы стукнулся головой гораздо раньше, если бы знал, что ты меня будешь так трогать. – Он взял ее за руку и поднес к губам, целуя ей пальцы. Затем ладонь. Затем запястье.

И с этого момента дела у них пошли с меньшей поспешностью и суетой, но куда нежнее и бережнее. Логан заботливо раздел ее, и Мэдди чуть было не прослезилась от такого к себе отношения.

Она чувствовала себя так, словно он ею бесконечно дорожит.

Словно он ее любит.

Мэдди очень хотелось дотронуться до него, давно хотелось, но он не

давал ей такой возможности. Он всегда был хозяином положения, он решал, когда и в каких местах прикоснуться к ней. Или когда и в каких местах она должна к себе прикоснуться. На этот раз Мэдди вознамерилась стать равноправной участницей действия. Даже если она была робкой и не уверенной в себе, она не даст увести себя от цели.

Тем более теперь, когда она знает, чего хочет.

И Мэдди принялась расстегивать ремень на килте.

Логан помог ей с передней застежкой. Она отодвинула ткань, чтобы найти того, кто прятался под клетчатой тканью.

И долго ей искать не пришлось.

Мэдди делала с ним то, что он однажды делал с собой у нее на глазах. Логан беспомощно стонал от наслаждения. Кожа у него оказалась нежнее, чем ей представлялось. Похожая на тонкой выделки бархат.

Мэдди только-только вошла во вкус, как Логан убрал ее руку.

– На сегодня хватит, сердце мое. Или все закончится, еще не начавшись.

– Но...

– Потом. – Логан перехватил ее руки и, запрокинув их ей за голову, прижал к кровати. – Я не могу рисковать. Я слишком долго этого ждал. – Покрывая поцелуями ее шею, он добавил: – Дни. Недели. Годы.

Прижимая ее руки к матрасу, он покрывал поцелуями ее тело, двигаясь сверху вниз. Поцеловав пупок, Логан сделал паузу.

– Я хочу попробовать тебя на вкус, сердце мое. Попытайся на этот раз не бить меня по голове.

Несмотря на предупреждение, бедра ее все равно взметнулись ввысь, когда он коснулся ее там языком.

Ей было хорошо.

Очень-очень хорошо. Через несколько мгновений Мэдди уже извивалась под ним.

Логан обследовал языком каждую складочку, каждый бугорок до того, как войти в нее языком.

– Логан, пожалуйста, я сейчас...

Но он и не думал останавливаться. Он сделал вид, что ее не слышит. Напротив, он удвоил усилия и привел ее к незабываемо яркой и внезапной развязке.

– Это нечестно, – все еще тяжело дыша, сказала Мэдди. – Ты мне даже не дал себя по-настоящему потрогать.

Логан отпустил ее руки и присел на пятки.

– Так лучше. Тебе будет не так больно, если все произойдет, когда тебе

уже было хорошо. – Он погладил по щеке. – Я не хочу причинять тебе боль.

Логан устроился между ее бедрами, и Мэдди гладила его ладонями по бицепсам, любуясь его мускулистой силой.

– Готова? – спросил он, приподнимаясь на локтях.

– Да.

Когда Логан вошел в нее, было больно. По-настоящему больно. Мэдди пришлось прикусить губу, чтобы не закричать. Он терпеливо проталкивал себя все глубже с каждым заходом, и Мэдди чувствовала, как ее тело понемногу привыкает к нему. Войдя, наконец, на всю дину, Логан надолго замер в ней. Он лежал неподвижно, обнимая ее точно так же, как она обнимала его. Тело ее начало расслабляться.

– С тобой все хорошо? – спросил Логан.

Мэдди кивнула.

Он чуть-чуть вышел, затем вновь вошел, оказавшись еще глубже, чем раньше. Они оба застонали.

– У тебя так туго там, – озабоченно пробормотал Логан.

– Я думаю, это оттого, что ты такой большой, – сказала Мэдди. – Но ты можешь не беспокоиться. Со мной все в порядке.

Вначале Логан двигался медленно. Но это только вначале.

Вскоре ритм его движений изменился, прибавил как в темпе, так и в амплитуде.

От размаха его толчков у Мэдди перехватило дыхание, но она скорее умерла бы, чем попросила его остановиться. Ей нравилось ощущать, как сильно он ее хочет, как отчаянно его тело нуждается в ее теле.

Логан начал бормотать слова, которых она не понимала. По интонации Мэдди угадывала, что он дает ей нежные обещания. А может, она льстила себе подобными предположениями. Как бы там ни было, эти слова переполнялись эмоциями. И не раз и не два среди незнакомых слов попадались знакомые:

«Мэдди.

Сердце мое.

Не оставляй меня».

Она обхватила его ногами и вцепилась пальцами в его плечи. Она обнимала его так крепко, как только могла. Затем он достиг предела, за которым уже не было слов. Приподнявшись на локте, он подсунул другую руку ей под поясницу, прижимая к телу. Когда он толкнул себя в нее, то оказался на такой глубине, что ей почудилось, будто он заполнил собой ее всю.

Еще несколько толчков, и он задрожал и застонал. А потом без сил

опустился на нее и спрятал лицо у нее на шее. Мэдди обнимала его за плечи.

Они лежали в обнимку и молчали.

Никогда еще ее сердце не было таким наполненным.

И совсем скоро до ее слуха стали доноситься шумы с нижних этажей башни. Слуги и солдаты возвращались с праздника.

– Может, я должна спуститься вниз и встретить их, – сказала Мэдди и начала подниматься.

– Нет, нет. Куда вы спешите, миссис Торопыжка? – Логан потянул ее обратно на кровать, и она не стала сопротивляться, а лишь, рассмеявшись, спросила:

– Как ты меня назвал?

Логан перекатился на бок и посмотрел ей в глаза.

– Я назвал тебя своей женой.

– Так мы на этот раз действительно стали мужем и женой?

– Конечно, мы женаты.

Мэдди приподняла бровь.

– Ты в этом абсолютно уверен?

– Мы только что узаконили наш брак, Мэдди. Я предупреждал тебя, как только это произойдет, – впиваясь в нее взглядом, сказал он, – ты уже не сможешь от меня уйти. Даже не проси.

– Логан, я не собираюсь тебя об этом просить. Я хочу быть твоей женой. Я хочу этого больше всего на свете. Я просто дразнила тебя, когда спросила, уверен ли ты в этом. – Мэдди смахнула прядь с его лба. – Прости меня.

Он был все так же мрачен.

Мэдди погладила его по груди, подвинулась к нему поближе.

– Поверь мне, нет такого места, где бы мне было лучше, чем тут, рядом с тобой.

Тем, кто хлопочет там, внизу, придется самим о себе позаботиться.

Мэдди поцеловала его под скулой, затем провела языком по шее вниз, заклиная, чтобы он расслабился.

Зря она так его дразнила. Непростительно – ведь она знала о том, каким было его детство. Пройдут месяцы, а то и годы, пока не прекратятся его кошмары, пока он не перестанет бояться, что она бросит его при первой возможности. Завтра она начнет искать способы помочь ему поверить в то, что его никто больше не бросит.

А сегодня с него хватит и поцелуев.

Глава 24

Утром Логан проснулся в одиночестве. В первый момент его охватила паника, но, к счастью, он вскоре обнаружил записку на подушке.

«Мой драгоценный любитель поспать,
прости меня. Я не хотела нарушать твой вполне
заслуженный отдых. Когда ты проснешься, завтрак будет ждать
тебя внизу.

Твоя любящая жена»

Логан вошел в главный зал в просторных штанах, рубашке и с довольной ухмылкой на физиономии. Его бойцы сидели за длинным столом. Логан прочистил горло:

– Доброе утро.

Все пять голов повернулись к нему. Какое-то время на него смотрели молча, после чего все дружно встали и устроили ему овацию с криками «ура».

– Наконец-то!

– Ай да молодец!

Логан не нашел в себе духу прекратить это безобразие. Он знал, как для его людей важно то, что теперь Ленер действительно стал их домом. Повод для радости был самый серьезный. Логан обвел взглядом главный зал и теперь уже как хозяин подметил то, что штукатурка кое-где отваливается и дубовые панели кое-где надо освежить. Его товарищи уже достраивали свои новые дома, и вскоре можно будет их привлечь к работе по ремонту замка. В частности, надо бы что-то сделать с этими крутыми ступенями до того, как у них с Мэдди пойдут дети.

Сама мысль о том, что он вскоре может стать отцом, вызывала головокружение. И в хорошем смысле, и в плохом.

– Долго ты к этому шел, но, надеюсь, оно того стоило, – сказал Рабби, хлопнув Логана по плечу. – Хорошая работа, капитан. Лучше поздно, чем никогда, как говорится. Кстати, вчера Каллум на одну девицу глаз положил, так что еще одна свадьба не за горами. Если он, конечно, найдет к девчонке подход.

Каллум покраснел.

– Я девчонок не обхаживаю.

– Я видел, как ты на нее смотришь. Вот уже неделю.

Сдобренная хорошей шуткой, и самая простая трапеза сойдет за пир – все это так, но совсем без еды и шутки в голову не полезут. А у Логана от голода свело живот.

– Вы не видели мою жену? – спросил он.

– Миссис Маккензи на кухне, – сказал Монро и подмигнул.

На кухне? Что она там забыла?

Заинтригованный, Логан спустился в замковую кухню с высоченными потолками и громадным очагом. Еще до того как он туда вошел, в нос Логану ударил знакомый резкий металлический запах. Он замер на пороге, похолодев от страха.

Мэдди стояла посреди кухни с выражением убийственной решимости на лице. Фартук ее был весь заляпан кровью.

– Господи... Мэдди, ты...

– Я в порядке! – поспешила успокоить его Мэдди. – Кровь не моя.

– Что тут происходит, черт возьми? Кого-то убили?

– Нет. – Мэдди смахнула волосы со лба тыльной стороной ладони. – Я делаю хаггис. Грант мне помогает. – Мэдди глазами указала в угол, где сидел великан и, что-то бормоча себе под нос, рубил лук.

Логан, выдержав паузу, расхохотался. Мэдди готовит хаггис? Невероятно! Уморительно.

– Я знаю. Ничего более нелепого я не делала за всю жизнь. А если знать меня, то это признание дорогого стоит. Но я дала кухарке и Бекки выходной. Вчера у них был очень тяжелый день. Я нашла книгу рецептов и подумала, что смогла бы заменить кухарку. Я бы взяла в помощь тетю, но она сегодня утром уехала.

– Тетя Тея уехала?

Мэдди кивнула.

– Карета уже была заказана и вещи упакованы, и потому я попросила тетю поехать в Лондон и сообщить моему отцу о том, что я вышла замуж, и пригласить их всех погостить у нас летом. Так много воды утекло с тех пор, как мы все жили вместе, и сейчас нас больше не разделяют никакие недомолвки. Мне не терпится познакомить тебя с Генри и Эммой.

Логан поймал себя на том, что и ему этого хочется.

Мэдди ткнула окровавленным пальцем в поварскую книгу, оставив красный отпечаток на странице.

– Ты хоть знаешь, что кладут в хаггис?

Логан кивнул.

– Баранье сердце, легкие, печенку, все это набивается в бараний желудок, плюс овес, плюс подлива.

Мэдди смотрела на него невидящим взглядом.

– Ты знаешь и все же это ешь.

– От хаггиса я никогда не отказываюсь, – сказал Логан и заглянул в горшок с комковатым варевом. – Выглядит неплохо.

– Честно?

– А картошка у тебя есть?

Мэдди полезла за картошкой, но картофелина выскользнула из ее руки и едва не угодила Логану в голову. Спасли его быстрые рефлексy.

– Ой, прости!

– Думаю, тебе лучше уйти с кухни до того, как кто-нибудь серьезно пострадает. – Логан развязал тесемки ее фартука и стащил его через голову. Затем он намочил полотенце в воде и вытер кровь с ее рук: методично, палец за пальцем. – Представить не могу, что подвигло тебя взяться за приготовление хаггиса прямо с утра.

– Ты не можешь представить? – обиженно переспросила она. – Мне не терпится примерить на себя роль миссис Маккензи. – Мэдди вздохнула и добавила: – Только боюсь, хорошая жена для шотландца из меня не получится.

Логан обнял ее и уже собирался сказать, что она для него – самая лучшая жена на свете и ему совершенно все равно, умеет она готовить хаггис или нет, как раздался оглушительный взрыв.

Мэдди испуганно вскрикнула и прижалась к Логану.

– Успокойся, сердце мое. Ничего страшного. Просто хаггис взорвался.

– Я приготовила взрывоопасный хаггис? Какой ужас.

Логан заглянул в горшок и печально покачал головой. Блюдо было загублено.

– Перед тем как ставить его вариться, надо проткнуть желудок в нескольких местах вил...

Раздался нечеловеческий рев.

Логан уронил крышку.

Господи.

Грант уже не сидел на табурете в углу. Он стоял. Одной рукой он прижимал к себе Мэдди, а в другой держал нож – у ее горла.

– Где мы? – спросил Грант. – Что происходит? Что это за место? Где мои малыши?

Логан встретился взглядом с Мэдди.

– Все в порядке, – тихо сказала она. – Я не боюсь. Он не хочет

причинить мне вред. Он просто растерялся.

Увы, Логан не разделял ее оптимизм. Стойкий запах крови и звук взрыва могли перенести Гранта в те страшные места, где, чтобы выжить, надо убивать. Убивать нещадно. И где вокруг одни враги.

– Спокойнее, Грант, – сказал Логан. – Ты дома, в Шотландии. Война закончена.

– Нет, – покачав головой, сказал Грант. – Нет-нет. Хватит кормить меня сказками, капитан. Каждый день одно и то же. Мы отправимся в Росшир завтра – вот что ты мне говоришь день за днем. Всегда завтра, никогда сегодня.

Логан выругался сквозь зубы. То, что память Гранта заработала, конечно, хорошо, но вот время и место совсем не подходящее.

– Полегче, сердце мое. Давайте успокоимся, сядем за стол, выпьем по стаканчику...

– Я хочу знать сейчас же! – заорал Грант, приставив нож к бледному горлу Мэдди. – И ты скажешь мне правду, Маккензи.

– Во-первых, отпусти девушку. Она ничего не знает.

Логан пошел навстречу Гранту, широко расставив поднятые вверх руки.

– Я скажу тебе правду, но ты должен ее отпустить.

Грант покачал головой, еще крепче схватив Мэдди.

– Где они? Я хочу видеть своих детей. Свою семью. Я хочу знать правду.

– Скажи ему, – прошептала Мэдди. – Пожалуйста.

Логан посмотрел другу в глаза.

– Они мертвы. Они все мертвы.

– Это ложь.

– Нет. Мы были там вместе в конце февраля. Дети умерли от тифа больше года назад. В деревне никого не осталось. Все дома сожгли, а последних жителей выселили в Канаду. Корабль, который их вез, попал в шторм и затонул. Не выжил никто.

– Нет. – Грант прижал нож к горлу Мэдди. – Ты мне лжешь. Я бы помнил об этом, если бы побывал в Росшире.

– Ты видел их могилы, сердце мое. Возле старой церкви, под рябиной. Я стоял рядом с тобой, пока ты плакал и молился за них.

Лицо Гранта исказила мука. Гигант всхлипнул и отпустил Мэдди.

Логан одним взглядом приказал ей:

– Беги.

Мэдди бросилась к противоположной стене.

Логан встал между Мэдди и Грантом.

– Ты на меня зол, не на нее. Хочешь на меня с ножом полезть?

Логан никак не ожидал, что Грант со звериным рыком бросится на него с ножом, но, к счастью, он успел отреагировать и пригнулся как раз вовремя.

– Логан! – закричала Мэдди.

Грант повторил выпад.

Логан, пятясь, перелез через стол. Теперь между ним и Грантом была преграда. Грант и Логан теперь медленно кружили вокруг стола: Грант наступал, Логан отступал.

Логан, не повышая голоса, сказал:

– Мэдлин, уйди с кухни.

– Нет.

– Я сказал, уходи, Мэдди.

– Я не оставлю тебя с ним одного. – Логан боковым зрением увидел, как Мэдди потянулась за деревянной лопатой, которой укладывали хлеба в печь. Затем он увидел, как она занесла лопату над головой, словно битую при игре в крикет.

Потом Логан вновь переключился на Гранта. Контуженый солдат опустил нож. Руки его тряслись.

– Что случилось со мной, капитан? Я потерял счет дням. Они утекают, как вода сквозь пальцы. Последнее, что я помню, это поле боя.

– Это случилось во время боя при Катр-Бра. Пушечное ядро разорвалось совсем рядом с тобой.

– У меня звон в голове. Постоянно. Голова болит... – Грант наотмашь хлопнул себя по виску. – Я просил тебя оставить меня в покое. Лучше бы ты оставил меня там умирать.

– Я...

– Ты должен был дать мне умереть. Тогда сейчас я был бы с ними. А сейчас я в аду. В аду, из которого мне не выбраться. И каждый раз я переживаю их смерть заново. Это ты виноват.

– Я не мог оставить тебя, сердце мое. Мы братья. Мы одна семья. Мы друг друга не бросаем.

– Я говорил тебе, – громовым голосом заревел Грант, – чтобы ты меня оставил. Почему ты меня не оставил?

Свободной рукой Грант поддел край стола и, перевернув его, рванулся вперед. Логан оступился и отлетел к стене, больно ударившись о камень. Жгучая боль пронзила его, но Логан не сдался. Схватив Гранта за плечи, он отшвырнул его от себя.

Великан споткнулся о ножку стола и свалился на пол. Теперь позиционное преимущество было на стороне Логана. Он оседлал Гранта, прижав его руки к полу.

– Дыши, сердце мое. Просто дыши глубже.

Вот так Логан удерживал своего друга в неподвижности, пока взгляд Гранта привычно не помутился.

И тогда, как и тысячу раз со времени того злосчастного взрыва, Грант очнулся и спросил:

– Что это, капитан? Где мы?

Логан испытал такое облегчение, какого давно не испытывал.

– Война закончена, Грант. Мы дома, в Шотландии. Нам ничего не грозит.

– А, ну здорово.

– Ну да, здорово, – согласился Логан и, тяжело дыша, повалился на бок. Попытавшись встать, он скривился от боли. Наверное, сломал пару ребер, когда Грант швырнул его о стену, подумал Логан и стал искать глазами Мэдди. Она все так же стояла с занесенной над головой лопатой, готовая оглушить своего любимца ради него, Логана.

Славная девочка.

– Расслабься, – сказал ей Логан. – Уже все хорошо.

Она опустила лопату, но лицо ее осталось тревожным и неестественно бледным.

– Логан, не вставай.

– Да не волнуйся за меня. Подумаешь, сломал пару ребер. Заживет как на собаке. – Логан сделал над собой усилие и встал.

– Логан, пожалуйста, немедленно сядь, – сказала Мэдди как-то слишком серьезно и строго.

Даже Грант не сводил с него взгляда.

– Что с вами? У меня что, вторая голова отросла?

Впрочем, смотрели они не на голову, а ниже. Логан посмотрел туда, куда был прикован взгляд Мэдди.

А, так вот что их так взволновало. Из бедра его торчала рукоять кухонного ножа. Только рукоять. Странно, что он чувствовал боль в груди и почти не чувствовал боли там, откуда торчал нож.

Логан смотрел на свою ногу с торчащей из нее рукоятью ножа так, словно эта нога и не была частью его самого. И, когда он заговорил, собственный голос доносился до него словно издалека.

– Думаю, Монро будет интересно на это взглянуть.

Логан моргнул. Раз. Другой.

А затем провалился в темноту.

Глава 25

– Логан! – Мэдди не была готова к тому, что ей придется на лету подхватить мускулистого шотландца шести футов ростом, но она кое-как справилась с задачей, не дав ему упасть. Мэдди бережно опустила его на пол, ни на мгновение не упуская из виду нож. Не хватало только задеть его и нанести Логану еще более серьезную травму. Когда он уже лежал на полу и голова его покоилась у нее на коленях, Мэдди отвернула подол килта, чтобы оценить серьезность травмы. Наверное, ее меньше беспокоила его рана, если бы из нее сильнее шла кровь. Но рана была слишком глубокой. Все пять дюймов лезвия ножа ушли в бедро.

По самую рукоять.

И, если бы не Логан, этот самый нож мог быть у нее в горле.

– Логан, Логан, ты меня слышишь?

Он с трудом разлепил веки.

– Это ты, сердце мое?

– Да, Логан, да, это я. – Мэдди убрала волосы с его лба. – Не шевелись, любовь моя. Мы тебя мигом заштопаем.

Глаза его закатились, и рука, сжимавшая запястье Мэдди, обмякла.

«Господи, только не это!»

Мэдди нащупала его пульс. Пока сердце его билось, она могла уговорить себя, что все будет в порядке.

– Что случилось? – Грант подошел и присел рядом, не догадываясь о том, от чьих рук пострадал его капитан. – Маккензи ранен?

– Он поправится, – уверенно сказала Мэдди, которой было важнее убедить себя, чем его. – Не волнуйтесь, Грант. С ним все будет хорошо.

– Он пережил много чего похуже, негодник. – Грант улыбнулся и перевел взгляд на Мэдди. – А вы кто тогда?

– Я Мэдлин. Та самая девушка, которая присылала ему письма, помните? Сейчас я его жена. – Горячая слеза скатилась с ее щеки. – Я – миссис Маккензи.

Если бы только Логан мог слышать эти ее слова! Грант перевел взгляд с нее на Маккензи и обратно. Прицелкнув языком, он хлопнул Логана по плечу.

– Маккензи, да ты счастливчик.

Между тем кухня заполнилась людьми. Привлеченные шумом, сюда прибежали остальные четверо друзей Логана.

– Помогите ему, пожалуйста, – попросила Мэдди, ища глазами полевого хирурга. – Он ранен.

Монро опустился на колени рядом с Мэдди.

– Я не могу сказать, насколько все плохо, пока не удалю нож. И я не могу вытащить нож, пока не буду уверен в том, что он останется лежать неподвижно. У него несколько ребер сломано, и сломанное ребро могло проткнуть легкое. – Монро пристально посмотрел на Мэдди. – В доме есть опийная настойка?

Мэдди кивнула.

– Я уверена, что настойка найдется. Моя тетя помешана на эликсирах, настойках и всяких чудесных снадобьях. Готова поспорить, что главный компонент всех этих «волшебных лекарств» – опийная настойка.

– Тогда принесите сюда все, что найдете у тети.

Мэдди кивнула и хотела было встать, но Логан крепче стиснул ее руку.

– Нет, не уходи. – Мэдди узнала эту фразу на гаэльском.

– Я не могу оставить его одного, – с болью в сердце сказала Мэдди.

– Я принесу лекарства, – предложил свои услуги Рабби.

– Поищите в гардеробной моей тети, – напутствовала его Мэдди. – Два лестничных пролета вверх, четвертая дверь по западному коридору.

– Не оставляй меня, – вновь хрипло пробормотал Логан. – Не бросай меня, Мэдди.

– Я никуда не уйду, – сказала Мэдди, глядя его по руке. – Я здесь, с тобой.

Он из последних сил стиснул ее руку.

– Поклянись, что не уйдешь, сердце мое. Если ты оставишь меня, я умру.

Мэдди погладила его по щеке и заглянула в его глаза.

– Я не покину тебя, и ты не умрешь. Монро тебя подлечит. А я все время буду рядом с ним, пока он будет тебя лечить. Ни ты, ни я никуда отсюда не сдвинемся.

Рабби вернулся с полными руками пузырьков из темного стекла. Монро откупоривал их один за другим и нюхал содержимое. Наконец, он протянул Мэдди бутылку из темно-зеленого стекла.

– Вот это должно подойти.

Мэдди поднесла пузырек к губам Логана.

– Выпей, пожалуйста.

Логан сделал то, что она просила. Он проглотил горькую жидкость, даже не поморщившись. И тут же веки его стали наливаться тяжестью.

– Монро, – окликнул хирурга Логан. – Ты видишь женщину рядом со

мной?

– Да, – ответил Монро, – Я ее вижу.

– Ты видишь, какая она хорошенькая?

Мэдди покраснела.

– Да, – с улыбкой ответил хирург, – я вижу.

– Так вот, – с трудом приподняв голову, заявил Логан, – хоть мы и женаты уже не первую неделю, я спал с ней всего одну ночь. И будь я неладен, если эта ночь будет последней. Вылечи меня, Монро. Мне еще много чего надо успеть.

– Понятно, капитан.

Мэдди раскраснелась от смущения, но она не смогла удержаться от смеха. Мэдди поцеловала Логана в лоб.

– Мэдди... – Голос его сделался глухим, точно он обращался к ней со дна глубокого темного колодца. – Сердце мое, я...

– Тс-с-с, – с трудом сдерживая слезы, ответила ему Мэдди. – Я все время буду с тобой, Логан. Всегда. Только пообещай, что и ты останешься со мной.

Логан достаточно легко перенес операцию, по крайней мере, он не помнил потом, чтобы ему было особенно больно. Все самое тяжелое началось потом. Несколько дней он балансировал между жизнью и смертью.

Лихорадить его начало вечером того дня, когда Монро вытащил нож из его бедра. Его бросало то в жар, то в холод. Он смутно помнил потом, как его заворачивали во влажную простыню, как поили с ложечки некрепким бульоном...

И еще он помнил сны.

Странные, на удивление яркие и жизнеподобные сны. Столько снов, словно сознание его спешило возместить многолетний ночной мрак. Ему снились люди и места, которые он давно забыл. Ему снились поля сражений и любовные баталии.

Но больше всего он видел снов о Мэдлин. Ее темные глаза, и ее чуткие пальцы, и ее сладковатый незабываемый привкус. Когда он впервые проснулся без жара, она сидела рядом. И она не дала ему встать с постели.

Вместо ванны приходилось довольствоваться протираниями, что было совсем не так приятно, как может показаться. Даже если тебя трет губкой такая красивая женщина, как Мэдлин. На третий день строгого постельного режима Логан взбунтовался.

– Надеюсь, ты знаешь, как меня все это достало.

– Я знаю, – спокойно сказала Мэдди, протирая ему подмышки мокрой

шершавой губкой с мыльной пеной, – и от этого получаю невероятное удовольствие.

– Я вполне могу и сам себя обслужить. Я здоров.

– О нет. Я приговариваю тебя к недельному заключению в кровати. Если ты будешь хорошо себя вести, то со следующего вторника я разрешу тебе самому есть овсянку.

Логан недовольно пробурчал что-то.

– Это твоя награда за геройство, – сказала Мэдди и, склонившись над ним, взбила его подушку. Этот ракурс Логана вполне устраивал. Он мог вволю любоваться ее декольте.

– Будь осторожна, детка. Ты играешь с огнем.

– Звучит как вызов. А если серьезно, Логан, то не все же тебе о других заботиться. Дай мне возможность позаботиться о тебе. Всего-то несколько дней потерпеть.

Логану не хотелось выглядеть неблагодарным в ее глазах. И он совсем не был против ее присутствия, ее доброты и нежного внимания. Ему просто не нравилось ощущать себя беспомощным. Ему противна была сама мысль о том, что если бы сейчас кто-нибудь ворвался в комнату, он был бы бессилён остановить обидчика.

Впрочем, он не мог не признаться самому себе, что в том, чтобы полностью отдаться на волю той, которой безраздельно доверяешь, есть некоторая прелесть.

– Тебе ни к чему сидеть со мной целыми днями. У тебя, наверное, есть работа. Кстати, как поживают Рекс и Флаффи?

Мэдди отставила в сторону губку и таз.

– Прекрасно. У них полное взаимопонимание. Флаффи полиняла. Они сошлись и вступили в фазу ухаживания.

– И? Не томи. В какой из позиций крабы предпочитают совокупляться?

В ответ Мэдди лишь улыбнулась и пожала плечами.

Логан приподнялся на подушке и занял сидячее положение.

– Ты пропустила этот момент. Ты все пропустила, да? Из-за того, что торчала тут со мной.

– Ничего страшного. В следующий раз не пропущу. Флаффи будет готова к воспроизводству вновь... года через полтора или около того.

Шутливый тон Мэдди его не обманул. Логан знал, как Мэдди ждала этого момента.

– Иди сюда, – сказал он, протянув к ней руки.

Но как раз в этот момент в комнату вошел Монро.

– Опасность миновала, – объявил врач, осмотрев рану. – Но никаких энергичных движений в течение месяца.

– Целый месяц?

– Именно так. И не жалуйтесь. Скажите Богу спасибо, что вы вообще остались в живых.

– Спасибо, – на гаэльском языке сказал Логан врачу. – Я перед вами в долгу. Никогда не забуду, что вы для меня сделали.

Монро сдержанно кивнул.

– И все же, не в обиду вам будет сказано, лучше вам все-таки выйти отсюда. Я хочу побыть наедине с моей женой.

Седой хирург улыбнулся.

– Так и быть, уйду.

Как только Логан и Мэдди остались вдвоем, Мэдди прилегла на кровать рядом с Логаном. Логан обнял ее, привлек к себе и уткнулся лицом ей в шею.

– Иди ко мне, – прошептал он.

– Ты слышал, что сказал врач. Тебе месяц ничего нельзя. Мы оба, Монро и я, днем и ночью боролись за твою жизнь почти неделю, и мы не дадим тебе свести на нет результат наших трудов.

– Тогда я умру от желания раньше, чем заживут мои раны.

Мэдди погладила его по волосам.

– Пожалуй, ты можешь меня обнять. Только не очень крепко.

Мэдди положила голову ему на грудь и стала рассеянно водить пальцем по его ключице. Туда и обратно.

Логан прижался носом к ее макушке и глубоко вдохнул.

Мэдди тихо засмеялась.

– Что ты смеешься?

– Логан, мне не хочется тебе об этом говорить, но, я думаю, тебе нравится обниматься.

Хитрая лиса. А ведь она права, ему действительно нравится просто лежать рядом с ней и обниматься.

И, кажется, он начал верить в то, что она его действительно любит. Или, может, ей удалось окончательно убедить себя в том, что она его любит.

Логан погладил ее по густым, заплетенным в косу волосам.

– Ты меня не бросила.

– Я ни на час от тебя не отходила.

Логан знал, что она была рядом и во время операции, и после, когда начались осложнения. Она не отходила от него, когда его лихорадило. Он

чувствовал легкий запах лаванды и знал, что она рядом. Она была с ним даже тогда, когда он спал. Спал и видел сны. Она снилась ему, и впервые ему не было во сне ни одиноко, ни холодно, ни страшно. И столько ярких цветов было в его снах, что позавидовал бы самый красочный цирк шапито.

Логан почувствовал, как вздрогнули ее плечи. Она что, снова над ним смеется?

Логан тяжело вздохнул и тут же об этом пожалел. Даже дышать было больно.

– И что я на этот раз сделал такого смешного?

Мэдди не ответила. Потому что, так же тихо, как она начала смеяться, она заплакала.

– Ты так меня напугал.

– Все хорошо, сердце мое. Я сейчас здесь, с тобой, и я не собираюсь тебя покидать.

Логан приподнял ее лицо и заглянул ей в глаза.

А затем он поцеловал ее. Как он мог ее не поцеловать?

Даже если бы он попытался что-то сказать сейчас, у него ничего бы не вышло. Для тех чувств, что переполняли его, не было слов. Сердце его колотилось так, словно хотело вырваться из груди, во второй раз сломав ему ребра.

Чувства переполняли его. Если не дать им выход, сердце его может взорваться. Проблему мог решить только поцелуй.

И Мэдди ответила на его поцелуй так, словно он и для нее значил больше, чем жизнь. И под простыней стал оживать доселе спавший орган, все настойчивее заявляя о своих потребностях.

– Я хочу тебя, – прошептал он, целуя ее в шею. – Ты нужна мне, Мэдди. Прямо здесь и сейчас.

Я люблю тебя, Господи, как я тебя люблю.

Весь его жизненный опыт побуждал Логана как можно скорее прогнать эту опасную мысль. Он благоразумно не стал ее озвучивать, но и не стал с остервенением гнать ее прочь. Ладонь его уже накрыла ее грудь, из глубины которой поднимался стон наслаждения.

– Логан... – Ее укоризненный тон никак не вязался с действиями: Мэдди подвинулась так, чтобы ему удобнее было ласкать ее грудь.

– Позволь мне взять тебя, сердце мое, – шепнул Логан ей на ухо. – Нас здесь никто не побеспокоит.

– Логан, – строго сказала Мэдди и отодвинулась с явной неохотой. – Ты сам слышал, что сказал Монро, и я не позволю нарушать его предписания. Ты мне слишком дорог. Поэтому...

Логан перевернулся на спину и уставился в потолок.

Мэдди гладила его по перевязанной груди, перебирая пальчиками.

– ...нам придется вести себя очень и очень осторожно.

Слава богу. Да!

– Я умею быть осторожным. Я могу быть очень-очень осторожным. – Логан потянулся к ней, но Мэдди приложила палец к губам.

– Тс-с-с, – сказала она и мягко, но настойчиво его оттолкнула, опрокинув навзничь на кровать. – Это мне предстоит вести себя осторожно. Так что позволь мне сделать все от начала до конца.

– Тебе ни к чему делать все от начала до конца, – с нажимом на последнем слове возразил Логан.

– Нет уж, я сказала, что все сделаю сама, значит, так тому и быть. А ты должен лежать и терпеть.

Ничего более противоестественного, чем лежать на пуховой перине, позволяя женщине делать его работу, для Логана не существовало. Тем более если трудиться за него предстояло женщине, которую он поклялся беречь и защищать.

Но в глубине души он одобрил ее предложение.

И оно даже ему понравилось. Очень-очень понравилось.

– Я о тебе позабочусь, – шепнула Мэдди ему на левое ухо, и, высвободив грудь, шепнула на правое ухо: – Я дам тебе все, что нужно.

У Логана от этого обещания, произнесенного с чувственной хрипотцой, по телу побежали мурашки.

При виде ее обнаженной груди у него слюнки потекли.

Единственное, на что егохватило, это выдавить из себя одно слово:

– Поторопись.

Мэдди одарила его многообещающей улыбкой.

Затем она приподняла одну грудь и, дразня его, провела по его небритой щеке. Логан повернул голову и поймал губами сосок. И тут же почувствовал шевеление внизу.

Он с наслаждением вдыхал ее лавандовый запах, но еще больше, чем ее запах, привкус и нежная текстура ее кожи, Логану нравились те звуки, что она издавала, когда он втягивал в рот ее сосок. Эти вскрики, вздохи и томные эротичные постанывания.

– Это я, – задыхаясь, сказала Мэдди, – должна тебя ублажать.

– Все так и есть, детка. Так и есть.

Наконец, Логан ее отпустил, и Мэдди распрямилась, отодвинувшись от него. Глаза ее заволокла чувственная дымка, щеки порозовели.

Она была хороша как никогда. И она была его женщиной. И в том и в

другом Логан видел свою заслугу.

– Не шевелись, – приказала ему Мэдди и, приподняв юбки, приспустила одеяло.

Логан закрыл глаза в предвкушении.

Но предвкушал он напрасно. Пауза затянулась, и Логан решил посмотреть, в чем проблема.

Как оказалось, проблемы не было как таковой. Она с восхищением художника, нашедшего объект, достойный превращения в произведение искусства, взирала на его детородный орган. С тем же выражением лица она – Логан своими глазами это видел – смотрела на клешню краба или на крыло бабочки.

Мэдди нежно провела пальцами по его бедру.

– Можно я как-нибудь тебя нарисую?

– Ты можешь делать со мной все, что твоей душе угодно. Но только выбери для этого другое время. – Голос его дрожал. – Детка, я умираю.

Мэдди с видимым сожалением закусила губу.

– Обидно, – сказала она и, наконец, прикоснулась к нему. Палец ее неспешно чертил круги вокруг его головки.

Логан выругался и приподнял бедра.

– Не делай этого, – строго отчитала его Мэдди.

– Тогда ты меня не дразни, – прорычал он в ответ.

Мэдди сжалась над ним и крепко ухватила его всей ладонью. При первом же ее движении в голове его словно вспыхнул ослепительный белый свет, и мозг отключился. Логан лежал, уставившись в потолок с одним-единственным желанием, чтобы она повторяла это еще и еще, быстрее, жестче.

Логан зажмурился, целиком сосредоточившись на ощущениях там, внизу. С каждым движением она приближала его к развязке.

А затем... Ощущения изменились. Головку обдало приятной прохладой, словно ветерок повеял, а потом... Неужели? Она касалась его языком, эта хитрая бестия. И так, словно знала, как сделать так, чтобы ему было очень, очень-очень приятно. И все же ему чего-то не хватало.

Логан продержался, пожалуй, целую минуту, но больше терпеть он не мог. Дрожащей рукой он погладил ее по волосам:

– Возьми меня в рот.

Он знал, что рискует. Он мог напугать ее своей просьбой. Он мог возмутить ее своей просьбой. Что, если она сейчас поднимет голову и скажет ему непререкаемым тоном, чтобы он шел куда подальше со своими извращенными желаниями.

Дабы увеличить свои шансы на положительный исход, Логан добавил:
– Пожалуйста.

Но Мэдди, кажется, подчинилась его приказу еще до того, как он вспомнил о пользе хороших манер. Благословенное влажное тепло окружило его, и он застонал, сдаваясь ей в плен.

– Я люблю тебя. – Слова просто слетели у него с языка. Логан больше не мог их удерживать.

Логан тут же мысленно себя отругал. Нашел время, ей-богу. Теперь-то уж Мэдди точно прекратит делать то, что начала. Она отодвинется, присядет на кровать и посмотрит ему в глаза со слезами радости. И ему придется поддерживать бессмысленный разговор об их чувствах друг к другу. Возможно, ему даже придется обниматься с ней.

Однако Логан боялся зря. Мэдди не останавливалась. Она лишь посмотрела на него снизу вверх, улыбнулась, по-прежнему придерживая его губами, и еще глубже втянула в себя.

Логан застонал вновь.

– Господи, я так тебя люблю.

Первые ее движения были осторожными, даже робкими, что вполне объяснимо с учетом того, что Мэдди занималась этим впервые. Но, признаться честно, с учетом его ситуации, особое мастерство ей и не требовалось. Он умирал от желания. К тому же если мастерства ей явно не хватало, то энтузиазма было не занимать. Чтобы она ни надумала, ему все будет приятно, лишь бы только ей не взбрело в голову его укусить. Но до этого, к счастью, не дошло. Логан поймал себя на том, что пытается проникнуть глубже всякий раз, как она сжимает его губами. Он начал терять над собой контроль и зашел, похоже, слишком далеко.

– Возьми меня в себя, – хрипло приказал Логан. – Я должен оказаться в тебе.

И вновь ему не пришлось просить дважды. Она охотно оседлала его, предварительно задрав юбки до талии. Она оказалась влажной. Неужели оральные ласки дарили ей удовольствие, сопоставимое с тем, что получал он?

Логан сдавленно застонал. Она опустилась на него, а остальные полпути он проделал сам, изнемогая от сладострастной муки.

Вначале она пыталась осторожничать, очевидно, помня о ране в бедре, но очень скоро Мэдди, схватив его за плечи, установила ритм, который ничего общего не имел с осторожностью. Похоже, все, что ее теперь волновало, это удовлетворение собственных плотских потребностей.

И это хорошо. Он завороченно смотрел на вздрагивающие перед его

лицом бледные груди. Но еще больше возбуждало Логана ее лицо. Лицо его любимой женщины в пароксизме страсти.

Внезапно глаза ее широко распахнулись и взгляды их встретились.

– Логан, я...

Он знал, что ей нужно и, подсунув руку под пышные складки ее юбок, он нащупал заветный бугорок и, все так же глядя ей в глаза, сказал:

– Давай, милая. Не держи это в себе.

Она нахмурила лоб и прикусила губу. Еще пару секунд она стойко удерживала его взгляд, но потом крепко зажмурилась.

Дрожь волна за волной сотрясала ее тело, она раз за разом сжималась вокруг него. И тогда вожденная разрядка настигла и его тоже. Логан застонал, отдавшись на волю ощущений.

Он бы с радостью уложил ее рядом с собой и, охраняя ее сон, все смотрел и смотрел бы на нее, оставаясь в ней как можно дольше. Но Мэдди уже вспомнила о его травмах и о своих обязанностях няньки, и потому о сне в обнимку не было и речи. Она хоть и отодвинулась от него, но оставалась в кольце его рук.

Ну что же, и так тоже хорошо.

– И все же я одного не понимаю, – пробормотала Мэдди. – Где же эти письма?

Глава 26

И Мэдди тут же почувствовала, как Логан напрягся. И сердце его забилося быстрее.

– Это не то, что ты думаешь, – сказал он.

– Я еще ничего не успела подумать.

– У меня были эти письма. Правда. Я получил их все, я читал их и перечитывал по многу раз.

– Я знаю.

– И потом, после твоего последнего письма, в котором ты объявила меня мертвым... – Логан выругался сквозь зубы, – я разозлился и сжег их все в костре однажды ночью. Все, кроме одного.

– Получается, когда ты вытаскивал письмо из кармана и читал его мне...

– Я читал его по памяти. Я их все выучил наизусть. Как бы я ни старался тебя забыть, я так и не смог вырвать тебя из сердца.

Мэдди нежно его обняла.

– Логан, я в жизни не слышала ничего глупее и ничего милее моему сердцу.

– Что я могу сказать. Я...

– Ты втюрился в меня по уши.

– Я собирался сказать, что люблю тебя, но ты сама сказала это даже точнее.

Логан взял ее за руку и прижал к своей груди.

– Первое правило любви: не паниковать, – сказала Мэдди.

– Какое второе правило? С первым все равно промашка вышла.

Мэдди загадочно улыбнулась, подняв на него глаза.

– Второе правило: не суетиться.

Мэдди только собралась подарить ему страстный поцелуй, как в дверь постучали.

– Миссис Маккензи, вы здесь?

Логан поцеловал Мэдди в лоб.

– Приятно слышать, когда к тебе так обращаются.

– И мне приятно, – сказала Мэдди и мечтательно улыбнулась, глядя на него снизу вверх. – Боюсь, что мне придется пойти и открыть дверь.

– Не стоит себя затруднять, – сказал Логан и, повысив голос, сказал: – Заходите.

Мэдди не успела вскочить с кровати, хотя очень к этому стремилась: Логан ее задержал.

– Спокойно. Вряд ли сегодня Бекки застанет нас вместе в постели в последний раз. Пусть привыкает.

– Бекки, может, и привыкнет быстро, но мне придется сложнее. – Мэдди почувствовала, что краснеет. Но перечить мужу не стала. Раз Логан хочет, чтобы она была рядом, так тому и быть.

Когда Бекки вошла, Мэдди по-прежнему лежала рядом с мужем. К чести Бекки, она не подала виду, что увидела что-то неподобающее.

– Мне не хотелось бы вас беспокоить, мадам, но к вам гости.

– Гости?

– Вернее сказать, один гость. Посетитель. Мужчина.

– Мужчина? – Приподнявшись на локте, Мэдди удивленно посмотрела на Логана. – Ты кого-нибудь ждешь?

– Я – нет. Если только ты кого-нибудь ждешь.

– Джентльмен назвал свое имя? – спросила Мэдди у служанки.

Горничная покачала головой.

– Я забыла спросить. Я растерялась. Миссис Маккензи, он такой...

– Большой?

– Нет. Станный.

Мэдди была окончательно сбита с толку.

– Проводи его в гостиную, Бекки. И попроси кухарку приготовить чай. А я сейчас подойду.

– Представить не могу, кто бы это мог быть, – сказала Мэдди, когда за Бекки закрылась дверь.

– У меня есть повод для ревности?

– Во всяком случае, я должна тебе напомнить, что, когда ко мне в последний раз приходили с визитом... – Мэдди с улыбкой взглянула на их переплетенные пальцы. – ... ты повел себя как самый настоящий ревнивец.

– Вот поэтому, – сказал Логан, освободив руку Мэдди и делая попытку сесть в кровати, – я пойду с тобой.

– Логан, я же просто тебя дразнила. Тебе нельзя ходить. Ты должен соблюдать постельный режим.

– Я спущусь с тобой, – повторил Логан уже куда более строгим, командирским тоном. Натянув рубашку через голову, он болезненно поморщился, просовывая руки в рукава. – Вдруг этому странному безымянному джентльмену взбредет в голову что-то неподобающее!

– А если и взбредет, что ты можешь сделать? Затопить его своей кровью? – сказала Мэдди и засмеялась.

Логан смеяться не стал.

Он посмотрел на нее так, как смотрит не инвалид, а воин.

– Я буду драться за тебя, Мэдди, даже одной ногой в могиле.

– Ну ладно, – уступила Мэдди под впечатлением от его решимости. Что еще скажешь? Если Логан что-то решил, останавливать его бессмысленно. Не в его характере залеживаться в кровати, и это ей, если признаться, нравилось.

Они собирались не спеша. Мэдди помогла ему заправить рубашку под ремень и застегнуть пряжку. Она уговорила его сесть за ее туалетный столик и сама расчесала ему волосы гребешком.

Когда Мэдди решила, что ее муж выглядит достаточно презентабельно, они медленно под руку пошли в гостиную.

Узнав о том, кто именно ждал их там, Мэдди немало удивилась.

– Я – мистер Реджинальд Оркни, – представился гость.

Да, Бекки была права. Этот человек в одиннадцать утра в ее гостиной выглядел так же неуместно, как она, Мэдди, давеча на балу у лорда Варли. На нем была куртка из твида, синие брюки и башмаки на толстой подошве. При их с Логаном появлении он встал с кресла, снял шляпу и глубоко поклонился.

– Доброе утро, мисс Грейсчерч. – Мистер Оркни еще раз поклонился, повернувшись к Логану. – Доброе утро, капитан Маккензи.

– Вообще-то, – поправила его Мэдди, – я теперь миссис Маккензи.

– Да? – Мистер Оркни удивленно хлопнул в ладоши, при этом расплывшись в улыбке, которую продолжал держать в руке. Грустно взглянув на шляпу, он уронил ее на пол и, поддев ногой, отправил под стул. – Мои поздравления вам обоим.

Мистер Оркни молчал, и было не похоже, что он намерен сказать им еще что-то.

Мэдди решила проявить инициативу.

– Мистер Оркни, чем мы обязаны удовольствию видеть вас у себя?

– Ах, да. Я не уверен, что при открывшихся обстоятельствах мой визит все еще имеет смысл. Видите ли, мисс Грейсчерч, или, вернее, миссис Маккензи, должен признаться, что я ехал сюда в расчете вас ангажировать.

Атмосфера в гостиной стала еще более напряженной.

– Вы пришли, чтобы сделать предложение? – ревниво, к вящему удовольствию Мэдди, поинтересовался Логан.

Мистер Оркни был, кажется, слегка напуган.

– Я не собирался ангажировать мисс Грейсчерч в этом смысле, хотя, – быстро поправился мистер Оркни, – не могу не признать, что она очень

хороша собой. Но у меня уже есть жена. О боже, я, кажется, совсем запутался. – Мистер Оркни прочистил горло и начал сначала. – Миссис Маккензи, я пришел, чтобы ангажировать ваши услуги в качестве иллюстратора.

У Логана отлегло от души.

– Не вижу причин, препятствующих тому, чтобы вы могли предложить моей жене работу. Несмотря на то что мы недавно поженились, она намерена продолжать заниматься любимым делом. – На всякий случай Логан посмотрел на Мэдди и переспросил: – Ведь так?

– Конечно, – сказала Мэдди.

– Приятно это слышать, – ответил мистер Оркни. – Было бы настоящей трагедией лишать мир столь талантливого иллюстратора.

– Но, мистер Оркни, вы уверены, что все еще заинтересованы в том, чтобы я на вас работала? Возможно, вы еще не получили мое письмо. С крабами вышла непредвиденная задержка.

– Да, да, получил. Но это не так уж важно. Видите ли, речь идет о новом проекте. Очевидно, вы заметили, что я несколько отличаюсь от других натуралистов, таких как лорд Варли и его друзья. У меня нет желания убивать живых существ и привозить их домой в Англию в виде чучел. Я предпочитаю изучать живой мир в естественной среде обитания и там же протоколировать свои находки. И целью моего следующего путешествия является изучение моллюсков и ракообразных, обитающих на Бермудских островах.

– Так вы отправляетесь на Бермуды? Как это интересно.

– Да. И я приехал сюда, чтобы спросить, можете ли вы, мисс Грейсчерч – о, простите, миссис Маккензи – отправиться в экспедицию в должности иллюстратора.

Мэдди вдруг лишилась дара речи.

Он хотел, чтобы она отправилась в экспедицию на Бермуды?

Мистер Оркни дергал себя за ухо.

– Боюсь, что времени на размышления у вас остается совсем мало. Изначально отъезд намечался на конец августа, но на прошлой неделе нам предложили место на корабле, который отправляется из порта Глазго в этот четверг. Я не мог упустить такую возможность.

– В четверг? Выходит, вы просите меня уехать...

– Немедленно. – Мистер Оркни сделал виноватое лицо. – Боюсь, что так. Как только вы соберете вещи в дорогу, мы отсюда отправимся в Глазго и используем оставшееся время на то, чтобы собрать припасы в дорогу. Если вы хотите, вы можете взять с собой компаньонку. Однако должен

сказать, что моя жена едет со мной, и она будет очень рада тому, что с нами будет еще одна женщина.

Когда у Мэдди перестала кружиться голова настолько, что она вновь обрела дар речи, она сказала:

– Я польщена тем, что вы оказали мне честь и пригласили принять участие в проекте, который, как мне кажется, открывает фантастические возможности. Но, как видите, я вышла замуж чуть больше месяца назад, и мой муж еще не вполне оправился от полученной травмы. Я просто не могу...

Логан стиснул ее предплечье.

– Как долго она будет отсутствовать?

– Около шести месяцев.

Логан кивнул.

– Вы дадите нам минутку, чтобы обсудить этот вопрос? – спросил Логан.

– Разумеется, – с поклоном еще более глубоким, чем обычно, сказал мистер Оркни.

Логан решительно вышел за дверь; немного растерянная Мэдди вышла следом. Что тут обсуждать? Ему ни к чему отговаривать ее от поездки, она уже ответила Оркни отказом.

– Я думаю, ты должна поехать, – сказал Логан.

– Что?

– Я думаю, тебе следует сопровождать мистера Оркни в его экспедиции на Бермуды.

Мэдди не верила своим ушам.

– А как же это вяжется со всем тем, что мы говорили друг другу в ночь Белтейна? Если у тебя такая короткая память, то вспомни о том, что мы говорили друг другу примерно полчаса назад.

Логан чуть заметно усмехнулся.

– Поверь мне, я никогда не забуду то, что было между нами полчаса назад. Буду помнить до самой смерти. И все же, я думаю, тебе надо поехать с ним.

– Я думала, ты хочешь, чтобы мы были вместе. Навсегда.

– Что я хочу, так это держать тебя крепко-крепко и никогда не упускать из виду. Что я хочу, так это проводить с тобой каждую минуту каждого дня и обнимать тебя – тело к телу, каждую ночь. Я люблю тебя до безумия. Но у меня хватает ума понять, что я хочу всего этого потому, что у меня проблемы с доверием.

– И я это понимаю.

– Я знаю, милая ты моя. Но проблема все равно моя, и решить ее должен я сам. – Логан взял ее за плечи. – Перед тобой открывается такая возможность! Экспедиция на Бермуды, зарисовки с натуры. Это совсем не то, что рисовать пыльные трупы, которые тебе отправляют по почте. У тебя появился шанс получить стабильную работу. Все, о чем ты так мечтала.

– Но, Логан, я не хочу...

– Ты хочешь поехать. – Логан погладил ее по щеке. – Я был у тебя в студии, и я видел карту, утыканную булавками. Так что, не надо мне говорить, что ты не хочешь ехать.

– Часть меня действительно хочет поехать, – призналась Мэдди, – но вся я хочу быть с тобой. Я никуда не поеду. Что, если я жду ребенка?

– Это маловероятно после столь малого количества попыток. Когда ты ждешь месячных?

– Со дня на день.

– Тогда, наверное, ты будешь знать наверняка до того, как корабль отчалит. А тем временем ты все равно могла бы подготовиться. Такие возможности каждый день не выпадают. Не зря ведь ты столько об этом мечтала, и вот тебе улыбнулась удача.

– С каких это пор ты стал верить в удачу?

– С недавних. Можешь считать это результатом твоего благотворного влияния.

– Знаешь, что я думаю? Ты просто напуган. Ты так боишься, что я уеду, что сам готов меня к этому подтолкнуть.

Логан пожал плечами.

– Возможно, ты права. Ты говоришь, что любишь меня, но я не могу заставить себя не думать о том, что... Как ты можешь быть уверена в своих чувствах? Я знаю тебя многие годы, а ты меня – всего несколько недель. И вот, ради меня, ты готова отказаться от шанса, который выпадает раз в жизни. Откуда мне знать, что ты любишь именно меня, а не того капитана Маккензи, которого сама придумала.

– Вот, значит, как. Из-за того, что я когда-то придумала одного шотландского офицера, ты никогда не согласишься в то, что я тебя люблю?

– Все, что я хочу сказать, Мэдлин, это то, что если ты отправишься вслед за мечтой, а потом вернешься ко мне, ты убедишь меня в том, что твои чувства достойны доверия.

Мэдди долго молча смотрела на него.

Так жить нельзя. Нельзя жить, постоянно сомневаясь друг в друге, постоянно задаваясь вопросом о том, что их связывает: настоящая любовь или договорные отношения. Чувства ли у них одни на двоих или страхи?

Мэдди знала, что любит его. Она была уверена в своих чувствах, даже если Логан сомневался. Но, если только Мэдлин не хочет прожить остаток жизни в ядовитых парах подозрений, она должна развеять его сомнения и, чем скорее, тем лучше.

Мэдди готова была ради этого хоть всю землю пешком прошагать. Если понадобится, она спустится в ад и вернется оттуда.

По сравнению с адом Бермуды не казались таким уж далеким местом.

– Давай я поставлю вопрос так, – сказал Логан и развернул ее лицом к себе. – Если бы этот парень явился сюда два месяца назад, до моего приезда, что бы ты тогда ему сказала? Я думаю, мы оба знаем ответ.

Мэдди кивнула. Она точно знала, как бы ответила.

И, как только она взглянула на ситуацию под этим углом, все сразу прояснилось.

Чтобы не дать себе времени передумать, Мэдди тут же вернулась в гостиную.

– Мистер Оркни, я могу уехать с вами сегодня же.

Глава 27

Логан не привык бездельничать. Прошла всего неделя с отъезда Мэдди, а он уже изнемогал от скуки. И конечно, он страшно скучал по своей жене.

Логан не знал, как переживет эти шесть месяцев.

Радовало то, что его товарищи понимали, что их бывший командир нуждается в их компании. Каждый вечер они, как встарь, сидели вокруг костра, пили виски, вспоминали любимых, говорили о будущем.

Логан нащупал лежащий в кармане сложенный вчетверо листок. Он нашел его в своей сумке в первую ночь после ее отъезда с мистером Оркни. Стоило ему лишь взглянуть на сложенный листок с его именем, написанным ее рукой, как на Логана потоком обрушились воспоминания. И с замиранием сердца он подумал: неужели это еще одно письмо от нее?

Когда он развернул листок, оказалось, что это даже лучше, чем письмо.

Рисунок.

Ах ты, маленькая хитрая лисичка!

Логан не стал бы показывать его друзьям, но он постоянно носил его с собой. Сделанный углем рисунок прожигал его насквозь, словно тот уголек все еще горел.

Логан отвинтил крышку фляги, чтобы сделать еще глоток виски, но передумал и, завинтив крышку, убрал флягу. Почесав подбородок, он пришел к мысли, что неплохо было бы побриться и принять ванну. Если вовремя не спохватиться, то к приезду Мэдди он превратится в запущенного пьянчугу с бородой до пояса.

Она непременно вернется.

Ему надо было верить в это, чтобы и впрямь не сойти с ума.

Грант вскочил на ноги.

— Что это? Что происходит?

Логан хотел было ответить так, как отвечал тысячи раз до этого: мол, мы в Шотландии, в Росшир отправимся завтра и все такое, но вдруг ему захотелось сломать шаблон.

Логан встал и положил руку на плечо друга.

— Тебя контузило, друг мой. И с тех пор у тебя нелады с памятью. Мы вернулись с войны живыми. А вот твоим близким повезло меньше. Но я здесь, с тобой, и я всегда буду говорить тебе правду. Спрашивай, что

хочешь.

Но Грант удивил его.

– Я знаю, где я, капитан. И я потихоньку собираю свою память по осколкам. Я лишь один вопрос хотел задать. Где Мэдлин?

Никто ему не ответил. Если со всеми прочими происходило то же, что с Логаном, они все лишились дара речи. Или каждый подумал, что ослышался.

– Где Мэдлин? – повторил Грант.

– Она... Ну, она уехала.

– Уехала? С чего она вдруг уехала?

– Я велел ей поехать. – Логан потер щеку ладонью. – Я отправил ее на Бермуды рисовать морских рачков для натуралиста, который поехал с ней.

Грант немного помолчал, а потом сказал то, что про себя думали все, включая самого Логана.

– Ты – тупой ублюдок.

Логан вскинул руки, словно защищаясь.

– А что я мог сделать? У нее талант. И у нее есть мечта. Я не хочу вставать между ней и ее мечтой. Мэдди вернется.

Надо все время помнить о том, что она непременно вернется.

Вернется, как пить дать.

Разве не так?

Каллум почесал голову.

– Ну, я понимаю, почему ты захотел, чтобы Мэдлин уехала. Но чего я никак не могу понять, почему ты не поехал с ней.

Действительно, почему он с ней не поехал?

Признаться честно, эта мысль ни разу не приходила ему в голову.

– Я не мог поехать с ней.

– Почему не мог?

– Мы только-только освоились на этой земле. Теперь я хозяин замка. Надо, чтобы кто-то присматривал за собственностью. И вам, братцы, я тоже нужен здесь. – Логан обвел товарищей взглядом. – Разве нет?

Ответом ему было деликатное покашливание.

Вот так, значит. Они в нем не нуждались.

– Понимаю, – сквозь зубы процедил Логан.

– Не то, чтобы ты нам надоел, – сказал Каллум, – но мы взрослые мужчины. Мы сами можем о себе позаботиться. Дома строятся. Земля засеяна. Даже Грант идет на поправку.

Каллум хотел его утешить, но получилось наоборот.

Логан чувствовал одну лишь опустошенность.

Если заветная мечта Мэдди являла себя не в самих письмах, а в рисунках на полях, то его тайные надежды маячили где-то на периферии его планов. Не земля была ему нужна, а семья. Свой близкий круг людей, которые ему дороги. Которым дорог он.

И любовь.

Вот эти пять потрепанных жизнью солдат и были для него семьей. Он заботился о них так, как заботился бы о самых близких родственниках. Если Мэдди ушла из его жизни, а его товарищи в нем не нуждались, то... кто он? И зачем он живет?

– Я думал, у нас настоящее братство, – сказал Логан. – Клан.

– Так и есть, – сказал Рабби. – И в этом соль. Настоящему братству расстояние не помеха. И ты можешь на нас положиться. Мы присмотрим и за замком, и за землей, пока ты будешь в далеких краях справлять с молодой женой медовый месяц.

Логан понятия не имел, что такое отпуск. Люди его круга в свадебные путешествия не ездят. И вообще, если и ездят куда-то, то только по делам. Но сейчас он так проникся этой мыслью, что мог думать только о том, как будет стоять рядом с Мэдди на палубе шхуны, несущейся на раздутых парусах по синему-синему морю, и как ветер будет трепать ее темные, распущенные волосы. Как он будет любить ее на белом прибрежном песке.

Наконец-то они смогут прогуляться по берегу моря.

– Какой сегодня день? – спросил Логан.

– Среда, – ответил Каллум.

– Еще не все потеряно, – решительно заявил Логан. – Я могу успеть на корабль до отплытия.

– Вот это дело, – одобрительно сказал Рабби, и его дружным гулом поддержали остальные. – Пойду готовить твоего коня.

Каллум принес Логану китель, и Маккензи сунул руки в рукава. Ни шейного платка, ни нарядных чулок на нем не было, и времени наряжаться тоже.

– Как я выгляжу? – спросил он у Каллума, сунув левую ногу в сапог.

– Как кот после драки, – услужливо сообщил ему Каллум.

Логан пожал плечами. Что теперь поделаешь? Либо она примет его таким, как есть, либо не примет совсем.

– Подожди, – вмешался Монро, заступив Логану путь. – Чтобы иметь хоть какой-то шанс успеть в Глазго до отплытия, вам надо было отправляться, – доктор вытащил часы и, глядя на них, произвел в уме кое-какие подсчеты. – Двенадцать часов назад. Это если вы поедете в карете. И, будучи вашим врачом, я не могу рекомендовать вам ехать верхом,

принимая во внимание вашу недавнюю травму.

– Доктор ты или нет, – набычившись, прорычал Логан, – если тебе самому не боязно за свое здоровье, лучше мне не мешай.

– Как доктор, я вам ехать не рекомендую, но... – Монро задорно усмехнулся, – как ваш друг и товарищ могу лишь пожелать счастливого пути!

Логан благодарно кивнул.

– И все же, скорее всего вы не успеете.

– Я знаю. Но я должен попытаться. И если я приеду слишком поздно... – Логан сунул вторую ногу в сапог. – Пожалуй, я напишу ей пару писем.

– Письма? – раздался знакомый женский голос. – Я, кажется, что-то интересное пропустила, да?

Мэдди.

Никогда ей не забыть выражения его лица, когда он обернулся на ее голос.

Глаза у него были красные, словно он не спал несколько ночей подряд. И не брился он тоже несколько дней, не меньше. От него – на самом деле от них всех – пахло виски. Рубашка его была застегнута далеко не на все пуговицы, а волосы растрепаны. Без нее он совсем опустился.

И ей это нравилось. Она никогда не любила его сильнее, чем в эту минуту.

– Ты здесь, – в полной растерянности пробормотал Логан и подошел к ней медленно, боязливо. Словно боялся, что, если он слишком поспешит, она растворится в воздухе, как мираж.

Мэдди улыбалась. Она никуда не собиралась пропадать.

Логан остановился в нескольких шагах от нее. Они оба стояли неподвижно, и Логан медленно, с удовольствием скользил по ней взглядом, то и дело возвращаясь на исходную, словно боялся упустить что-то важное.

– Ты красивая, – сказал он, наконец, проведя ладонью по своей покрытой щетиной щеке.

– А ты выглядишь ужасно, – с улыбкой ответила Мэдлин.

– Как получилось, что ты здесь? Экспедицию перенесли?

Мэдди покачала головой.

– Отменили?

– Нет.

– Неужели ты... – взгляд его опустился на ее живот.

Мэдди улыбнулась и покачала головой.

– И не это.

– Выходит, ты передумала плыть с ним на Бермуды.

– На самом деле я вообще не ездила в Глазго.

Логан сдвинул брови.

– Так этот ублюдок Варли...

– Логан. – Мэдди шагнула к нему и положила ладонь ему на грудь.

Прикасаться к нему было приятно. Очень приятно. – Дело пойдет куда быстрее, если ты перестанешь гадать и просто дашь мне сказать.

Логан открыл рот, собираясь что-то сказать, но сразу же его закрыл.

– Ты попросил меня подумать о том, что бы я ответила Оркни, если бы он предложил мне поехать в экспедицию два месяца тому назад. И я тут же поняла, каким был бы мой ответ. Я бы ответила: нет. Потому что я была слишком робка, слишком труслива. Я как та бабочка, сама приколола бы себя к доске и позволила своим крыльшкам повиснуть, съежиться и покрыться пылью. Если я и задумалась всерьез, ехать мне или нет, то только потому, что в моей жизни появился ты.

– Тогда почему ты здесь?

– Потому что ты хотел, чтобы я боролась за свою мечту. И моя мечта не в Глазго и не на Бермудах. Я сделала то, что должна была сделать в тот вечер на балу. Я попросила у мистера Оркни прощения и поехала не в Глазго, а в Эдинбург, где я встретила с мистером Дорнингом и показала ему мои работы. Если ты забыл – он издает энциклопедию.

Логан молча кивнул.

– Ты был прав, Логан. У меня есть амбиции. Я действительно хочу найти лучшее применение своим способностям. Но работа над энциклопедией – это то, чего я хотела с самого начала. И потому я предложила мистеру Дорнингу свои услуги иллюстратора энциклопедии.

Логан приподнял брови.

– И?

– И, – Мэдди улыбнулась, – он назначил меня на эту должность.

Логан больше не мог сдерживаться. Подхватив Мэдди на руки, он закружил ее, и Мэдди казалось, что у нее выросли крылья. Что она летит как птица. И, даже когда он поставил ее на землю, в душе она продолжала парить высоко-высоко в небе.

– Твои ребра! – испуганно воскликнула Мэдди, только сейчас о них вспомнив. – Осторожно. Помни, что сказал Монро насчет твоего легкого.

– Насчет легких не волнуйся. А сердце вот-вот лопнет от гордости за тебя. Ты – просто класс, сердце мое. – Логан обернулся к своим товарищам. – Парни, миссис Маккензи будет иллюстрировать

энциклопедию. В четырех томах. Поздравьте ее.

И самые сердечные поздравления не заставили себя ждать. И Мэдди с благодарностью их принимала.

– А теперь попрощайтесь с ней, – сказал он.

– Прощаться? – Мэдди растерянно смотрела на него.

– Ну да. – Он привлек ее к себе и шепнул на ухо: – После того как я уложу тебя в кровать, они не увидят тебя недели две, не меньше.

Мэдди смущенно зарделась.

И Логан скрепил обещание поцелуем с привкусом виски и сладким привкусом самого Логана. И Мэдди одарила его ответным поцелуем. Она нырнула в любовь с головой, не заботясь более ни о какой страховке.

Мэдди не дала ему понести ее наверх на руках, тогда он схватил ее за руку и потащил за собой, и, когда они добрались до спальни, Мэдди запыхалась не столько от бега по крутым лестницам, сколько от счастья.

Они вместе упали на кровать.

Логан, снимая с нее платье, работал обеими руками: одна рука трудилась над застежкой лифа, другая – над юбками.

Они любили друг друга медленно, осторожно. Отчасти чтобы не навредить ребрам Логана, но в основном для того, чтобы лучше прочувствовать друг друга. Ни он, ни она не хотели, чтобы все закончилось слишком скоро.

А потом он оставался в ней, пока она прижимала его к себе.

– Ты действительно собираешься продержать меня тут две недели? – прошептала она.

– Или месяц.

– Я не могу вечно валяться в кровати. Мне надо работать. И, мне кажется, я должна тебя предупредить: вскоре моя студия наполнится жуками, стрекозами, мотыльками и прочей живностью.

Мэдди почувствовала, как его передернуло.

– Не переживай. Они будут по большей части мертвые.

Логан подозрительно уставился на нее.

– Большинство? Не все?

– И люди почти никогда не погибают от укусов насекомых.

– Почти никогда.

Мэдди шутливо потрепала его по щеке.

– Дыши глубже. Просто дыши.

Логан лбом прижался к ее лбу. И несколько благословенных секунд они только и делали, что вместе дышали. Обменивались вдохами и выдохами, пока не осталось только его дыхания или только ее дыхания,

когда оно у них стало одно на двоих.

– Я люблю тебя, – сказал Логан.

– И я тебя люблю тоже.

– Я так по тебе скучал, сердце мое. Как я вообще мог тебя отпустить!

Каким я был придурком.

– Ты был капитаном Маккензи.

Он улыбнулся. Потом сделался серьезным.

– Я просто не хотел отбирать у тебя мечту.

– В том-то и дело. Ты и не смог бы. Никогда. – Мэдди смотрела в его глаза. Бездонные, голубовато-серые, как небеса над Шотландией. – Логан, ты и есть моя мечта. И, какой бы безудержной ни была моя фантазия, – Мэдлин обвила его шею руками, – реальность оказалась куда лучше.

Эпилог

Он выздоравливал небыстро, но через пару месяцев, когда раны его перестали о себе напоминать, а летнее солнце согрело воздух, Логан смог, наконец, увезти жену в настоящее свадебное путешествие. Он отвез ее на море. Через девять лет после того, как они «встретились» в Брайтоне. Как говорится: лучше поздно, чем никогда.

Логан снял для них хорошо обставленный домик недалеко от деревни Дурнесс, прямо на песчаной отмели, откуда можно любоваться роскошными оранжевыми закатами. Дурнесс, конечно, не фешенебельный Брайтон и не экзотические Бермуды, но места там красивые, а людей мало.

С учетом того, что это был первый отпуск, который Логан спланировал, подготовил и осуществил, он гордился успехом своего начинания. Каждый вечер они вдвоем гуляли по кромке прибоя. Мэдди собирала ракушки и делала зарисовки в альбоме. Логан подарил ей золотое обручальное кольцо, на котором были выгравированы их инициалы. Не раз и не два они любили друг друга на сине-зеленом клетчатом тартане, расстеленном на песке.

И еще они попрощались с двумя добрыми друзьями.

– Желаю тебе всего доброго, Флаффи, – прошептала Мэдди.

– Хорошенько заботься о ней, Рекс, – напутствовал своего друга Логан.

Они выпустили крабов в море и пожелали им благополучного путешествия и многочисленное потомство.

Глядя вдаль поверх холодных синих вод, Мэдди взяла Логана за руку.

– Ты помнишь, как ты впервые держал на руках нашего первенца?

Он привлек ее к себе и поцеловал в губы.

– А как же. Насколько я помню, это было примерно через девять месяцев, считая от сегодняшнего дня.

Мэдди засмеялась.

– Я бы сказала, через шесть.

– Что? – Логан ошеломленно смотрел на нее. – Не может быть. Уже?

Она кивнула.

– Но... – Он рылся в памяти в поисках видимых свидетельств. – Тебя не тошнило.

– Тошнило. Но совсем недолго. В самом начале. Тетя Тея дала мне тоник.

Логан уронил руку, отступил на шаг и, не сводя с нее глаз, потер

ладонью щеку.

Мэдди ему сочувствовала. У него был такой вид, словно он готов упасть в обморок. Мэдди прикусила губу.

– Признаться честно, я рассчитывала, что ты примешь эту новость с большим энтузиазмом.

– Да моего энтузиазма хватит на целую роту! Мне хочется стиснуть тебя изо всех сил и закружить, а потом уложить на плед и не слезать часа два. Но мне вдруг стало боязно все это делать. – Логан судорожно сглотнул. – Ты ждешь ребенка. А это положение деликатное.

– Деликатное положение? – с улыбкой переспросила Мэдди. – Ребенок, которого я жду, твой. Я уверена, что он – или она – выдержат все вышеперечисленное. Включая последний пункт.

Логан протянул руку к ее ключице и нежно провел по ней подушечкой пальца.

– Сердце мое. Мое сердце.

Мэдди взяла его руку и положила себе на живот.

– Теперь там бьется еще одно маленькое сердце. В нем немного от тебя, немного от меня и много от того, кого нам еще предстоит узнать. Но, Логан, – Мэдди подняла взгляд, и ее темные глаза встретились с его светлыми глазами. – Это означает, что мы – семья.

И вот тогда у него и в самом деле подкосились колени.

Логан крепко прижал ее к себе, пытаясь спрятать переполнявшие его эмоции. Потом он скажет, что глаза у него покраснели от ветра. А сейчас он уткнулся лицом в ее волосы, шепча обещания.

Ты мой: плоть от плоти, кровь от крови.

Те же слова, которые Логан произносил, давая брачные клятвы Мэдлин, он говорил сейчас, обращаясь к их пока не рожденному ребенку.

Их дитя никогда не будет знать голода, холода, боли и страха. Никогда, пока дышат его легкие и кровь течет в его венах.

А что касается любви...

Даже когда сердце его перестанет биться, любви его не будет конца. Логан держал Мэдди в объятиях долго, пока море не подступило совсем близко к их ногам.

И лишь тогда Логан поднял жену на руки и понес ее домой.

Примечания

Белтейн – кельтский праздник начала лета, традиционно отмечаемый 1 мая. (*Примеч. ред.*)